

Марк Аврутин

Жизнь и борьба Иона Дегена

Составитель Марк Аврутин
Редактор Юрий Деген

Ион Деген ещё при жизни был удостоен в 2014 году титула «человек-легенда». Его стихотворение «Мой товарищ в смертельной агонии...», признанное лучшим стихотворением ВОВ, стало своеобразной визитной карточкой Дегена. Автор книг «Из дома рабства», «Стихи из планшета», «Иммануил Великовский», «Портреты учителей», «Война никогда не кончается», «Голограммы», «Невыдуманные рассказы о невероятном», «Четыре года», «Стихи», «Наследники Асклепия», «Чёрно-белый калейдоскоп», «Заметки гвардии лейтенанта», «В тылу батальона», «Я весь набальзамирован войной», сотен стихотворений и рассказов, Ион Деген не считал себя ни поэтом, ни писателем, ни даже литератором. Он объяснял это просто: я учился на танкиста, а после войны – на врача. Да, действительно, литературного института он не кончал. А что, учившиеся на врача Чехов, Аксенов, Горин и многие другие, потом переучивались в литературном институте? Но, в отличие от них, Деген даже после выхода на пенсию в 72 года оставался врачом – консультировал, редактировал научные монографии и пр. Литературная деятельность для него на протяжении всей жизни оставалась хобби, отдохновением, но никогда – источником заработка. Об этом говорят строчки из стихотворения, которым Деген закончил выступление в Доме литераторов в 1945 году. «Мой гонорар — только слава в полку и благодарность солдата. Вам же платил за любую строку щедрый главбух Литиздата». В 19 лет, лёжа в госпитале с ранениями, признанными «несовместимыми с жизнью», он решил стать врачом, и оставался им до конца жизни. Последнее из написанных им произведений представляло собой одновременно рассказ, медицинскую статью и завещание, адресованное молодым врачам.

Ниже представлено хронологически упорядоченное изложение эпизодов жизни Иона Дегена, рассказанных им самим.

Содержание

Предисловие
Детство, родители
Школьные годы
Война
А мы всё ещё живы
Снова учеба
Новая жизнь: врач и ученый
Прозрение
Прощание с родиной, за которую пролито столько крови
На Родине по зову предков
Пора публиковаться
От атеиста до верующего еврея
О еврействе Дегена и о его отношении к левым
Запоздалое признание
Последний диагноз
Заключение

Предисловие

Мы, дети войны, уже стали стариками. Какие могут быть ветераны? По-настоящему воевавших, не в штабах, а с оружием в руках ходивших в атаку, практически не осталось. Теперь молодые пишут о настоящих ветеранах: «Настоящий ветеран всегда был скуп на слова. Старался не вспоминать и не рассказывать о том, что пережил. Не любил эти праздники... Он избегал салютов и маршей, не считал себя героем, не возносился и не ждал никаких почестей. Настоящий ветеран хотел лишь забыть то, что забыть человеку невозможно. Хотел не помнить то, что вьелось в память и терзало, рвало на части».

Да, сколько они их видели, настоящих-то ветеранов, чтобы делать такие выводы? «Настоящий ветеран ненавидел правду той войны. Он не мнил себя освободителем, не гордился подвигами. Лишь равнодушно отмечал про себя, что остался, каким-то образом, жив. А его товарищи нет. Настоящий ветеран прекрасно знал, что в атаку бежали с отборной бранью. Так было меньше страшно. Сталина ненавидели и боялись. В окопах не молились. Не до молитв, когда вокруг кровь, грязь, разрывающиеся снаряды, оторванные конечности». В атаку гнали 18-20 - летних. Что они знали и понимали о Сталине? И перед началом атаки молились, хотя большинство из них не знало ни одной молитвы. «Господи, спаси и пронеси» - всё, на что хватало их фантазии.

«Настоящий ветеран был с подорванным здоровьем. Редко доживал до старости. С разрушенной психикой. С глубокой травмой до могилы, которая становилась ему облегчением. Ни один человеческий разум не может вместить в себя то, что было на той войне». Но это не про нашего героя, который и не думал сдаваться под тяжестью невзгод и обстоятельств, и не дожил всего месяц до 92 лет. Более того, о нём с полным основанием можно сказать, что умер он преждевременно. А разум его вместил и правильные сделал выводы не только о том, что было на той войне, но и не менее страшное – после войны. И не в могиле он искал облегчения, а в жизни, до краёв наполненной увлекательной работой, в окружении любимых им людей.

Знают ли те, которые пишут о ветеранах, что, помимо погибших, о числе которых до сих пор идут споры, 46 миллионов 250 тысяч вернулись домой ранеными. 775 тысяч с разбитыми черепами; 155 тысяч одноглазыми; 54 тысячи слепыми; 501342 тысяч с изуродованными лицами; 157565 тысяч с кривыми шеями; 444046 тысяч с разорванными животами; 143241 тысяч с поврежденными позвоночниками; 630259 тысяч с ранениями в области таза. 28648 тысяч с оторванными половыми органами; 3 миллиона 147 тысяч однорукими; 1 миллион 10 тысяч безрукими; 3 миллиона 255 тысяч одноногими; 1 миллион 121 тысяча безногими; 418905 тысяч с частично оторванными руками и ногами; 85942 тысяч безрукими и безногими (т.н. «самовары»).

Как радовались все, и даже эти «осколки» войны, сообщению о победе в ночь с 8-го на 9-е мая 1945 года. А утром насупило тяжелое похмелье: они, оставшиеся в живых, - тяжёлые инвалиды. У многих погибли родные и близкие, им некуда было деваться. То было чёрное утро похмелья, плач по бесчисленным жертвам, плач по искалеченной юности. Можно ли было считать это праздником?

Деген за прошедший после войны год совершил ещё один подвиг - сдал экстерном за 10-й класс и стал студентом мединститута, о котором мечтал. И в этот непроблемный праздник, сменив орденские планки на тщательно вычищенные ордена и медали, радостно и смущённо принимал поздравления своих однокурсников. Но таких из

огромного числа инвалидов, которые нашли в себе силы стать достойными людьми, оказалось немного.

К тому же, ещё и «родное» государство вместо оказания им помощи постаралось убрать их с глаз долой. Пусть не всех, но значительную часть из них можно было бы вернуть к нормальной жизни, обеспечив протезами. Но не заваливать же промышленность изготовлением миллионов протезов. Забота о людях, о конкретном человеке была уделом пропагандистов. Перед промышленностью же была поставлена задача скорейшего создания ракетно-ядерного щита. В результате эти люди спивались и гибли. Гибли даже вернувшиеся без тяжелых увечий, но с моральными травмами. Вот, например, ровесник Иона, Григорий Булатов, который лично установил первый флаг над рейхстагом. Его не признали героем. Эта несправедливость разрушила жизнь Булатова, он спился, а потом повесился в возрасте 47 лет.

Но не таков был наш герой. Его пытались уничтожить на войне, дважды хоронили. В 1944 году на памятнике, установленном на могиле, в которой захоронили останки членов его экипажа, выгравировали и его фамилию. В 1945 году под заключением о несовместимости полученных им травм с жизнью поставил свою подпись главный хирург Красной армии академик Бурденко. Он, можно сказать, без последствий пережил нанесенную ему обиду – дважды представление о присвоении ему звания ГСС отклоняли по причине его национального происхождения.

И после войны в течение 32 лет его пытались морально раздавить в самой антисемитской республике бывшего СССР – Украине. Но он не спился и не разрушился, продолжал воевать за право стать врачом, ученым, исследователем. Преодолевая не отпускавшую его ни на день физическую боль, он не позволял себе отступить в борьбе с антисемитами, пытавшимися ему ставить «палки в колеса». Всё это лишь распяло его фронду. Конечно, во многом спасал его талант врача, хирурга-виртуоза, которым пользовались все, включая и, даже в первую очередь, власть предержащих.

Да, нашему герою везло, и он вернулся домой, хотя и официально признанным инвалидом на 84%, с осколком в мозгу, и разбитым лицом, разорванным животом, перебитыми руками и ногами. Из всего взвода добровольцев, в котором было 28 евреев и трое украинцев, его друзей и одноклассников, он один (так он думал тогда) остался живым. Потом пятеро украинцев, перекладывая его раненого с подводы на подводу, как по эстафете, рискуя собственной жизнью и жизнями членов своих семей, провезли его от Днепра почти до Полтавы и переправили через линию фронта. В госпитале по всем правилам медицины ему должны были ампутировать ногу, но не ампутировали. В шестнадцать с половиной лет его выписали из госпиталя в никуда. И опять повезло – случайно встретил командира, - и тот отправил его к своему отцу в грузинское село, где его приняли, как родного.

Не мог он забыть и разведчиков, с которыми воевал на Кавказе в 1942 году. Эти мужики, в прошлом сибирские охотники, умельцы на все руки, будучи вдвое-втрое старше, приняли его, семнадцатилетнего, своим командиром. Помнил он и погибших членов экипажа своего танка, на памятнике которым была выгравирована и его фамилия. А он остался жив и весь израненный вернулся с победой домой.

Познал Деген и любовь, изведаль и счастье ремесел, и написал такое, что гордится отцом его сын. Но среди книг о войне, признанных культовыми, нет ни одной из 20 книг, написанных Ионом Дегеном. Впрочем, ничего удивительного. Нет в том списке и

книг Виктора Некрасова, Николая Никулина и других настоящих фронтовиков. Николай Никулин почти ровесник Иона Дегена. В 1941 году Николай окончил десятилетку и в ноябре того же года добровольцем ушел на фронт. В его книге «Воспоминания о войне» использованы послевоенные документы и книги других авторов. Ион ничего не писал «по слухам», с чужих слов - только то, что сам видел и только о тех людях, с которыми сам сталкивался.

Дегена невозможно понять без войны. Он сам написал об этом: «Я весь набальзамирован войною.//Насквозь пропитан. //Прочно. //Навсегда...». Он много писал и рассказывал о своей фронтовой жизни. Во время войны родилась, так называемая, «окопная поэзия». Дегена с полным правом можно считать одним из её лучших представителей. Его стихотворение «Мой товарищ, в смертельной агонии// Не зови понапрасну друзей.// Дай-ка лучше согрею ладони я// Над дымящейся кровью твоей.// Ты не плачь, не стони, ты не маленький,// Ты не ранен, ты просто убит.// Дай на память сниму с тебя валенки.// Нам ещё наступать предстоит» признано лучшим стихотворением ВОВ.

Евтушенко назвал это стихотворение самым гениальным, из написанных о войне. Автор «Разрезал острее автогена,//Всё то, что называется войной//Треклятой, грязной, кровной и родной». Михаил Веллер сказал: Ион Лазаревич, Вы написали одно из лучших стихотворений о войне. В этих замечательных, трагических и страшных восьми строчках, по мнению многих настоящих фронтовиков-окопников, и заключена вся жестокая правда о войне.

Были на фронте состоявшиеся поэты года рождения начала прошлого века, были начинающие, - ровесники советской власти, но уже известные, имевшие свои публикации, а были и такие, как Ион Деген, стихи которых распространялись «из уст в уста». И вот он, в ту пору «железобетонный» коммунист, был обвинен летом 1945 года в Доме литераторов в Москве в сочинительстве антисоветских стихов. После этого Ион дал зарок никогда не иметь дела с литературным генералитетом.

В его стихах, действительно, не проглядывались ни пафос, ни ура-патриотизм. Словно писал их не Деген, а другой человек. Ему хотелось, чтобы стихи его были такими, как у настоящих советских поэтов - героическими, призывающими, гневными. А у него получались грустные стихи о войне, в которых было то, что он пытался скрыть от всех: кровь, грязь, и страх. В стихах он обнажался, как ребенок. В бывшем Советском Союзе его не издавали, а в Израиле поколению его внуков, не владеющему русским языком, доступна лишь одна его книга, переведенная на иврит, - «Набальзамированный войной».

Всё поколение Иона с детского садика было воспитано в духе милитаризма. Военные игры, военные песни, военные кинофильмы. Героизм и победы завораживали мальчишек, подобных Иону. Над ними довлел культ самопожертвования во имя Родины. Им хотелось, чтобы война началась именно тогда, когда и они смогли бы принять в ней участие. Поэтому, когда началась война, Ион был убежден, что его место на фронте, и в 16 лет он стал командиром взвода добровольцев в истребительном батальоне.

В предвоенные годы Ион свято верил во всё, что делалось советской властью якобы от имени народа. Верил и в оправдание голодомора на Украине, и в обвинение трех маршалов из пяти, Блюхера, Егорова, Тухачевского врагами народа, и в то, что Гамарник, и Якир, которых он сам видел незадолго до этого, стали тоже врагами

народа. Хотя он и не понимал, но старался найти объяснение беспринципности и попустительству Советского Союза по отношению к Германии.

Спустя много лет, уже в Израиле Ион вспоминал разговор накануне войны со своим другом Шулимом Даином, и теперь он удивлялся, откуда у 18-летнего друга было такое пророческое ясновидение? Шулим говорил, что в смертельной схватке сцепились два фашистских чудовища, что это ужасная война, не наша война, но, возможно, именно она принесет прозрение евреям, даже таким глупым, как Ион, и поможет восстановить Израэль, что в какой-то мере делает ее нашей. Поэтому, когда его призовут, он пойдет на войну, но не добровольно. Иона возмутили эти антисоветские речи в устах своего друга, и разговор их тогда закончился ссорой.

Сам Деген медленно расставался с коммунистическими иллюзиями. Окончательное пробуждение наступило к началу 1960-х годов. «Слепая вера неразумной вере//И вера в то, что лишь она одна.// Зачем бессмысленная верность вере?». «Зачем с пелёнок верность лживой вере?// Зачем на смерть ушёл его отец?» (1961 г). «А я? Смогу ли я писать,//Затёртый льдами соц. литературы?» (1962 г). «Но если повезёт мне разыскать//Десяток слов до скорого рассвета,//Их не редактор будет опекать,//А офицер другого комитета» (1965 г).

Он почувствовал себя связанным узами с пока ещё незнакомым ему государством Израиль. Ион перестал верить в газетную ложь про Израиль. А наступившую после XX съезда партии «оттепель» он воспринимал, как потепление - подъем температуры от абсолютного нуля до температуры замерзания азота, при которой по-прежнему нельзя жить. К стране, за которую он воевал, щедро проливал свою кровь, постепенно пропадал интерес.

Сказалась накопившаяся горечь от антисемитского выталкивания его из окружающей среды. Уже во время войны ему приходилось слышать, что он хороший парень, хоть и еврей. И ратные подвиги его постоянно стремились преуменьшить, а воинскими наградами его удостаивали лишь потому, что подвиги его были настолько дерзкими, что о них говорили в бригаде, и совсем замолчать их было невозможно. Однако достоинство этих наград всегда занижали.

А в 1947 году ему впервые напомнили, что он вовсе не гражданин великого и могучего Советского Союза, а безродный космополит. Но Ион упорно заставлял себя не думать о том, что все происходящее можно было объяснить только антисемитизмом, причем, не частного лица, а официальным, ставшим основой политической системы.

К XIX съезду партии (октябрь 1952 г) антисемитизм уже приобрел разнуданные формы. После правительственного сообщения о врачах-убийцах врачи и сестры - евреи - боялись зайти в палаты. Ион понял, что это сообщение - грубо сработанная фальшивка. Нет средства против инфаркта, которым можно было убить страдавшего гипертонией Жданова А по городу уже поползли слухи о депортации евреев, и что на станции Киев-товарная уже стоят приготовленные эшелоны.

С необыкновенной подлостью Ион столкнулся при работе над кандидатской диссертацией, тему которой ему не утвердили, но и не запретили оперировать собак. При этом стали умерщвлять при гистологических исследованиях его образцы, применяя при декальцинации кости вместо семи-процентной азотной кислоты десяти процентную. Но Ион всё-таки защитил и кандидатскую и докторскую диссертации, несмотря на все козни Киевского Ортопедического общества, при этом продолжая

работать рядовым поликлиническим врачом, - случай, наверное, единичный в мировой практике. Последним проявлением юдофобства стали издевательства сотрудников ОВИР'а и телефонные звонки с угрозами после получения разрешения на выезд в Израиль.

И хотя Ион всегда выходил победителем в стычках с антисемитами, но это не доставляло ему радости. Ему хотелось быть равным среди равных, быть в своей среде, ни в ком не подозревая скрытого антисемита. Из него постепенно стал выветриваться пролетарский интернационализм. Теперь он с подозрением относился к неевреям, на каждом шагу ожидая от них неприязни.

Многое из того, что происходило с Дегеном и на войне, и после неё, не поддаётся объяснению обычными земными категориями. И стихи ему часто будто бы кто-то диктовал, он же только записывал готовые фразы, а не сочинял их. И действиями его, бывало, кто-то руководил. На фронте эти действия оказывались спасительными, а после войны – подсказывали путь к открытиям. Что это? Часто называют это состояние озарением. Внезапное видение того, что становится объектом открытия. Ион рассказывал, когда он слушал концерт уже абсолютно глухого Бетховена, то слышал и послание Всевышнего. Кого-то это состояние посещает чаще, кого-то реже, большинству людей оно не ведомо вообще. А кто-то способен сознательно вводить себя в такое состояние.

Не каждому дано испытать подобное тому, что испытал Ион в первую ночь в Израиле. Он проснулся на рассвете и подошёл к окну. И тут же выскочил на балкон. Там, вдали на юго-востоке, на скопление домов, в отдельности не различимых на таком расстоянии, пролился неопиcуемый свет. Нет, не свет и не свечение - сияние! У Иона перехватило дыхание от этого зрелища. Он стоял околдованный, ощущая, как это сияние, постепенно стекая с холма, окутывает его. Ему стало настолько хорошо, что всё остальное, происходившее с ним впоследствии, воспринималось через призму этого иерусалимского сияния! А вот приехавшей через несколько дней из Лондона большой группе английских художников, евреев и неевреев, не дано было уловить этот необыкновенный свет, без которого их иерусалимские этюды выглядели примитивнее фотографий.

Израиль во многом оказался непохожим на тот идеальный Израиль, о котором мечтал Ион в Киеве. Очень многое раздражало его в Израиле. Раздражала его галутская психология, присущая многим израильтянам, которые с опаской втягивают головы в плечи, ожидая реакции окружающего их враждебного мира на справедливые поступки Израиля. Но самым ужасным было то, что в Израиле среди евреев, а также среди 250 тысяч русских многие оказались антисемитами. Антисемиты в Израиле, куда он удрал от них, и которых он люто ненавидел.

Дегена возмущало, что израильтяне - члены леворадикальных организаций - ведут себя как самоубийцы. Он видел прямую связь между преступлением Шимона Переса с Бейлином, импортировавшими из Туниса околевавшего там Арафата, и тысячами погибших израильтян. Он считал пацифистов проарабского движения «Мир сейчас» скопищем прекраснoдушных дураков или подлецов.

Ему трудно было поверить, что левые, предлагая отступить к границам 1967 года, чтобы палестинцы могли создать свое государство, не понимают, почему с 1948 года по июнь 1967 года они его не создали. Он видел, что единственным их требованием было

и остаётся, чтобы евреи убралась с их, как они считают, земли. Но, если исходить из этого, говорят левые, тогда Израилю придется постоянно воевать, поэтому люди хотят достичь мира «Сейчас»! И плевать им на то, что арабы отказываются жить в мире с евреями. Мир сейчас – любой ценой! Завтра их не интересовало, завтра хоть потоп!

Деген считал преступным поведение правительства Меир-Даяна, стоившее народу Израиля стольких жертв в первые дни войны Судного дня. Линия Бар-Лева на Синае. Обычный сетчатый забор на сирийской границе. Сколько на этом заработали подрядчики? Сколько денег это стоило налогоплательщикам? И сколько крови - народу Израиля?! Существование левых на земле Израиля Ион считал наказанием за грехи евреев. Деген ставил израильской действительности диагноз шизофрения.

Но воевать со своими ему было противно. Он отгородился от этого, считая Израиль со всеми его недостатками своей единственной страной и был убежден, что рождён для этой страны, и его стремление в Израиль не было случайным. Но порой в нём просыпался израильский агрессор, и ему хотелось, например, услышав молитву муэдзина, тысячекратно усиленную громкоговорителями, взять в руки винтовку и расстрелять все до единого репродукторы.

Многие левые ненавидели всех репатриантов из Советского Союза, видя в них предателей, которые променяли социалистическую страну на Израиль. Их устройство было поручено невежественным чиновникам, посаженным в свои кресла мелкими функционерами-социалистами. Деген возмущался, почему правящая партия даже не пыталась разрушить эту нелепую с логической точки зрения систему.

Среди университетских профессоров, особенно, гуманитариев, было много самых злобных врагов Израиля, так называемых, «правозащитников», которым даже ему, врачу-ортопеду, очень хотелось переломать руки. Нельзя же предположить, что они не знакомы с уставом ХАМАСа, в котором утверждается: «Для палестинской проблемы нет другого решения, кроме джихада. Аллах — наша цель, Пророк — образец, Коран — конституция, джихад есть путь и смерть во имя Аллаха, есть величайшее из желаний». Этот Устав не что иное, как исламистская версия «Майн Капмф». Он обвиняет евреев во всех бедах мира и цитирует хадисы, призывающие убивать евреев везде, всегда и любых. ХАМАС показывает детям мультфильмы о том, как резать евреев, следит, чтобы жители анклава не имели других денег, кроме тех, которые им раздали террористы, и другой возможности карьерного роста, кроме как через ненависть к Израилю.

И вот левые отказ Израиля от согласия с подобной позицией называют его «неготовностью к компромиссу». Но ведь возобновление столь желанного левому лагерю, т.н. «мирного процесса» полностью противоречило здравому смыслу. Деген пытался понять, что это – элементарная глупость, или диверсия против своей страны? Может быть, даже оплаченная диверсия. Тем более, что некоторые источники оплаты уже назывались. Но ведь в стране, которая находится в состоянии войны, диверсанты подлежат суду военного трибунала со всеми вытекающими последствиями. До него не доходило, почему воюющая страна не предпринимает карательных мер к диверсантам, находящимся на содержании противника?

Деген полагал, что современные левые в Израиле - разжиревшие потомки тех поселенцев в Палестине, которые потом и кровью осваивали Богом данную евреям землю. Но со временем они увидели, осознали несбыточность своей прекрасной

утопии. Их деды и отцы, поселенцы того времени создали Государство Израиля. А их дети и внуки отказываются от службы в армии. В элитных подразделениях теперь служат нынешние поселенцы, которых они ненавидят.

Когда левые ему говорили, что арабы живут на захваченных у них евреями территориях, и поэтому евреи не имеют права властвовать над ними. Деген возражал, утверждая, что эти территории являются не захваченными, а освобождёнными после совершенной Иорданией агрессии. Относительно же арабов он быстро понял: пока относишься к ним по-человечески, они думают, что ты фраер, а если дашь арабу лопатой по спине, он сразу понимает, на чьей стороне сила. К террористам Деген относился, как к врагам, а врага лучше убить, поскольку «Убитый враг - оно верней».

Во время войны Деген убивал, и много убивал из всех видов оружия от карабина до танковой пушки, стреляя по немцам шрапнелью. При этом он интуитивно понимал, что поступает правильно. Хотя он и не знал тогда ещё высказывания Жаботинского: «Тот господин, который эту минуту проходит за моим окном по улице, имеет право на жизнь лишь потому и лишь постольку, поскольку он признает мое право на жизнь. Если же он захочет убить меня, то никакого права на жизнь я за ним не признаю». Не знал он тогда и еврейского закона: «Пришедшего убить тебя — убей!».

А после войны Ион, столько убивший, решил стать врачом, чтобы помогать живым. Хотя Ион решил стать хирургом-ортопедом, он знал не только всю медицину, но и обладал университетскими познаниями в области механики и электричества. Готовясь стать ортопедом, Ион посещал лекции на физико-математическом факультете университета, основное внимание уделяя механике. Уже потом, после защиты кандидатской диссертации ее место заняло электричество.

Деген стал выдающимся диагностом. За долгие годы врачебной деятельности он сделал тысячи плановых операций разной сложности. Но не было ни одной операции, к которой бы он не готовился заранее, стараясь предусмотреть все возможные неожиданности. Самым главным качеством врача, помимо умения думать, он считал сострадание. А перед большинством врачей у него имелось «преимущество» - его инвалидность, которая ставила его на одну доску с пациентами. А человек, не обладающий чувством сострадания, никогда не будет настоящим врачом. Он может стать вполне компетентным профессионалом, но Врачом (с большой буквы) он никогда не будет.

*«Хорошенький, дай руку. Погадаю тебе.
Хорошее у тебя будущее, хоть и трудное».*

Детство, родители

Ион Лазаревич Деген родился в Могилеве-Подольском тридцать первого мая 1925 года, но в документах день его рождения значится четвёртое июня. Он потом очень сожалел, что не выяснил у мамы, почему так произошло.

Его отец, овдовев, женился на влюбившейся в него девушке, которая была на тридцать шесть лет моложе его. Их знакомство произошло при довольно трагических обстоятельствах. В 1923 году будущая мама Иона переплыла Днестр, по которому проходила граница между Румынией и Советским Союзом – первым в мире государством рабочих и крестьян, куда стремились попасть многие романтические натуры. Старый Деген обнаружил на берегу лежавшую без чувств девушку, которая потом стала его женой и мамой Иона.

Отец Иона был всего лишь фельдшером, но очень необычным. Он фактически руководил больницей в Могилеве-Подольском. Этот необычный фельдшер был выдающимся диагностом и знал теорию медицины в большем объеме, чем можно было получить в университете.

Иону было три года и один месяц, когда умер отец, и поэтому похорон отца он не помнил. А вот купание отца в проруби почему-то запомнилось. Взрослые и мальчишки обступили прорубь, в которой плавал его отец. Он помнил, как отец ухватился за кромку льда и ловко, одним рывком, выскочил из воды, как он растирался огромным полотенцем, затем, уже накинув на себя шубу, он вылил из фляги в граненый стакан остро пахнущую воду и выпил ее залпом, словно в стакане было не больше одного глотка.

Несколько случаев об отце, которые весь город убедили в том, что Деген - выдающийся диагност, рассказал Иону, когда он стал студентом-медиком, старый доктор Фиш. Он работал в Могилев-Подольской больнице с его отцом.

Как-то его попросили посмотреть пятилетнюю девочку. Он поставил диагноз - острый аппендицит и предупредил родителей о необходимости немедленной операции. Родители тут же пригласили педиатра, доктора Бочковского. Доктор Бочковский назначил обезболивающее и авторитетно заявил, что у девочки заболевание печени. Аппендицит же мог диагностировать только абсолютный невежда. Но состояние девочки быстро ухудшалось. Родители телеграммой вызвали видного профессора из Одессы. Профессор приехал через тридцать шесть часов. Он подтвердил диагноз Бочковского. В этот вечер девочка потеряла сознание. Обезумевшие родители вызвали профессора из Киева. Профессор обследовал уже умирающего ребенка и сказал, что, по-видимому, речь идет о тяжелом заболевании печени, вероятнее всего вызванном отравлением.

В тот же день девочка умерла. На вскрытии обнаружили перфорированный гангренозный аппендикс, расположенный под задним краем печени. Родители хотели убить доктора Бочковского. Слух об этом случае разнесся по всему городу. После этого Бочковский, который и без того не жаловал евреев, еще больше возненавидел отца Иона.

В другом случае, о котором рассказал доктор Фиш, отец Иона проявил себя не просто редчайшим диагностом. Его подход к пациенту и лечение, граничили с чудом. Жил в Могилеве-Подольском миллионер Маргулис. Незадолго до поступления в гимназию заболела его девятилетняя дочь. Маргулис мог себе позволить пригласить видных российских и даже заграничных врачей. Девочку обследовал профессор из Вены. Но, несмотря на все усилия медиков, ребенок таял на глазах.

Неоднократно Маргулису советовали обратиться к Дегену. Но даже осторожная рекомендация домашнего врача привела его в неистовство. Абсурд! Девочку лечат выдающиеся профессора, а ему советуют обратиться к какому-то фельдшеру! И все же, когда состояние девочки стало критическим, Маргулис послал за отцом.

— Ты знаешь, Лазарь Моисеевич безотказно шел к черту на кулички в дождь и в снег, в слякоть и во всякое ненастье. На Озаринецкую гору можно взобраться только пешком. И он шел со своим саквояжем в одной руке и фонарем «летучая мышь» — в другой. Но тут вдруг твой отец потребовал, чтобы за ним прислали фаэтон, хотя расстояние между домами Дегена и Маргулиса не больше четверти версты.

Прислали. В течение трех дней Лазарь Моисеевич вылечил безнадежно больного ребенка. Надо было быть Дегеном, чтобы знать о существовании редчайшей патологии, распознать ее и завоевать доверие ребенка, без чего лечение было бы невозможным. Правда, Маргулис отблагодарил твоего отца по-царски.

Прошло более тридцати лет. Ион уже собирался уезжать в Израиль, когда к нему на прием в поликлинику пришла пожилая женщина. Он предложил ей сесть и спросил, на что она жалуется.

- Ни на что, - ответила женщина, - я просто узнала, что здесь работает сын Дегена, и пришла на вас посмотреть.

- Вам знакома фамилия Маргулис из Могилева-Подольского?

- Да, я слышал.

- Так я и есть дочка миллионера Маргулиса, которую спас ваш отец.

Ион снова услышал историю, поведенную ему когда-то доктором Фишем.

- Как только вошел ваш отец и посмотрел на меня, я сразу почувствовала, что буду здоровой. Он не выстукивал и не выслушивал меня, как другие. Он только улыбался и прощупывал мои руки. Потом он рассмеялся и сказал, что через три дня я пойду сдавать экзамены в гимназию. Так и случилось. Я слышала, что вы профессор, что вы делаете какие-то немыслимые операции. Может быть. Но никогда в жизни вы не будете таким врачом, как ваш отец.

С этими словами она встала и покинула кабинет.

От доктора Фиша Ион узнал и о последних минутах своего отца:

- В спальне собралось много людей. Лазарь Моисеевич подозвал меня и шепнул на ухо: «Давид, уведи отсюда женщин. Сердце уже на пределе». Я вывел женщин и вернулся к постели. Твой отец рассказал сальный, но потрясающе остроумный анекдот. Все стоящие вокруг постели покатывались от хохота, а когда они пришли в себя, отец был уже бездыханным.

Много историй слышал Ион об отце даже в Израиле.

На похороны отца пришло больше людей, чем было жителей в городке. Потом Иону рассказывали, что путь от дома до кладбища был разделен на пять отрезков. На первом отрезке отца отпевал греко-католический священник, на втором — мусульманский муфтий, на третьем - православный батюшка, на четвертом - большой друг отца, ксендз, с которым, говорят, отец запирался в костеле, где они слушали органную музыку, и только на последнем отрезке и на кладбище все шло согласно еврейской традиции. Действительно грандиозные были похороны для такого маленького городка. Когда Ион был уже студентом-медиком, ему рассказывали старые врачи, что считают себя учениками его отца. А ещё он был бессребреником и не только не брал денег у бедных пациентов, но и оставлял им деньги вместе с выписанным рецептом. Вот поэтому, чтобы похоронить отца, маме Иона пришлось продать его парадный костюм. После смерти отца, которого власти считали очень состоятельным, остались три георгиевских креста, тфилим и талит. Ион всю жизнь сожалел, что не смог выяснить, за что военный фельдшер, к тому же еврей, получил три георгиевских креста.

Через сорок два года после смерти отца Ион приехал в родной город. Среди поваленных памятников и разрушенных плит одиноко высился памятник на могиле его отца. Черная краска на высеченных буквах была такой, словно только вчера ее обновили. Прошло сорок два года, а люди чтят память... Вероятно, память эта, действительно, была прочной.

После отца остался двухэтажный дом в самом центре города. Но этот дом не только не кормил вдову с её сыном, а ещё и требовал определённых вложений и уплаты налога. Мама Иона долго не могла найти работу. Её дипломы медицинской сестры и фармацевта оказались никому ненужными. Наконец, ей удалось устроиться чернорабочей на плодоовощной завод. С этого момента наступили самые страшные в жизни маленького Иона дни, вернее, ночи. Это, когда его мама работала в ночную смену, и он оставался один в двухэтажном доме. А ещё, несмотря на свой возраст, Ион догадывался, что, если мама, возвращаясь домой, так долго отмывает въевшуюся в руки грязь, работа у неё нелёгкая. Да и улыбка исчезла с её измученного лица. Иона почему-то считали отвратительным ребёнком, просто исчадием ада. Его невзлюбили все воспитательницы и сама заведующая детским садом. Когда его укусила гадюка и заведующая ртом отсасывала кровь из ранки на ноге, она так сформулировала это отношение:

– В садике двести детей. Но гадюка почему-то укусила именно тебя, а не кого-то другого. Ужасный ребёнок!

Даже гадюка знала, что он всеми нелюбимый.

Ион видел, как празднуют дни рождения других детей, которые относились к любимым. Их мамы приносили горы вкусных печений, торты. А иногда даже приводили музыкантов, затейников, однажды устроили кукольный театр.

Но вот подошёл и его день рождения. Он уже умел считать и знал, что значит четыре. В тот день он радостный пошёл в детский садик, представляя себе, что и его будут любить и поздравлять, и что его мама принесёт вкусные угощения. Но, когда пришла мама, её грубо отчитала заведующая, заявив, что день рождения её сына по документам не 31 мая, а 4-го июня.

Иону стало стыдно и очень обидно, что так относятся к его маме, и что так начался его день рождения. А когда оказалось, что мама принесла только кулёк конфет и стала раздавать детям по одной конфетке, Ион готов был провалиться сквозь землю. Так стал у него зарождаться отрицательный условный рефлекс на свой день рождения.

На пятый день рождения мама уже работала медсестрой в больнице. Ион вспомнил свой предыдущий день рождения, и не хотел идти в садик. А мама торопилась на работу. Вместо уговоров она избивала его, схватила за руку и поволокла в садик. В этот день не было даже конфет. Условный рефлекс укреплялся.

Деда, отца мамы, в честь которого назвали Иона, звали Йойна. Жил он на правом берегу Днестра в Бессарабии, входившей в состав Румынии. И хотя их разделяло расстояние не более пятисот метров, Ион не мог бы его увидеть, даже будь он жив в момент своего рождения и взросления.

Все же родственники со стороны отца порвали с ним связь, когда он совершил столь легкомысленный по их понятию поступок - женился на девушке, которая была на тридцать шесть лет моложе его. И после смерти отца никто из его многочисленной родни не поддерживал связи ни с мамой Иона, ни с ним.

Дед Иона по отцу, был сыном и внуком краснодеревщиков. А прадед деда был последним оружейником в длинном ряду оружейников Дегенов. Он еще ковал оружие для польского графа в шестидесятих годах XVIII века. Его отца - оружейника местный

граф привез из Германии. В Нойсе жило несколько поколений оружейников Дегенов, но фамилия первого из них еще была Дехан. Они приехали из Толедо в 1492 году. Производство оружия было традиционным ремеслом рода Дехан. Но это было не просто ремесло. На клинке из вороненой дамасской стали гравировали утонченный узор или рисунок. В образовавшиеся канавки вчеканивалась золотая проволока, и ремесло превращалось в искусство. Затем изделие снова подвергалось термической обработке и вновь полировалось. Такая технология, известная под названием дамасской, сохранилась в Толедо до наших дней. Спустя много лет после первого знакомства с родословной в память о своих предках Ион купил в Толедо ятаган, инкрустированный золотом. Сталь клинка, увы, не дамасская. Секрет ее изготовления был утерян после изгнания евреев из Испании.

Прямая линия Дехан из Толедо через Амстердам до Нойсе продолжалась более полутора веков. В 1659 году родился Дехан, изменивший фамилию на Деген. Ион предполагал, что возможной причиной нового звучания старой еврейской фамилии было то, что в мастерских его предка изготавливались шпаги, а по-немецки шпага - der Degen.

В конце XVIII века старший из сыновей оружейника Дегена обосновался в Динайвароше, второй уехал во Францию (и там обрывается его ветвь), третий остался в Нойсе. Один из двух сыновей последнего был привезен на Украину польским графом, и почему-то там Дегены перестали быть оружейниками. Возможно, решили, что не дело евреев ковать оружие для поляков и украинцев, то ли была еще какая-то причина? Младший брат деда был кантонистом. Прослужив двадцать пять лет в армии, он вернулся в Лучинец с серьгой в ухе и с боевым орденом на груди. Этот крест не вызвал особого восторга у евреев, хотя они понимали, что орден дается не каждому. Что касается серьги в ухе, то она немедленно стала предметом всеобщего осуждения. Но и это куда бы ни шло. Значительно хуже, что, получив должность акцизного чиновника, кантонист стал притеснять евреев. Естественно, они обратились за помощью к старшему брату, который попытался вразумить несмышленика. Но старый вояка заявил, что он верой и правдой, пулей и штыком служил государю императору и сейчас, в гражданской своей жизни не собирается быть другим. Тогда брат оглушил служаку своим знаменитым кулаком, привязал его к массивной скамье собственного изготовления, спустил с него штаны и примерно выпорол, надеясь таким образом объяснить ему то, что не удалось объяснить при помощи родного еврейского языка. Племянник Иона, Миша Дейген, который был старше своего дяди на семь лет, рассказал, что у его отца, сводного брата Иона, Фалика, хранится родословная фамилии Дегенов. Из неё Ион узнал, что в Израиле, у него, кроме сестры Бети, есть еще семь двоюродных братьев и сестер. Фалик рассказал, как их отец еще до его рождения снаряжал в Палестину большую семью брата. На самом деле отца Иона звали Ахиэзером, но Ахиэзер сын Мойше значился Лазарем Моисеевичем, поэтому Ион Ахиэзерович стал Ионом Лазаревичем. А старший брат Иона Фалик стал Федором Александровичем.

Когда Иону исполнилось двенадцать лет, они с мамой, во-первых, переехали из отцовского дома на площади, а во-вторых, он начал работать, и у него появились деньги. Деньги платил ему живописец Герцель за лозунги. Перед октябрьскими праздниками и перед Первомаем школа отпускала Иона на неделю, в течение которой он должен был для школы написать праздничный лозунг. Вероятно, в школе не знали, что такая работа занимает у него не более одного часа. А в остальное время, пока Герцель золотом и серебром расписывал знамёна, Ион зубным порошком, разведенным на молоке с добавлением клея, писал лозунг за лозунгом, получая за каждое полотнище тридцать рублей. Таким образом, дважды в год он перед праздником приносил маме

три её заработных платы медицинской сестры. Разумеется, из этих денег он мог выкроить какой-то рубль с копейками на бутылку изумительного могилёв-подольского Алигате. Бутылку они выпивали на пару с другом прямо из горлышка.

А в девять лет Ион стал изобретателем метода вымораживания гланд, который сейчас широко применяют в оториноларингологии. Произошло это так. Мама перед уходом в больницу на суточное дежурство велела ему пойти к доктору, с которым она договорилась насчет удаления у сына гланд. Эту операцию делали амбулаторно. А после операции рекомендовалось есть мороженое. Мама оставила Иону деньги, но по пути к доктору он подумал, что после операции не получишь никакого удовольствия от мороженого. День был жарким, и за мороженым выстроилась большая очередь. Ион встал в очередь, а получив свой стакан - двести граммов, - тут же опять занял очередь. Так он повторял до тех пор, пока не кончились деньги. Мама ему ничего не сказала по поводу сдачи.

Съел он кило семьсот граммов, получив необыкновенное удовольствие от чудесного пломбира. На следующий день, когда мама возвратилась из больницы, она застала Иона в полубессознательном состоянии с высокой температурой. Она решила, что это результат операции, и не стала сына ни о чем расспрашивать, и ему не пришлось ничего объяснять. Через несколько дней, встретив доктора, мама сердечно поблагодарила его за операцию. Старый доктор очень удивился, сказав, что не делал никакой операции и вообще не видел её сына. Мама примчалась домой, схватила Иона за руку и поволокла к доктору, который осмотрел горло и с удивлением заявил, что никаких гланд у него нет, и операция ему не показана. К сожалению, никто не ссылается на Иона Дегена – изобретателя метода вымораживания гланд.

Школьные годы

Иона, семилетнего, после двух дней занятий в нулёвке перевели в первый класс. Когда ему должно было исполниться одиннадцать лет, учредили похвальные грамоты за отличные успехи в учебе и поведении. Если отличные успехи в учебе ни у кого не вызывали сомнения, хотя он и пальцем о палец не ударял для их достижения, то вот поведение... Буквально вся школа считала его неисправимым и ему даже присвоили звание – «дезорганизатор».

Мечтал ли сам Ион получить похвальную грамоту – он не помнил, но то, что мама мечтала об этом, запомнил очень хорошо. Подай ей похвальную грамоту и точка. Тем более, что прилагать для этого никаких усилий не требовалось, как считала мама, - только не нарушай дисциплины. К концу четвертого класса, как раз в тот день, когда Иону исполнилось одиннадцать лет, стало известно, что педагогический совет решил дать ему похвальную грамоту. То ли педсовет решил, что у него отличное поведение, то ли просто пожалел его маму, которой грамота была необходима. Тяжело ей было воспитывать такого сына.

Это случилось тринадцатого июня. В тот день должны были всем выдать табели, а отличившимся – ещё и похвальные грамоты, а также сфотографировать «их счастливое детство», окончившееся начальной школой.

Накануне, после суточного дежурства в больнице, мама не легла спать - шила ему матроску. Она уже рассказала соседям, что сын награжден похвальной грамотой, что он вырастет достойным человеком и украсит ее старость. Ион смутно представлял себе, что значит украсить старость.

Тринадцатого июня Ион пошел на торжество в школу. Чувствовал он себя скованно. Ему казалось, что каждый встречный разглядывает его шикарный костюм - белую матроску и белые короткие штаны. Пионерский галстук вырывался из-под огромного синего воротника. Красный галстук ему не мешал.

Однако одно обстоятельство помогало вынести неудобства, связанные с парадным костюмом. У Иона была отличная бамбуковая палка! Сегодня, когда моделист может приобрести всё необходимое, трудно понять, что значит бамбуковая палка для юного авиамоделиста, тем более, в провинциальном украинском городке!

От самого слова бамбук веяло экзотикой, и в сознании рождались фантастические картины. Бамбуковые щепочки, без которых нельзя изготовить закругления крыльев, хвоста и стабилизатора, инструктор выдавал так, как выдают гранильщикам алмазы. Бамбуковая щепочка! А у Иона целая палка. Этот остаток развалившейся этажерки, подаренный соседом, - невероятная ценность. Мог ли он не взять в школу свою бамбуковую палку. Если бы он знал, что эта драгоценность станет причиной всех последовавших несчастий?

Палка действительно вызвала восторг у всего класса, кроме девчонок. Но постепенно восторг прошел, и бамбуковую палку решили использовать для игры в перетягивание вместо каната. Ночью прошел дождь. На школьном дворе сверкали лужи. На берегах одной из них Ион с другим мальчиком стали перетягивать эту палку.

Весь класс наблюдал за тем, чтобы честно выполнялись условия состязания. Палку отпускать нельзя. Если тебя тянут в лужу, и ты не можешь удержаться на своем берегу, прыгай на берег противника и выбывай из игры. Победитель будет тянуться со следующим.

Мальчик оказался сильным противником, они тяжело пыхтели, но не соглашались на ничью, болельщикам это уже изрядно надоело, и тут противник Иона вдруг поскользнулся и упал в лужу, выпустив палку из рук. Ион же, как выстрелянный из катапульты, полетел назад и упал в другую лужу за своей спиной. Именно в тот момент, когда Ион со своим соперником вылезали из грязи, на крыльцо вышли директор школы с учительницей их класса.

Директор гремел так, что, казалось, качались деревья в школьном саду. На лице учительницы застыла горестная улыбка. Ну как можно этому дезорганизатору дать похвальную грамоту? И, конечно, грамоту не дали. А в табель вкатили ещё и неуд по поведению.

Ох, и запомнилось ему это тринадцатое июня!

А Иону так хотелось, чтобы все было хорошо. И чтобы бамбуковая палка была радостью не только для него одного. И чтобы грамота принесла его маме немного счастья. И чтобы учительнице понравилась его белая матроска, и тогда бы она не запихнула его куда-нибудь на фотографии между спинами и головами одноклассников, где будет видна лишь половина его физиономии. И вот, - все получилось не так, как ему хотелось.

О возвращении домой даже спустя много десятков лет Иону было страшно вспоминать. Мама была его смертным боем. И рыдала так, будто это он, а не она, прошелся по ней скалкой для раскатывания теста. На нём не осталось живого места, и даже не было сил плакать в тот день.

Вечером, когда мама ушла на ночное дежурство, он даже не притронулся к ужину, - к краюхе хлеба и кружке холодного молока, которое могло бы хоть немного остудить его пылающее от побоев тело.

Ион голодный лег в постель. Вглядывался в темноту, всхлипывая от боли и обиды. А ведь так хотелось, чтобы все было без неприятных приключений. Он пытался понять, в чем же его вина, где первопричина, или кто первоисточник его несчастий? Мама? Нет, она тоже хотела, чтобы все было хорошо. Ну, избила. Но ведь ей же обидно. И она его пожалела в душе. Он это видел. И плакала. А как посмотрела перед уходом на работу. И едва сдержалась, чтобы не приласкать. Конечно, он всё понимал. Но прощать её пока не собирался. Даже пошевелиться было больно. Шутка ли, скалкой. Пусть увидит утром, что он не прикоснулся к еде. Нет, виновата не мама. Но кто?

Учительница? Что и говорить, большую пакость и придумать трудно. А с каким ехидством она смотрела! И радовалась, что Ион попал в беду. Но грамоту всё-таки забрала не она. Грамоту забрал директор. И неуд вкатил директор. Вот кто причина всех его несчастий. Вот кто виноват в том, что все у него болит, и в том, что черствеет вкусная горбушка и может скиснуть молоко, и в том, что плакала мама и так ей сейчас, наверно, тяжело во время дежурства.

Директор — вот кто! Ион вспомнил, сколько он натерпелся за четыре года от него. И прозвище он ему придумал - дезорганизатор. Вчера, не было бы директора, жизнь могла бы пойти совсем по-другому. Он бы спокойно поужинал и уснул. И ничего бы не болело. И маме сейчас на дежурстве было бы радостно оттого, что сын украсит ее старость. Директор - вот кто во всем виноват. Он не имеет права не отомстить директору. Но как?

И тут в голове Иона созрел замечательный план. Он встал, оделся, зажег керосиновую лампу и полез в чулан. Там он нашел все необходимое для осуществления своего плана, и пошел в школу.

Городок еще спал, и ни одна живая душа не заметила его. Даже знакомым собакам, его лучшим друзьям, лень было вылезать из будок в этот рассветный час. Из-за угла второго корпуса школы он осторожно разглядывал крутую каменную лестницу в шесть высоких ступеней без всяких перил и одностворчатую дверь в квартиру директора, которую тот соорудил себе из классной комнаты. Поэтому лестница была без площадки, словно приставленная к двери.

Еще в постели, продумывая план, он безошибочно представил себе эту лестницу и дверь в квартиру директора. Ион перестал сомневаться в осуществимости своего плана, уверенно вспомнив, что дверь открывается внутрь. Он тихонько прокрался к этой двери. Вытащил из кармана шило, отвертку и два шурупа и ввинтил их в наличники по бокам на высоте щиколотки. Туго натянул между шурупами крепкий шпагат и быстро спрятался за углом корпуса.

Сердце у него колотилось между спиной и грудью. Ему казалось, что из каждого окна за ним следят. Но двор по-прежнему был пустынным. И он начал успокаиваться, даже разглядел вчерашнюю лужу. Когда немного утих испуг, Ион понял, что из его наблюдательного пункта он виден со стороны второго корпуса и с улицы. Тогда он спрятался за низеньким каменным забором, отгораживающим школьный двор от сада. Так через пять лет он будет впервые лежать в засаде, сжимая карабин. Рядом - четыре гранаты РГД, приготовленные, чтобы бросить, как только на дороге появятся немецкие мотоциклисты. И потом будет бесчисленное количество засад на протяжении всей войны - от начала и почти до конца. Но никогда потом он не испытывал такого страха и нетерпения, как в те утренние часы за каменным заборчиком в двадцати шагах от лестницы к двери директорской квартиры.

А кроме страха и нетерпения, его мучил голод и холод. Зубы стучали так, что казалось, стук этот мог услышать директор. Ион не помнил, сколько времени он так пролежал, да и часов у него в ту пору не было. Первые часы у него появятся тоже через пять лет. Ион их снимет с убитого эсэсовца. Научится он определять и время по Солнцу, когда часы уже не будут для него проблемой.

Все в школе знали, что директор был очень точным. Ровно в шесть утра он выходил из своей двери и направлялся в дворовую уборную, перегороженную на два больших и один маленький отсек: для мальчиков, для девочек и для учителей. И еще знали, что директор всегда первым выходил из своей двери. Так почему же он не идет в эту самую уборную? А вдруг сегодня он не выйдет первым? А может быть, его вообще нет дома? А может быть, уже было шесть часов? Нет, шести часов еще не было. Это точно. Так почему же он не выходит?

Ион так долго и мучительно ждал этого момента, думая о том, что дома краюха хлеба и крынка молока, что даже не заметил, как отворилась директорская дверь. А увидел уже низвергшуюся на шесть каменных ступеней какую-то лавину. Даже скорее услышал душераздирающий крик директора и испуганные голоса из его квартиры. Быстро ползком вдоль забора Ион пробрался ко второму корпусу, а оттуда - на улицу и бегом без передыха до самого дома.

Всю дорогу его преследовал истошный крик директора. И к радости отмщения примешивалось что-то непонятное, названия чему он в ту пору еще не знал, - это сострадание. По-видимому, он тогда уже осознал, что существовавшая в нем невидимая шкала, отмеривающая наказание соответственно преступлению, превышена. Стоявший в ушах крик директора служил подтверждением этому.

Придя домой, он положил в чулане на место отвертку и шило, после этого проглотил вчерашний ужин и лег спать. Несмотря на пережитые волнения, уснул он мгновенно. Разбудили его голоса в большой комнате. Ион, услышав настойчивую речь учительницы его класса и учительницы из старших классов, и необычно покорный голос мамы, понял, что мира не будет.

— Это же уголовное преступление. Вы, надеюсь, понимаете?

— Да, да, перелом челюсти и ключицы.

— Вот именно. И выбито три зуба, в том числе, - вставной, говорили обе учительницы, дополняя друг друга.

Ион испугался не столько перелома челюсти и ключицы, не представляя себе, что это такое, зато сразу представил себе, как золотой зуб директора, подпрыгивая, покатился по каменным ступенькам.

Тем временем учительница из старших классов прокуренным басом повелевала:

— Вы немедленно должны заставить его признаться.

— Но ведь вы сами говорите, что никто точно не знает, кто это сделал. А он не выходил из дома со вчерашнего вечера.

— Не знает, — сказала его учительница, — но только он способен на такое хулиганство. Большого дезорганизатора нет не только в нашей школе, но и во всем городе.

— Не могу себе представить. Он добрый мальчик.

— Вы слепы, как всякая мать. Разбудите его и заставьте признаться.

— И все-таки это не он. Потому что, если окажется, что это все-таки он, я избыю его до смерти.

Так оно и случилось. Его вытащили из постели. Но он, конечно, не признавался. Тем более, что ему уже точно было известно, что никто ничего не видел и не знает.

Обе учительницы орали на него и снова ласково предлагали признаться, обещая, что тогда ему ничего не будет. Мама плакала и очень внимательно смотрела в его глаза. А он, конечно, не признавался.

Потом мама перестала плакать, и уже расплакался он, потому что было дико больно, когда она попадала по тем местам, которые еще не остыли после вчерашнего избиения. Потом его поволокли в школу. В учительской его допрашивали абсолютно все, даже те, кто сейчас должны были принимать экзамены в старших классах. А он стоял в углу, возле свернутых в трубку таблиц и, конечно, не признавался. Он поглядывал в окно на низенький каменный забор, за которым сегодня утром лежал в засаде.

Одна таблица немного развернулась, и страшные клешни огромного рака хотели схватить его за руку, которая так болела от удара скалкой. Он отдернул руку от клешни и, конечно, не признавался.

Хотя Ион представлял себе только то, что значит выбитый золотой зуб и два простых зуба и не знал, что значит перелом челюсти и ключицы, он очень хотел, чтобы сейчас у

всего педсовета были переломаны челюсти и ключицы и еще выбиты зубы - свои и золотые.

Даже потом, вспоминая, как загнанный в угол, избитый, запуганный, он все отрицал и не шел навстречу педсовету, жаждавшему его признания и уничтожения, он не мог воскресить в себе те добрые евангелические чувства, рожденные состраданием в его одиннадцатилетней душе, когда он возвращался домой после совершенного акта мести. Конечно же, он ни в чем не признался и никто не мог доказать его вины. И, тем не менее, его исключили из школы.

В день окончания четвёртого класса его вышвырнули из школы. Мама увезла его в Одессу, где он проучился одну четверть в пятом классе. Затем они вернулись в Могилёв-Подольский. Иона всё-таки приняли в школу. Но уже не в ту - в другую. То было первым его исключением из школы, но, увы, не последним. В очередной раз Иона исключили из школы уже в пятом классе.

Мальчик, второгодник, которому было уже четырнадцать лет, крупнее и сильнее Иона, был повержен ударом головы в живот. Тогда ловко это получилось у Иона. Последний раз такой прием ему пришлось применить почти в двадцатипятилетнем возрасте, на четвертом курсе института. Но не в живот, а в лицо.

А тогда, оставив Ваню, так звали того мальчика, согнутым возле стола преподавателя, Ион, поспешно отступив, вскочил па последнюю парту. Нельзя не отметить тактическую грамотность Иона, занявшего оборону на господствующих высотах. Ваня увидел преимущество его позиции и не решился вступать в ближний бой. Силу ног Иона ему уже приходилось испытать. Поэтому он предпочел расстрелять его на расстоянии довольно увесистой подушечкой для стирания классной доски. Ион увернулся, и подушечка попала в портрет товарища Любченко за его спиной. Портрет сорвался и упал.

Случившемуся придали политическую окраску. Товарищ Любченко был одним из советских вождей, председателем Совета народных комиссаров Украины. Ваня свалил вину на Иона, репутация которого в ту пору была далеко не блестящей. Поэтому его объяснение не сочли достойным внимания и погнали из школы. Но уже на следующий день после исключения стало известно, что товарищ Любченко вовсе не товарищ, а враг народа. Ваня, выкатив грудь колесом, хвастался, что именно он свалил врага народа, а Иона в очередной раз восстановили в школе.

Однако не все школьные воспоминания Иона были такими трагическими. Он на всю жизнь запомнил, как преподаватель русской литературы Александр Васильевич Иванов не в классе, а после уроков читал ему в оригинале стихотворение Виктора Гюго «Джинны», а он, не понимая ни одного французского слова, упивался музыкой прекрасной поэзии.

Читал ему Александр Васильевич в оригинале и сонеты Шекспира. И не зная английского языка, Ион услышал отсутствие в этих стихах неперенной для сонетов системы рифм, о чём сказал своему любимому учителю. Потом Александр Васильевич тоже по-английски читал стихи Киплинга, а Гомера читал на древнегреческом. Когда Ион пожаловался, что «Илиада» кажется ему ужасно громоздкой и неуклюжей, учитель спросил: «А цезуры ты слышишь? Читай вслух и цезурой дели каждый стих. Хотя перевод, конечно, не оригинал. Жаль, что ты не знаешь древнегреческий». Ион запомнил беседы Александра Васильевича.

Запомнил он и замечательного преподавателя украинской литературы Теофила Евменовича Шемчука. Его внеклассные разговоры о любимой Ионом Лесе Украинке. Бывшая служанка Леси Украинки Маслянюк подарила ему одиннадцать стихотворений своей обожаемой хозяйки, присланные ею из Египта в Могилев-Подольский. А Ион, как собака на сене, хранил эти письма в тайнике, надеясь... В результате стихи погибли.

Даже от Теофила Евменовича он утаил их.

Помнил он, и как строгая немка Елизавета Семеновна Долгомостьева сперва заставляла его в пятом классе зубрить стихи Гёте и Гейне, а потом радовалась, видя с какой жадностью он поглощает эти стихи. Пригодился ему на войне немецкий язык. Всё это он помнил отчетливо. А вот своих школьных стихов не помнил.

Разумеется, Ион свято верил всему. Он верил тому, что три маршала из пяти, Блюхер, Егоров, Тухачевский враги народа. И тому, что комкор Раудмиц враг народа. И Гамарник, и Якир, которых он сам видел незадолго до того, как они стали врагами народа. С верой и яростью разрывал и выбрасывал он обложки тетрадей с портретами этих маршалов - врагов народа.

Деген говорил, что еще в детском садике он знал, что будет война. Военные игры, военные песни, военные кинофильмы. Всё его поколение было воспитано в духе милитаризма. К началу войны мальчишки из старших классов, жители границы, умели стрелять из всех видов стрелкового оружия. Это было обычным, как и тяга ребят в военные училища.

Ион был частым гостем на заставе, расположенной на берегу Днестра, относительно недалеко от его дома. Поэтому вскоре Ион стал считать себя чекистом. Тем более, что начальник заставы капитан Строкач, которого выдвинули кандидатом в депутаты первого в Советском Союзе Верховного Совета, называл Иона своим приближённым и доверил ему агитировать за себя.

Его посещения заставы, стрельбы из револьвера «наган», из пистолета «ГТ», из винтовки, метание гранаты, вольтижировка оченьгодились ему уже в первых боях. Правда, без вольтижировки, пешим, в боях, которые начались всего лишь через четыре года после первого посещения заставы. Свой в семье пограничников, он с гордостью считал себя чекистом.

С благодарностью Ион вспоминал костры, в пионерском лагере, согревавшие полуголодное, а часто и полностью голодное детство (период, известный как голодомор на Украине). Там он научился выдувать на горне всё, что полагается издавать пионерскому горну. А на барабанах выстукивал не только ритм парадного шага, но даже дробь. Он разрывался между барабаном и горном. На парадах ему хотелось быть одновременно и барабанщиком и горнистом.

Где-то в седьмом классе к высокому эмоциональному накалу, который вызывали Первомайские и Октябрьские праздники, добавился материальный фактор. Школа предоставляла ему шестидневный отпуск для изготовления очередного кумачового полотнища с праздничным лозунгом.

Но и без материального стимула пролетарские праздники согревали его пионерскую, а потом и комсомольскую душу. Как только Иону исполнилось пятнадцать лет, он стал комсомольцем. С каким трепетом он впервые рассматривал свой комсомольский билет с нелепой фотографией остриженного под машинку мальчишки! Он навсегда запомнил номер своего билета.

Ион, сколько себя помнил, всегда любил оружие. Из маминой зарплаты даже на одежду гроши с трудом выкраивались, а уж о покупке игрушек и речи быть не могло. Поэтому ему приходилось делать их самостоятельно. Уже в десять лет у него был отличный пистолет из куска доски. Его оружейное производство постоянно совершенствовалось. К примитивной дощатой рукоятке он добавлял красивые накладки с двух сторон. Пистолет, оставаясь игрушкой, становился всё более похожим на настоящее оружие. Но к седьмому классу, когда он с мальчишками стал посещать погранотряд, где пограничники обучали их стрельбе из револьвера, из малокалиберной, а потом и боевой винтовки, оружейная мастерская Иона уже давно прекратила своё функционирование.

Очень запомнился Иону день 15 мая 1941 года. Только что ученики 8-10 классов проводили в армию своего любимого учителя истории Михаила Васильевича Шорохова. Ион вместе со своим лучшим другом Шулимом Даиным отстали от общей компании. За Днестром опускалось огромное красное солнце. Шуля сказал: «Это к войне». Ион возразил, напомнив о договоре с Германией. Шуля рассмеялся. Он говорил долго и зло. О фашизме. Об антисемитизме в Германии. О «хрустальной ночи». О беспринципности и попустительстве Советского Союза. Какие антифашистские фильмы мы смотрели еще совсем недавно! «Карл Бруннер», «Профессор Мамлок», «Болотные солдаты»... Где сейчас эти фильмы? Расплата будет страшной. «Не знаю, – сказал Шулим, – мистика это, или какой-то объективный исторический показатель, но кто идет против евреев, в конце концов, кончает плохо».

Иона возмущали эти антисоветские речи даже в устах своего друга. Он обратил внимание Шулима на непоследовательность его пророчеств. Они поспорили, погорячились и разругались.

Через месяц, 15 июня, гордясь своей правотой, Ион принес Шуле «Правду», в которой было опубликовано заявление ТАСС о провокационных сообщениях и о том, что отношения между СССР и Германией по-прежнему дружественные, соответствующие букве и духу заключенного договора.

Шулим все еще был обижен на него, не собирался мириться и, что совсем противоречило его интеллигентности, сказал: «А этим заявлением можешь подтереться».

И ровно через неделю началась война. В тот же день Ион обегал почти всех мальчишек из двух 9-х классов – своего и параллельного, объясняя им, что они, 16-17-летние комсомольцы обязаны сформировать взвод добровольцев. Пошел он и к своему другу Шуле, хотя он был на класс старше и уже окончил школу, а по возрасту подлежал призыву через несколько месяцев. Очень хотелось, чтобы Шулим был в их взводе. Спустя много лет, уже в Израиле Ион с удивлением вспоминал этот разговор. Откуда у 18-летнего юноши было такое пророческое ясновидение? Он говорил, что в смертельной схватке сцепились два фашистских чудовища, что было бы счастьем, если бы евреи могли следить за этой схваткой со стороны, что это не их война, хотя, возможно, именно она принесет прозрение евреям, даже таким глупым, как Ион, и поможет восстановить Израэль.

Ион считал абсурдом все, о чем говорил его друг. А самым большим абсурдом – слова о еврействе и каком-то Израэле. Зная пристрастие Иона к литературным образам, Шуля сказал: «А Израэль был всегда. Есть и сейчас. Просто, как спящая красавица, он сейчас в хрустальном гробу. Не умер. Спит. Ждет, когда прекрасный принц разбудит его.

Увы, прекрасным принцем окажется эта ужасная война. Не наша война. Хотя пробуждение Израэля в какой-то мере делает ее нашей. Когда меня призовут, я пойду на войну. Но добровольно? – ни в коем случае». Разгневанный, Ион ушел, хлопнув дверью.

Шулим Даин погиб, но не в Сталинграде, как думал Ион, а годом позже в Белорусском Полесье, где воевал и Ион, но встретиться им не удалось. Крепкий, коренастый Шуля с большой лобастой головой ученого, со смугло-матовым лицом сефарда, с горящими черными глазами пророка погиб в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Погиб, как и многие ребята из их школы, и из других школ Могилева-Подольского. Когда Ион прозрел, как ему хотелось попросить у него прощения. До самой смерти двоюродного брата и двух двоюродных сестёр Шулима во время его встреч с ними в Израиле Ион раскаивался в своей глупости.

В Израиле Деген написал книгу «Из дома рабства», которая каким-то образом попала к Солженицыну. В ней есть глава, названная Ионом с иронией «Евреи не воевали».

Солженицын по-иезуитски воспользовался текстом этой главы: «стер» кавычки из ее

названия. И в доказательство своего мнения о том, что евреи не воевали, или воевали плохо, вяло, избегали передовой, не желали идти на фронт, он процитировал слова друга Иона Шулима Даина, который имел смелость в разговоре с ним выказать свою ненависть как к Гитлеру, так и к Сталину. И это в то время, когда главный враг евреев шел на уничтожение, прежде всего, евреев, «как же мог Даин и сходно мыслящие с ним евреи остаться нейтральными»? Хотя, на самом деле, так мыслил за евреев сам Солженицын, оправдывая своё собственное поведение. Ведь, в отличие от Дегена, он не стремился попасть на фронт. Будучи на семь лет старше Иона в действующую армию он попал лишь в марте 1943 года. Да и служил в звуковой разведке за много километров от передовой.

Приводит Солженицын и статистические данные, свидетельствующие о том, что процент евреев, эвакуированных вглубь территории страны, был непропорционально высоким. А о том, что 500000 евреев – почти 17% - служили в Красной армии, и половина из них погибла, умалчивает. Зато пишет, будто бы евреи склонялись к пораженчеству, хотя это явный бред. А главное, взял за основу своих инсинуаций книгу Дегена, который на собственном примере показал, как состояние перманентной войны с антисемитскими предрассудками всегда обязывало его первым идти вперед и соглашаться на любое гибельное задание.

Война

Дегена невозможно понять без войны. Он сам написал об этом:

Я весь набальзамирован войною.
Насквозь пропитан.
Прочно.
Навсегда.
Рубцы и память ночью нудно ноют,
А днем кружу по собственным следам.
И в кабинет начальства — как в атаку
Тревожною ракетой на заре.
И потому так мало мягких знаков
В моем полувоенном словаре.
Всегда придавлен тяжестью двойною:
То, что сейчас,
И прошлая беда.
Я весь набальзамирован войной.
Насквозь пропитан.
Прочно.
Навсегда.

Ещё задолго до 1941 года шли бои, в которых участвовал Советский Союз, начиная с Испании. Героизм и победы завораживали мальчишек, подобных Иону. Они завидовали тем, кто уже воевал, считали себя обделенными возможностью подвига. Культ самопожертвования во имя Родины. Им хотелось, чтобы война началась именно тогда, когда и они смогли бы принять в ней участие. Они не сомневались в том, что это будет мгновенная победоносная война, что Красная армия в течение нескольких дней раздавит любого противника. «И на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью, могучим ударом».

Некоторые сомнения, правда, появились во время войны с Финляндией. Но объясняли: там ведь непреодолимая линия Маннергейма, лютая зима, «кукушки» - снайперы на деревьях. Но и то, в конце концов, победили, хоть и с большими потерями. Зато есть уже опыт, и теперь ничто не помешает «малой кровью, могучим ударом...».

И вдруг... Красная армия не на вражьей земле, а стремительно отступает, теряя свою землю. А в советском небе немецкие самолеты делают, что хотят. И двойка «мессершмидтов» легко справляется с девяткой «ишачков».

Ион ничего не понимал, но еще в детском садике попав на конвейер промывки мозгов, был убежден, что его место на фронте. Поэтому, как только началась война, он решил добровольно пойти на фронт, и не сомневался, что за ним последуют все его товарищи и, конечно, самый близкий друг Яша, с которым они родились в один день. Вместе пошли в детский сад, а потом – в школу. Вместе начали курить, когда им было по восемь лет.

Ион заскочил к Яше с тщательно обдуманном планом – сформировать собственный взвод, в котором будут ребята из двух девятых классов. Не успел ещё Яша отреагировать на предложение друга, как его мама обрушила на Иона лавину нелепых, как ему казалось, обвинений. Впервые он услышал грубость из уст этой деликатной женщины. Она кричала:

- Это ты рожден для войны, для драк и для всяких безобразий.

- И если ты решил добровольно пойти на фронт, это твое собачье дело, а Яша – шестнадцатилетний мальчик, в сущности, ещё ребенок. Пусть он сначала окончит школу. А когда ему исполнится восемнадцать лет, он пойдет в армию по призыву, как все нормальные люди.

У Иона мама тоже не была такой уж героической женщиной, и она, вдова к тому же, не готова была пожертвовать во имя родины своим единственным шестнадцатилетним сыном. Ион не рассчитывал, что идеологическая дискуссия повлияет на маму, и она отпустит его на фронт. Поэтому он решил прибегнуть к более радикальному средству. Житель пограничного города, Ион уже в первые часы войны, несмотря даже на свои тщательно промытые мозги, сообразил, что город может быть оккупирован немцами, поэтому здесь оставаться нельзя.

Сперва пешком, потом на товарняке они отправились в эвакуацию. Но еще находясь в прифронтовой зоне, из-за угла вокзала на небольшой станции он взглядом проводил уходящий на восток товарный состав. На одной из открытых платформ между двумя узлами с убогим скарбом сидела его мама, возможно, уже начинавшая догадываться, что ее сын не просто отстал от поезда, а сбежал.

Вернувшись в свой город, Ион забежал к Яше. Как Яше и другим мальчикам удалось уйти из дома, Ион не знал. Ни один из тридцати одного бойца не обсуждал эту тему. Теперь нужно было убедить командиров в готовности ребят грудью встать на защиту родины. Это, хотя и оказалось делом весьма нелегким, но все-таки легче, чем убедить маму.

В первых числах июля все они заявили в штаб 130 стрелковой дивизии. Похоже, вспоминал Ион, уже начинался бардак, связанный с поспешным отступлением, и в штабе оставался только один-единственный капитан, который встретил ребят, готовых воевать. Они продемонстрировали, что не зря проходили военную подготовку в школе. Каждому выдали по карабину, 100 патронов и 4 гранаты и зачислили в истребительный батальон.

На одиннадцатый день войны их взвод вступил в бой – первый бой против отлично подготовленных и вооруженных немецких десантников. Во время первого своего боя Ион в свои 16 лет стал командиром взвода. Его воспитывали так, что он был убежден: на третий день после начала войны Красная армия победоносно вступит в Берлин. Там ее с цветами встретят прослезившиеся от счастья немецкие пролетарии. Но почему-то и

через месяц после начала войны его взвод сражался на дальних подступах к Киеву, а немецкие пролетарии наступали на него в танках Т-4 и Т-3, на мотоциклах и даже в пешем порядке.

Уже в первом бою они потеряли двух мальчиков. Одному из них шестнадцать лет исполнилось бы только в декабре - через пять месяцев. Но упоение победой помогло им справиться с болью потери. А ещё они радовались доставшимися им трофеями. У ребят появились первые в жизни часы. Яша в упор застрелил обер-лейтенанта и подарил Иону его «парабеллум». До того он, как и все в его взводе, был вооружен карабином. Теперь, став обладателем пистолета, он по-настоящему почувствовал себя командиром взвода.

Следующие четыре дня взвод занимал оборону, не видя противника. А потом начались непрерывные бои. И они теряли ребят ежедневно, и уже не радовались победам. Даже отразив все атаки, их взвод вынужден был отступать или, что еще хуже, выбираться из окружения.

Ион не понимал, почему они отступают. Его взвод не отступал даже, когда от него осталось меньше половины. Но если изредка он успевал получить приказ от вышестоящих командиров, он заключался лишь в том, что они должны отойти на новые позиции.

Ребят во взводе оставалось все меньше. Как правило, пополнения взвод почти не получал. Кухня и старшина роты тоже редко бывали их гостями. В бою голод не ощущался. Но после – проблема пищи становилась не менее острой, чем проблема боеприпасов. Они выкапывали молодую картошку. Появились огурцы. Созрела вишня. Случайно подворачивалась какая-нибудь курица.

Непревзойденным мастером организовывать ужин оказался Яша. Стоило девушкам или молодым взглянуть на его красивое лицо, пусть даже покрытое пылью и копотью, стоило только услышать его мягкую украинскую речь, и их сердца распахивались.

Его обаяние действовало не только на женщин. Даже новички во взводе, даже те, кто явно не жаловал евреев, а таких попадалось немало, даже они быстро полюбили Яшу. А как было его не любить? В бою он всегда появлялся там, где больше всего был нужен. Оказать услугу, помочь было не просто свойством его характера, а условием существования.

В ту ночь он возник внезапно, именно в ту минуту, когда Ион так нуждался в помощи. Еще с вечера взвод занял оборону на косогоре недалеко от железнодорожной станции. Железнодорожный состав они услышали задолго до того, как он появился. В это же время над лесом они увидели шесть черных «Юнкерсов». Они летели к станции. Один из них отвернул влево и спикировал на состав. Две бомбы взорвались почти у самого паровоза. Состав остановился, заскрежетав буферами. Слышно было, как люди убегают к лесу по другую сторону железной дороги. «Юнкерс» улетел и больше не бомбил состав.

И вдруг Ион на фоне отдаленной бомбежки услышал душераздирающий женский крик, зовущий на помощь. Он догадался, что кричат в вагоне. Через минуту Ион уже был в «теплушке». В темноте стонала невидимая женщина. Включив свой фонарик, он увидел страдающие глаза молодой женщины. Она рожала в покинутом вагоне, а Ион стоял перед нею, не зная, как ей помочь. Даже во время первой немецкой атаки он не чувствовал себя таким беспомощным.

Ион действовал в полусознательном состоянии и не знал, как это произошло. Женщина вдруг утихла, а у него в руках оказалось мокрое орущее существо. Он чуть не заплакал от беспомощности. Именно в этот момент в проеме появилась Яшина голова. Он быстро вскочил в вагон. Через несколько секунд Яша вручил Иону большой металлический чайник, забрал у него младенца, укутал его в какие-то тряпки и отдал матери успокоившийся кулек.

– Давай, дуй за водой, – приказал он.

Видя, что Ион еще не очень соображает, добавил:

– Колодец у вишневого садика в голове поезда.

Ион быстро возвратился с водой. Яша развернул младенца, обмыл его и укутал в сухую тряпку.

– Как тебя зовут? – спросила женщина уставшим голосом. Странно, но вопрос относился не к Иону.

– Яша.

– Хорошее имя. Я назову сына Яковом.

Загудел паровоз. Помогая друг другу, в вагон стали взбираться женщины. Залезав буферами, поезд рывком дернулся и, набирая скорость, пошел на юг.

Именно в это мгновение из леса донеслись два пушечных выстрела. Уже из траншеи, куда они успели вернуться, увидели два танка «Т-3» и около роты немцев, прущих на них из лесу.

Ион приказал пропустить танки и отсечь пехоту. Неизвестно, сколько немцев они уложили. Оставшиеся в живых залегли на поле с белеющей под луной гречихи, став отличными мишенями.

Когда танки перевалили через траншею, Яша первым выскочил и бросил на корму бутылку с зажигательной смесью. Второй танк поджег новичок в их взводе. Все шло наилучшим образом.

– Удачный бой, – сказал Яша. – Только двое раненых. И вообще хорошая ночь. Он хотел продолжить фразу, но внезапно остановился. Ион даже не понял, что это имеет какое-то отношение к пистолетному выстрелу с бруствера траншеи. Он успел подхватить Яшу, оседавшего на дно траншеи. Обняв его правой рукой, левой заткнул фонтан крови, бивший из шеи. Раненого немца, выстрелившего с бруствера, закололи штыками. Яшу похоронили возле вишневого садика, недалеко от колодца. Ион начертил схему, привязав ее к входному семафору на железной дороге, и всю войну хранил её в планшете с точным указанием места могилы своего первого друга, и всегда мог восстановить её по памяти.

К концу месяца во взводе осталось три человека вместе с Ионом. Они с трудом выбрались из окружения на новые позиции. В последнем бою Ион подполз к умолкшему «максиму», чтобы заменить убитого пулеметчика. В этот момент что-то ударило его по ноге. Но он почти не почувствовал боли и успел ещё расстрелять две ленты.

Теперь их осталось только двое, Ион и Саша, последние из тридцати одного человека взвода добровольцев в истребительном батальоне. «Детский садик», как смеялись над ними. Но это прозвище продержалось несколько часов - до первого боя. Потом о них с уважением говорила вся дивизия.

Только отбив немецкую атаку, Ион заметил в брюках над коленом два отверстия, из которых медленно струилась кровь. Саша достал индивидуальный пакет, наложил тампоны на оба отверстия и перебинтовал ногу. Возле пулемета валялись пустые ленты. Патронов не было. Они вытащили затвор, выбросили его в выгребную яму и вечером пошли на Восток.

Ион шел, опираясь на Сашу. С каждым шагом все сильнее и сильнее болела нога. Идти можно было только ночами. Днем по грунтовой дороге двигались немецкие части - автомобили, подводы, танки.

Девятнадцать дней они питались лишь тем, что находили на заброшенных огородах, ягодами в лесу, зернами пшеницы, подбирая колосья на убранных полях. Ион сделал себе палку. Но основной опорой был Саша. На второй день раны начали гноиться.

Тампоны пришлось выбросить. Саша срезал мох, посыпал его пеплом и прикладывал к ранам. Только трижды за девятнадцать дней удалось постирать бинт.

Так они шли девятнадцать ночей, надеясь добраться до фронта. Но фронта не было. Везде были только немцы. Даже выйдя к берегу Днепра, они увидели немцев. Под вечер они по крутому откосу спустились к воде.

С распухшей негнущейся ногой без помощи Саши Ион не преодолел бы этого спуска. Да и вообще, остался бы лежать там, где пуля из немецкого автомата навывлет прошла через его бедро, к счастью, не задев колена.

Вечером они стояли у кромки черной угрожающей воды. Чтобы не утонуть, переплывая на левый берег, они выбросили в Днепр всё оружие, отстегнули подсумки с гранатами и побросали их в воду. Саша стащил с Иона правый сапог. Левый не без труда он снял сам. Босые, но в обмундировании, они вошли в холодную воду.

В воде через какое-то время, впервые за девятнадцать дней, боль в раненой ноге утихла. Они плыли молча, медленно, экономно расходуя силы. Вдруг судорога стянула левую икру. Ион был готов к этому. Он лег на спину, отстегнул английскую булавку от клапана кармана гимнастерки и стал покалывать ногу. Постепенно судорога отпустила его. Он пристегнул булавку и оглянулся. Саши рядом не было.

Его охватила паника, показалось, что кто-то за ноги тянет ко дну. Девятнадцать дней, пробираясь к Днепру по немецким тылам, они говорили только шёпотом. Но сейчас, забыв об осторожности, он отчаянно закричал:

- Саша!

Днепр молчал. Показалось, что вся вселенная должна была услышать его крик. Он испугался и стал звать уже тише. Саша не отзывался. Утонул, подумал Ион. Как же он не заметил? Тридцать один мальчик из двух девятых классов... И вот он остался один. Двадцать девять раз он ощущал боль потери. Но никогда еще она не была такой пронизывающей, как сейчас, в тридцатый раз. *(Саша не утонул в Днепре и не погиб на войне, по-видимому, их разнесло течением. Саша переплыл Днепр – у него было больше оснований думать, что утонул тяжелораненый Ион. Так же как Ион он опять воевал добровольцем и в 1942 году под Сталинградом потерял ногу).*

Ион не знал, сколько времени он был в воде. Он плыл очень медленно, не боролся с течением. Если бы не холод, то не вылезал бы из воды, потому что в воде отдыхал от боли в ноге. Он плыл на спине, пока не коснулся дна. Оглянувшись, в нескольких метрах от себя увидел берег. Опираясь руками о дно, он выбрался из воды и растянулся на мокром песке.

Готов был лежать так вечность, если бы не холод и не мокрое обмундирование. Тишина была абсолютной, и вдруг услышал шаги. В нескольких метрах от берега донеслась немецкая речь. И через мгновение он увидел два черных силуэта в касках. Ион притаился, вдавив себя в песок. Немцы прошли на север, не заметив его.

И тут он заплакал, и слезы текли по его мокрому от дождя лицу. Никогда он не плакал, а только сжимал зубы, когда мама била его, восьмилетнего, смертным боем, подавлял слезы над могилами убитых одноклассников. Не заплакал даже, когда не стало Саши. А сейчас он плакал. Как могло случиться, что немцы оказались на левом берегу Днепра? Есть ли вообще фронт, идет ли еще война, или рухнула его страна? Почему он не оставил себе хоть одну гранату, чтобы утащить с собой на тот свет хотя бы одного немца?

Как-то ему удалось подняться на ноги. Он добрался до тропы, по которой только что прошли немцы, и, едва не теряя сознание от боли, пошел туда, откуда шли немцы. Вскоре он увидел окраину села. Подошел к ближайшей хате, лег животом на планку невысокого плетня и перекинул себя во двор. Боль пронзила всё тело. Ион потерял сознание.

Когда очнулся, увидел над собой огромного лохматого пса. Он погладил его и, опираясь на пса, добрался до завалинки. Сел на нее почти у самой собачьей будки. Пес обнюхал его раненую ногу, потом зашел с другой стороны и положил голову на левое

колени. Ион, почесывая собачье темя, лихорадочно оценивал обстановку. Немцы вышли из этого села и, несомненно, вернутся сюда. И в хате могут быть немцы. Ион без оружия и не может передвигаться. Единственный выход, - если на его стук выйдет немец, успеть впиться зубами в его горло и погибнуть сразу, без мучений. Другого решения он не видел.

Ион нерешительно постучал в окно. Никакой реакции. Тогда он постучал чуть громче. За стеклом появилось женское лицо, и через минуту приоткрылась дверь. Ион увидел старую женщину в длинной льняной рубахе, а за ней - такого же старого мужчину в кальсонах.

Они были шокированы тем, что пес не загрыз незнакомца. Так огромный лохматый пес оказал Иону неслыханную протекцию. Потом Ион узнал, что это не пёс, а просто чудовище, и даже хозяйка, которая кормит его, не смеет к нему прикоснуться. И вот этот бес, не подпускающий никого к себе, как ласковый щенок, сидит, положив морду на колени незнакомца, который безнаказанно почесывает голову этому чудовищу.

Женщина растопила печь, не зажигая ни лампы, ни свечи. Потом они поставили посреди хаты деревянную бадью и наполнили ее теплой водой. Мужик велел ему раздеться. Ион залез в бадью, но прежде мужчина разрезал бинт, который превратился в веревку. Присвистнул, увидев раны. А еще он увидел, что Ион еврей, если только до этого у него были сомнения. Женщина вытащила из печи горшочек с мясом и картошкой. Ион в жизни своей не ел ничего более вкусного!

Потом тётка испекла в печи большую луковицу, разрешила ее пополам и приложила к ранам, укрепив половинки чистой белой тряпкой. С помощью мужика по приставной лестнице Ион взобрался на чердак. Там на душистое свежее сено ему постелили рядно, на которое он лег и тут же провалился в сон.

Он проспал более суток, и был очень голоден, но его уже ждала крынка молока и огромная краюха хлеба. Когда его снова перевязали, раны выглядели уже не так угрожающе. На следующий день под вечер мужик отвез Иона, переодетого в гражданскую одежду, к своему куму, километров за двадцать пять к востоку от их села. Возраст Иона был еще не армейский, но в нем могли разглядеть еврея.

Тем не менее, четыре или пять украинцев, рискуя жизнью, передавали Иона, как эстафету, с подводы на подводу, давали приют в своих хатах, кормили и перевязывали его. Он не помнил, где и когда они пересекли линию фронта.

В полевом передвижном госпитале под Полтавой на двадцать четвертый день после ранения, нога была в ужасном состоянии. Военврач решил ногу ампутировать. Ион категорически отказался. Перспектива остаться без ноги в шестнадцать лет была для него неприемлемой. Ведь он ещё собирался вступить в Берлин в составе победоносной Красной армии, хотя уже начал сомневаться в том, что получит букет цветов от благодарных немецких пролетариев.

Ион опасался, что его усыпят, сонного приволокут в операционную и отрежут ногу. Боялся, что ему подбросят снотворное в еду, и поэтому менялся едой с соседом! Ничего этого не произошло, но в отместку за отказ военврач стал лечить его зверским образом. Он протаскивал тампон из одного отверстия в другое и шуровал им в ране, как шомполом в канале ствола. Ион умирал от боли, извивался, как вьюн, подавляя крик. Потом, навсегда запомнив те муки, он не только во время операций под местной анестезией, но, даже снимая повязки, старался не причинять боли. В детской клинике его маленькие пациенты присвоили ему самый высокий титул в его жизни: доктор Неболит.

Из полевого госпиталя Иона в санитарном эшелоне отправили в небольшой городок на Южном Урале, где еще не видели раненых. К месту назначения ехали почему-то очень долго. На станциях санитарный эшелон обычно загоняли между товарняками. Но как-

то Ион проснулся среди ночи, когда сестричка будила его соседа. Санитарный эшелон стоял на первом пути у перрона маленькой станции. Их спешно выгружали ночью, чтобы не деморализовать местное население.

Перекочевавшие из полевого госпиталя в санитарный вагон солдаты рассказывали о командире легендарного взвода героических пацанов, не покидавших своих позиций, когда кадровые командиры и красноармейцы в панике бежали в тыл, или пачками сдавались в плен. Благоприятное впечатление на товарищю Иона по вагону производило то, что он ничего не прибавлял к этим разговорам, слушая их со стороны. Конечно, и ему хотелось кое-что рассказать и даже немного прихвастнуть. Но какие могли быть разговоры о героизме, когда немцы уже были в Смоленске.

Ион по-прежнему был убежден, что не мог не пойти на фронт. Но его начало мучить чувство вины перед мамой. Каково ей, одной, где-то в эвакуации, без сведений о ее единственном сыне? Нехорошо. Он выяснил, что в Бугуруслане функционирует информационный центр, в котором можно узнать адреса эвакуированных. Послал туда запрос. Ответ получил лишь через два месяца, хотя Бугуруслан находился на расстоянии нескольких часов езды от госпиталя, в котором он был. Сообщили, что у них нет сведений о его маме. Немцы бомбили даже санитарные поезда. Сколько платформ и вагонов с растерзанными телами мирных жителей пришлось ему увидеть в первые дни войны.

Пять с половиной месяцев провалялся он в госпитале после первого ранения. Выписали бывшего командира взвода в конце января 1942 года. На просьбу отправить его на фронт или хотя бы в запасной полк даже не отреагировали - малец. До призыва не может быть и речи об армии, а до призыва оставалось еще почти полтора года. Поэтому выписали его в никуда. Посоветовали до призыва в армию долечиться и пожить где-нибудь в Средней Азии. Там теплее. Дома у него не было. Город его оккупирован. Где находится мама, он не знал. Если нет сведений о том, что она в эвакуации, то... Так у него появился личный мотив мстить немцам - мама.

После выписки из госпиталя «в никуда» в продпункте на станции Актюбинск Ион случайно столкнулся с капитаном-пограничником Александром Гагуа, с которым был хорошо знаком. Он служил в Могилёве-Подольском в 21-ом погранотряде, а потом воевал в той же 130 дивизии. Капитан отправил его в Грузию, снабдив двумя письмами: к своему отцу и к председателю колхоза.

По пути из госпиталя на Южном Урале в Грузию Ион пересёк Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан. И вот он, наконец, уже в Грузии, на окраине села Шрома, где жил отец Александра Гагуа.

У крайнего дома он увидел паренька по виду чуть старше его. Ион подошёл к нему и спросил, где живёт Самуэль Гагуа. Паренёк поинтересовался, зачем ему нужен Самуэль Гагуа. Ион объяснил, что он выписан из госпиталя после ранения. Что город, в котором он жил, оккупирован немцами. Что ехать ему было некуда. И его командир, капитан Александр Гагуа, направил его к своему отцу.

- Так Александр жив? - Вскричал паренёк.

- Конечно, жив. Вот от него письмо отцу. И ещё одно - председателю колхоза.

Паренёк чуть не запрыгал от возбуждения.

- Слушай, дорогой, зайдём ко мне. Понимаешь? С самого начала войны от Александра Гагуа не было вестей. А ведь он служил на границе.

- Да. Капитан служил в погранотряде в нашем городе. А потом каким-то образом оказался в нашей стрелковой дивизии, и мы воевали вместе.

- Зайдём, дорогой. Меня зовут Кукури. Кукури Чхеидзе. Слегка отдохнёшь, и я провожу тебя к дяде Самуэлю.

Ион не отказался от отдыха. Кукури усадил его под мандариновым деревом. Он принес литровую бутылку «Боржоми». В ней оказалась не минеральная вода, а сухое красное

вино. Ещё он принёс лаваш и небольшой кусок холодного мяса. Вино было чудесным. Кукури объяснил, что это домашнее вино «Джаная», что даже в бедных семьях его готовят не менее тысячи триста литров в год.

- Хорошее вино.

Его комплимент обрадовал Кукури. А Иону очень понравился Кукури. Он учился в десятом классе. Ион сказал, что, не будь войны, он бы тоже учился в десятом классе.

- Зато ты уже воевал. А меня призовут только осенью, когда мне исполнится восемнадцать лет.

Мандариновый сад кончался у обрыва. Кукури подошёл к самому краю, сложил ладони рупором и закричал во всю мощь своих лёгких. Из этого крика Ион уловил только одно слово - Самуэль. Приветливое эхо откликнулось от холмов, там, вдалеке, над обрывом. Откликнулось не только эхо. Началась переключка. Ион понял ещё одно слово - Александр. Ему было очень интересно и вообще всё нравилось.

Они обошли ущелье и подошли к большому двухэтажному деревянному дому, возле которого уже собралась толпа. Сработало оповещение Кукури. Самуэля Гагуа Ион узнал бы без представления. Капитан был точной копией своего отца. Ион отдал Самуэлю письмо. Он прочитал и прослезился. Смахнул слезу, обнял и поцеловал Иона. Толпа стала что-то требовать. Периодически смахивая слёзы, Самуэль прочитал письмо вслух. Тут стали все обнимать и целовать Иона.

Содержание письма ему было известно. На пароходе из Красноводска в Баку он встретил старшего брата своего одноклассника. Он только что окончил танкотехническое училище и ехал на фронт с группой своих товарищей, среди которых оказался воентехник - грузин. Он прочитал письма, и Иону стало известно, что он просто героическая личность. А сейчас это узнал отец его командира и чуть ли не полсела.

Через некоторое время Ион стал работать в колхозе на тракторе. А изредка - на чайной фабрике. Так продолжалось до четырнадцатого июня. Вечером к Самуэлю, у которого жил Ион, зашёл сосед и сказал, что в Натанеби он видел бронепоезд. Ион решил второй раз пойти добровольцем на фронт. Самуэль упорно уговаривал его не делать глупостей и жить спокойно до призыва в армию. Но утром пятнадцатого июня Ион тепло попрощался с ним и его домом.

На путях в Натанеби он увидел даже два бронепоезда: «Сибиряк» и «Железнодорожник Кузбасса». Он разыскал командира 42-го отдельного дивизиона бронепоездов майора Аркушу. Майор определил Иона в разведку, сказав, что там замечательные ребята. Вскоре Ион в этом сам смог убедиться. Это были сибиряки, в основном – добровольцы. В мирное время они служили в танковых войсках. Многие из них воевали на Хасане и в Халхин-Голе.

Они умели все: взобраться на телеграфный столб и подключить связь, заранее договорившись с дивизионом, какие провода будут задействованы; выполнить любую работу железнодорожника - от стрелочника и сцепщика до дежурного по станции и машиниста паровоза; поменять колеса броневедомости на железнодорожные и воевать на бронедрезине; разминировать и устанавливать мины. А однажды несколько часов они удерживали оборону в захваченном у немцев танке.

В течение нескольких недель Иону пришлось освоить их профессии. Но вот чему он никогда у них не научился – это навыку потомственных сибирских охотников. Даже корректировать огонь орудий бронепоезда они умудрялись инстинктивно. Быть достойным сверстников, с которыми он начинал войну, дело само собой разумеющееся. Но заслужить любовь разведчиков-сибиряков и стать их командиром, Ион считал куда почетнее, чем получить все награды, которые он потом получил.

И даже с такими людьми они всё равно отступали. В июле 1942 года дивизион вступил в бой под Армавиром. Никогда еще Ион не видел такого количества немецких танков.

Бои были, пожалуй, самыми тяжелыми из всех, в каких ему пришлось участвовать. Он смотрел на товарищей по разведке с восторгом и удивлением.

В сентябре Ион случайно встретил на станции Докшукино маму мальчика, которого он хорошо знал по Могилёву-Подольскому. Эта встреча сказала на судьбе Иона, поэтому о ней следует рассказать.

Пробегая по перрону, Ион увидел маленькую худенькую женщину. Она сидела у стены вокзала, съежившись от холода. Даже в танкошлеме, кожаной куртке и кожаных брюках Иону не было жарко. А на ней была только ночная сорочка. Когда Ион приблизился, она посмотрела на него и назвала его именем, которого он не слышал уже более года, и которое стал уже забывать. Так его называли в школе и на улице. Это имя, столь неправдоподобно прозвучавшее в той обстановке, внезапно остановило его.

- Ты не узнаешь меня?

Ион неуверенно сделал несколько отрицательных движений головой.

- Я мама Семы Мандельбаума. Но Семина мама совсем не была похожа на эту несчастную съежившуюся от холода женщину в ночной сорочке, прижавшуюся к кирпичной стене вокзала.

- Как вы сюда попали?

- Я удрала ночью из Нальчика. Меня подвезли сюда на дрезине и сказали подождать. Дрезина поехала в обратном направлении и не вернулась.

Ион видел эту дрезину. Она валялась в километре от семафора, искореженная немецким снарядом.

- Чего вы здесь сидите?

- Я жду поезд.

- Какой поезд? Немецкий? Немцы будут здесь через несколько минут.

- Боже мой! Что же мне делать?!

- Есть у вас какие-нибудь вещи?

- Нет, в таком виде, голая и босая, я удрала из Нальчика.

Ион подошел к открытому окну комнаты дежурного по станции, в которой Егор безнадежно пытался связаться по селектору с какой-нибудь живой душой. Лучшего человека, чем сибирский охотник Егор, нельзя было найти для осуществления замысла Иона. Он познакомил Егора с мамой Семы Мандельбаума, и сказал, что она его родственница, что ее следует одеть и на мотоцикле отвезти на станцию Муртазово. Егор с сожалением посмотрел на Иона, как на недотепу, и заметил, что из Муртазово поездов нет. Отвезти ее надо в Беслан, а поскольку времени в обрез, он требует, чтобы ему не мешали выполнить приказ, и тут же исчез.

Вернулся он минут через двадцать, когда у северного светофора ребята взорвали появившуюся там немецкую дрезину. Он приволок два огромных узла и переброшенное через плечо котиковое манто такой красоты, что на мгновение Ион перестал слышать треск пулеметов. Прежде, чем он успел открыть рот, Егор угрюмо произнес:

- Слушай, командир, если ты начнешь сейчас проводить политбеседу о моральном облике бойца Красной армии, то знай, что ни у кабардинцев, ни у балкарцев, ни у осетин, ни у терских казаков сроду не могло быть такой штуки. Затем он вручил манто ошеломленной женщине.

Ион не стал проводить политбеседу, а только спросил, не убил ли он кого-нибудь, выполняя приказ.

- Я не беру греха на душу.

Он усадил в коляску мотоцикла, стоявшего здесь же на перроне, уже одетую женщину.

- Гоша, организуй, пожалуйста, что-нибудь, чтобы у нее было хоть немного денег.

Егор безнадежно помотал головой и сказал: гляжу я на тебя, командир, и диву даюсь. В бою ты вроде вполне разумный человек. А так - дитя дитем неразумное. Ну, зачем ей

деньги? Что ты на них купишь?

Он не продолжил мысли. Вдоль путей, рядом с перроном просвистела автоматная очередь. Егор быстро завел мотоцикл и укатил. Пригнувшись, Ион побежал к сторожке, где ребята уже вступили в бой. Под вечер Егор приехал на станцию Плановская. Оставшиеся в живых разведчики ужинали в спокойной обстановке. Оборону заняла подошедшая пехота.

Медленно пережевывая баранину, Егор сказал, что в Беслане он усадил Семину маму в товарный вагон эшелона, который завтра будет в Баку. Он посоветовал ей на всякий случай перебраться на восточный берег Каспийского моря.

В Беслане, где располагалась база бронедивизиона, у Иона состоялась ещё одна встреча, которая ему запомнилась надолго. Пока бронепоезда проходили экипировку разведчики отдыхали в своём вагоне. В один из таких дней Ион увидел цыганку, которая шла по осыпающейся гальке, а за ней выводок грязных, измученных и худых детей. Цыганка тоже была истощенной. Увидев Иона, она остановилась.

– Хорошенький, дай погадаю.

Ион рассмеялся. Хорошенький! Додуматься до такого!

– Не надо гадать. Погодите, я вам чего-нибудь вынесу. Он зашёл в своё купе, взял со столика буханку хлеба и вынес цыганке. На её глазах появились слёзы. Дети посмотрели на него как на существо неземное. Буханка хлеба в ту пору. Но ведь их шестеро. Таких голодных. Ион знал, что значит быть голодным!

– Хорошенький, дай руку. Погадаю тебе. Хорошее у тебя будущее, хоть и трудное. Права оказалась цыганка: хорошее и долгое было у Иона Дегена будущее, до предела заполненное любимым трудом, несмотря на тяжелейшие ранения. Потому и встреча с цыганкой оставила яркий след в его памяти.

Потом начались такие бои, что можно было забыть даже собственное имя. Они отступали от Армавира до Эльхотово в Северной Осетии. Там Ион снова был тяжело ранен пятнадцатого октября 1942 года - в плечо, грудь, живот и вторично в правую ногу. Из полевого госпиталя в Орджоникидзе его через пылающий Грозный повезли в азербайджанский Кировабад.

Госпиталь располагался в помещении бывшей школы. Классные комнаты переоборудовали под палаты. Вместе с Ионом в палате лежало шестнадцать человек. Он оказался самым молодым раненым. Все раненые - из Северной группы Северокавказского фронта, поэтому некоторые фронтовые биографии были хорошо известны им, и к Иону они относились даже лучше, чем он мог ожидать.

Раны заживали быстро. Скоро он уже разгуливал по госпиталю на костылях. 31 декабря, в канун нового 1943 года его выписали из госпиталя. Новый год Ион встретил в одиночку, в вагоне поезда, идущего в Тбилиси.

Его направили в 21-й учебный танковый полк, который на скорую руку «испекал» танковые экипажи для маршевых рот. Патриотизм и желание побыстрее вступить в бой с врагом стимулировали в этом полку тем, что солдат почти не кормили! Давали только какое-то варево из заплесневевшей кукурузы. От голода люди в полку разве что не пухли.

Через несколько дней Иона вызвали в штаб полка и объявили, что его направляют в военное училище. Собрали команду будущих курсантов - 150 человек из бывших фронтовиков, на дорогу выдали сухой паек - солёный рыбец без хлеба. Они прибыли в 1-е Харьковское танковое училище имени товарища Сталина, дислоцированное в Чирчике, в Средней Азии.

Из фронтовиков была создана одиннадцатая курсантская рота. Эта рота средних танков стала первым набором фронтовиков. Все – с Северокавказского фронта. Их рота была в училище на особом положении - им позволяли то, что не разрешалось обычным

курсантам, ещё не вкусившим прелести фронта. Главное, - им чаще давали увольнительные в город. Ион в роте почитался ветераном, дважды раненым. Они рассчитывали, что попали в училище только на полгода, но учеба растянулась на тринадцать месяцев. Училище было большим: 16 курсантских рот, по 125 курсантов в роте. Обучали их на старых танках БТ и на Т-34, но в начале 1944 года, незадолго до выпуска, в училище пришли новые танки - Т-34-85. Вождение отрабатывали на танках БТ-7, на каждый взвод выделялась одна такая машина. За все время учебы Ион всего лишь три раза стрелял из танка. Жесткая дисциплина, муштра, которая «могла очень пригодиться» на командирском сидении. Хотя 11-й «фронтвой» роте делали определенные послабления и в этом плане.

Лучше обстояло с теоретическими занятиями. Особенно по материальной части танка. Лейтенант Коваль с самого начала объяснил, что эти знания не просто необходимы офицеру-танкисту как залог победы, они - весомый фактор, увеличивающий шанс танкиста остаться живым.

- Скоро вам представится возможность вспомнить правдивость моих слов. Объём информации, которую вы получите у меня, огромен. Запомнить всё невозможно, даже имея гениальную память. А многое из того, что вы услышите от меня, вам придётся вспомнить в боевых условиях. Кроме того, другого источника этой информации у вас не будет. Поэтому я вам рекомендую завести талмуд. Это блокнот, в который вы запишете все полученные у меня данные о регулировке приводов к двигателю и трансмиссии, всё, касающееся эксплуатации машины и так далее. В других частях талмуда вы запишете всё, что получите у преподавателей огневой подготовки, тактики, топографии и всего другого, без чего офицеру-танкисту не выжить. Вот как Ион впервые услышал слово талмуд.

Ион приобрёл пухлый блокнот, который к окончанию училища заполнился необходимыми записями по обслуживанию и пользованию всего, чем начинён броневой корпус танка. И на фронте он пользовался своим талмудом много раз, не забывая мысленно поблагодарить лейтенанта Ковалья. Наверное, какой-то еврей, курсант или уже офицер, которому, в отличие от Иона, было известно, что значит Талмуд, назвал так блокнот, в котором было всё необходимое танкисту, всё, без чего танкист действительно не мог выжить? До последнего ранения талмуд хранился в правом кармане его брюк, потом пропал.

В училище Ион предпринял еще одну попытку узнать что-нибудь о своей маме. Снова написал в Бугуруслан и снова получил ответ, что у них нет никаких сведений. В начале весны 1944 года сдавали выпускные экзамены в училище: тактика, топография, техника, вооружение, вождение танка. Экзамены по огневой подготовке были теоретическими. Получили погоны младших лейтенантов. Иону вручили удостоверение – «Окончил с отличием».

После окончания училища младший лейтенант Ион Деген оказался в Нижнем Тагиле, где ему предстояло получить танк и сформировать экипаж. Новоиспеченные офицеры сами участвовали в сборке своих машин. На конвейере, в основном, работали женщины и подростки, почти дети.

В группе младших лейтенантов оказались шестеро друзей Иона. И все они тридцать первого мая попали на завод, делавший снаряды для танковых орудий. На заводе спирт тёк рекой, но вынести даже каплю спирта было невозможно. В цехах спирт не пили. Работавшие там женщины и дети мечтали только о еде. Говорили, что их тошнит от одного запаха спирта. Молодые лейтенанты тоже не были сыты, но этот запах лишь распял их аппетит.

Они сами вывозили снаряды и комплектовали ими танки. Не без труда им удалось извлечь снаряд из гильзы, высыпать из неё порох, хорошенько промыть, в том же спирте, и заполнить гильзу спиртом, а затем тщательно закупорить её снарядом, как

бутылку пробкой. Снаряд без проблем вывезли вместе с другими снарядами. Так у них оказалось два литра чистого спирта на шесть человек. Но закуски в учебно-танковом полку, к которому их приписали, могло хватить небольшому количеству воробьёв, которых в Нижнем Тагиле не было.

В танковом училище Ион промышлял изготовлением парадных пряжек для переделки солдатских ремней в офицерские. Но ещё большим спросом пользовались его ножи, изготовленные из отличной стали самолётных расчалок. Сталь он отпускал, вытачивал хорошее красивое лезвие и закалял его в машинном масле. Рукоятку делал наборной. Для себя он сделал не рукоятку, а произведение искусства. Сказались гены его предков-оружейников. Нож вызывал всеобщее восхищение. И вот этот нож он продал за восемьсот рублей и купил на все деньги две буханки хлеба, которые вместе с солью и были закуской к двум литрам спирта.

Так отпраздновали его девятнадцатилетие. Наутро после этих «сытых» именин Ион ощутил ещё и моральное послевкусие из-за украденного снаряда. Он ведь видел, кто и в каких условиях делает эти снаряды. О сворованном спирте он не подумал. Возможно, потому что не видел, кто и как его производит.

Через несколько дней, получив новенькие танки в Нижнем Тагиле, их погрузили на железнодорожные платформы, и маршевая рота - 30 танков - одним эшелоном выехала на фронт. Личное оружие они получили уже в бригаде.

Экипаж, четыре человека, которых получил Деген, в танковом учебном полку здорово поморили голодом, но мало чему научили. У Иона не было претензий только к командиру орудия, тот стрелять умел. Механик-водитель имел всего восемь часов вождения танка. Но, кроме плохой профессиональной подготовки, экипаж был физически истощен. Ион с тоской смотрел на своего башнера и думал, как такой доходяга будет в бою, в неопикуемой тесноте, на ходу танка заряжать орудие пятнадцатикилограммовыми снарядами? Где он силы возьмет одной рукой вытащить снаряд из чемодана?

Как накормить экипаж, постоянно думал Ион? Перед погрузкой он увидел на эстакаде пустой запасной бак для горючего. Он подобрал этот бак и залил его газойлем. У кранов с газойлем не существовало никакого контроля. Спрятали этот бак под брезент, и в дороге меняли его как «керосин» на продукты: сметану, творог, молоко и хлеб. Благодаря этому «керосину» экипаж Дегена отъелся. Ребята ожили, у них появился интерес к жизни.

Под Смоленском эшелон разгрузили, и колонна маршевой танковой роты дальше пошла своим ходом. За несколько дней, пока они кочевали вслед за фронтом, Деген смог подтянуть экипаж в плане боевой подготовки. Когда перед отправкой в бригады им устроили тактические занятия и боевые стрельбы, Ион остался доволен своим экипажем.

Деген попал во 2-ю отдельную гвардейскую танковую бригаду прорыва 3-го Белорусского фронта. Бригадой командовал подполковник Ефим Евсеевич Духовный. Эта знаменитая бригада была фронтового подчинения и не входила в состав какого-то определенного танкового корпуса. В её составе было 65 танков в трех танковых батальонах, мотострелковый батальон, батарея ПТА, рота связи, разведчики, санвзвод и ещё много других мелких подразделений.

Большинство экипажей сразу же перетасовали. Приходили командиры рот и набирали себе в старые экипажи «новичков». Но экипаж Дегена по прибытию в бригаду не тронули и не «разобрали на запчасти». Попал он во взвод лейтенанта Бородулина, которого через несколько дней тяжело ранило. Инструктаж новому пополнению всегда давался очень поверхностный. Звучали в основном две фразы, первая: «Война научит», и непосредственно перед боем говорили: «Делай, как я!».

Бригада использовалась в начале наступления исключительно для прорыва обороны противника любой ценой, и поэтому несла огромные потери в каждой наступательной операции. Термин «любой ценой» для начальства означал потерю техники, а для танкистов - самоубийство.

В брешь, проделанную бригадой в обороне противника ценой собственного уничтожения, устремлялись подвижные соединения. А бригада, от которой оставались только тыловые подразделения, отводилась на переформирование, готовясь к новой мясорубке. По сути дела, это была бригада смертников, и пережить в ней два наступления для танкиста было практически нереально.

Батальон, в котором служил Ион, был ударным, то есть именно он шел впереди атакующей бригады. А его взвод в этом батальоне выделялся в боевую разведку, назначение которой - вызвать на себя огонь противника, чтобы идущие за ним танки могли увидеть и подвить огневые средства немцев.

После того как Деген выжил в летнем наступлении в Белоруссии и Литве, его называли за живучесть Счастливым. Но новичкам в бригаде никогда не говорили, в какую «веселую» часть они попали, чтобы лишний раз не расстраивать людей... Это позже новички уже сами понимали, что их будущим займутся только два «наркомата»: наркозем и наркомздрав...

Восемь месяцев Ион Деген прослужил в этой бригаде на острие танковых атак – это целая эпоха на войне, когда жизнь считалась на минуты. Закончилась эта эпоха для лейтенанта Дегена только в пятом наступлении в январе 1945 года, да и то на девятый день. Закончилась тяжелейшим ранением, признанным не совместимым с жизнью.

Знаменательный случай произошел летом 1944 года, когда Дегену довелось пообщаться с маршалом Василевским. После тяжелых боев прорыва между Витебском и Оршей их батальон застрял на восточном берегу Березины. Заместитель командира батальона по строевой подготовке приказал Иону найти переправу. Задание было невыполнимым. Березина не имела брода. Переправы по мостам тщательно регулировались. И, конечно, не младший лейтенант должен был согласовать очередность и порядок переправы.

Так капитан решил отыграться за то, что однажды, когда после допроса он ударил ногой пленного немца, Ион буркнул: немцев надо бить в бою, а замкомбата в бою он не видел ни разу.

Не надеясь на удачу, на танке Ион поехал в Борисов, где саперы уже восстановили мост. Ему на танке не понадобилось шоссе, забитое до невозможности, и поэтому удалось приблизиться и остановиться в нескольких метрах от моста. У въезда стоял регулировщик, - не девушка и даже не младший офицер. Полковник! Ни разу Ион такого не видел.

Этот высокопоставленный регулировщик даже не захотел разговаривать с ним.

- Танки? Не может быть и речи, пока не разгрузим шоссе от этого столпотворения.

И тут случилось чудо. Откуда-то сбоку появился маршал Василевский. Ион сразу узнал его. Круглолицый, с чубчиком, зачесанным набок.

- Вы что, полковник, подводами собираетесь воевать?

- Сколько танков? - Спросил он Иона.

- Двадцать один, товарищ маршал Советского Союза!

- Сколько времени вам понадобится, чтобы подойти к мосту?

- Сорок минут, товарищ маршал Советского Союза!

Василевский улыбнулся.

- Пропустите их немедленно, полковник.

- Благодарю вас, товарищ маршал Советского Союза!

- Ион приложил кисть к дуге танкошлема. Василевский снова улыбнулся и подал ему

руку. Наверно от неожиданности, от накала переполнивших его чувств, от радости, что сказочно, невероятно разрешилась эта неразрешимая проблема, он сжал маршальскую руку сильнее, чем следовало.

- Ого! - Сказал Василевский и сделал движение, словно стряхивал пожатие.

- Давай, младший лейтенант, гони сюда танки.

Ион ехал в расположение батальона, не в состоянии поверить в удачу. Ему показалось, капитан был недоволен, когда он доложил ему, что ровно через тридцать минут они должны быть у моста в Борисове. О протекции маршала Василевского, о потрясающем везении он не сказал ни слова.

В начале летнего наступления 1944 года взять Вильнюс с ходу не удалось. Войска продолжали наступать к Неману, оставив Вильнюс в окружении. Обескровленная танковая бригада, в которой служил Деген, получила приказ штурмовать город. Танки были уже западнее Борисова.

Поскольку тылы застряли за Березиной, танки оказались без горючего и без боеприпасов. Жалких остатков едва хватило экипировать только три танка. Командир батальона объяснил Дегену, что его взводу оказано высокое доверие - он будет представлять бригаду в боях за Вильнюс. То есть, задача шестидесяти пяти танков взваливалась на три тридцатьчетверки.

Без единого привала, по грунтовым дорогам и просекам прошли более двухсот километров и остановились перед штабом стрелкового корпуса. В литовском фольварке все дышало благополучием и достатком. В этом фольварке генерал-лейтенант со своим штабом тоже излучал благополучие.

Он спокойно выслушал доклад, критически оглядел Дегена с ног до головы.

- Это и есть знаменитая Вторая гвардейская танковая бригада, которая должна обеспечить мне взятие Вильнюса?

Ответа не последовало.

- Ну, что ж, - сказал генерал, - бригада так бригада. Отдыхайте, ребята. Утро вечера мудренее.

Они вышли из штаба и направились к танкам, не понимая, зачем надо было, сжигая резиновые бандажки катков, так гнать. Вечером, из разговоров возле штаба, поняли, что происходит. В Вильнюсе шли бои между поляками и немцами. Поляками, подчинявшимся лондонскому правительству. Советские войска ограничивались тем, что не давали немцам вырваться из кольца.

Рано утром Ион получил приказ прибыть в распоряжение командира одного из полков 144-й стрелковой дивизии. Командир полка объяснил ему обстановку. Он уверенно заявил, что перед ними примерно шестьдесят немцев, два орудия и один-два танка. Ион не придавал значения словам командира полка. А через пять дней, когда только в плен сдались более пяти тысяч солдат и офицеров, а сколько ещё было убито, понял цену полученной информации.

Трудно было воевать в городе. Танки расползлись по разным улицам. Они не видели друг друга. Радиосвязь работала плохо. Два немецких орудия, упомянутых командиром полка, по-видимому, размножились делением. Снаряд ударил в правую гусеницу танка Дегена. По крутой дуге, оставляя разбитую гусеницу, танк вполз в палисадник.

Осмотрев машину, поняли, что без ремонтников не справиться.

Оставив свой экипаж, Ион пошел разыскивать танки и увидел группу вооруженных людей с красно-белыми повязками на руках. Это были поляки. Он подошел к ним и обратился к старшему по званию, не нужна ли им помощь танка. Полякам понадобилось какое-то время, чтобы догадаться о непричастности Иона к решениям командования не помогать полякам, подчинявшимся лондонскому правительству. У полковника от неожиданности даже заблестели слезы на глазах. Он попросил очистить

улицу от немецких пулеметчиков. Ион ответил, что попробует, и побежал к танку. Поляк окликнул его: «Как ваша фамилия?» - «Деген». Тот кивнул адъютанту, чтобы записал.

Ион приказал командиру машины взять команду над его подбитым танком и занял место в его танке. Почему он не воспользовался шансом уцелеть до следующих боев? Тем более у него еще дрожали поджилки, после того, как снаряд угодил в гусеницу. А мог бы чуть левее и выше. Ведь он же мог приказать командиру машины поддержать батальон, а самому остаться в безопасности, ожидая ремонтников.

Танк пересек небольшую площадь, проехал сквозь высокую тесную арку, справа примыкающую к церкви, а слева — к жилому дому, и стал спускаться по улице, идущей к реке. В полуподвале находился командный пункт штурмующего батальона, в котором в тот день, 8 июля 1944 года, оставалось для штурма семнадцать бойцов. Капитан, командир батальона, ознакомил Дегена с обстановкой и поставил задачу. Ночью Ион отправился на поиски третьего танка. Командовал им его товарищ по училищу младший лейтенант Соловьев. Его танк поддерживал штурм соседнего батальона.

Они договорились о взаимодействии в обстановке, когда каждый из них должен был считаться танковым батальоном. В ту ночь Ион в последний раз видел Ваню Соловьева. На следующий день они нашли его обугленное тело у стены дома, за которым, по-видимому, он надеялся спрятаться, когда выскочил из горящего танка. Разобрав камни тротуара, выкопали могилу и похоронили сгоревший экипаж. Уличные бои — это ужас: рушатся здания, трупы на брусчатке, на тротуарах, истошные вопли раненых, бессмысленность потерь.

Вперед, мать вашу...! Если через двадцать минут не возьмешь мне этот ... дом, застрелю к ... матери! На третий день не осталось ни одного из семнадцати человек штурмующего батальона. Повара, писари, ординарцы, связные были вооружены огнеметами и брошены в бойню, чтобы медленно, но неуклонно, из дома в дом, из улицы в улицу приближаться к реке.

У Дегена не было никакой связи с бригадой. Он не знал о том, сколько дней или недель продлятся эти уличные бои. Не знал, имеют ли они право на передышку. Ему оставалось командовать танком непосредственной поддержки пехоты, скупо поддерживая батальон огнем двух пулеметов и тысячу раз взвешивая, может ли он позволить себе еще один выстрел из пушки. А еще гусеницами давил орудия, которые немцы установили на перекрестках.

То есть, он делал то, что можно было сделать. Они метались от перекрестка к перекрестку, давая одно орудие, чтобы тут же увернуться от другого, и, в конце концов, 12 июля заблудились в путанице улиц. Ион по карте города попытался сообразить, где они находятся. Но не было ориентира. Почти без боеприпасов. Горючее на исходе. А тут еще на корму танка взобрались два немца в эсэсовской форме. Ион услышал скрежет металла на крыше командирской башенки. Сквозь заднюю щель он увидел, что немец пытается чем-то открыть люк. Обычно воевали, не закрывая задней половины люка. Но в городе, где обстреливают сверху, люк пришлось закрыть. При этом возникает другая опасность. Если танк подбьют, надо, чтобы за шесть секунд из командирского люка выпрыгнули два человека.

И тут произошло самое невероятное: артиллерийский младший лейтенант рассказывал, как пять дней они дрожали при мысли о немецких танках. И вот на несчастную пушку мчится танк с немецким десантом на корме. Смертельная опасность помогла расчету за считанные секунды развернуть орудие на девяносто градусов. Но эти секунды спасли жизнь экипажу Дегена.

До пушки оставалось менее пятидесяти метров. Механик-водитель через свой люк выдал такую матовую фиоритуру, какую улицы Вильнюса не слышали со дня своего основания. Где-то вверху затрещал автомат. Пули застучали по крыше башни и по корме. Танк остановился перед орудием. Ион выбрался через люк башнера и попал в объятия ликующего младшего лейтенанта.

Деген спустился в полуподвал к командиру стрелкового батальона и узнал, что им больше не нужна его помощь. Полк подошел к реке. Когда Ион выбрался из полуподвала и вышел на улицу, у танка собрались люди в рваной гражданской одежде с красными повязками на руках. Партизаны. Он подошел к партизанам и услышал, что все они говорят на идише. С трудом подбирая слова забытого им языка, он спросил, кто они.

Что тут началось! Они чуть не разорвали его на куски. Каждый хотел его обнять, пожать руку. Мало того, что он командир советского танка, так он еще аид! Ребята Дегена достали бачок, и вместе с партизанами выпили трофейный спирт за встречу, за победу.

В Вильнюсе к Дегену доставили взятого в плен командира танкового батальона дивизии СС в звании капитана. Он некоторое время с насмешкой наблюдал за тем, с каким трудом Деген строит немецкие фразы, и вдруг ответил на вполне приличном русском языке. Он сообщил, что часть танков немецкого батальона выскочила из окружения северо-западнее Вильнюса. Его танк «Тигр» был подбит, а командир немецкого танкового батальона с двумя членами экипажа вернулся в город.

Пленный, 1913 года рождения, окончил Венский университет, а в 1933 году из идейных соображений вступил в Национал-социалистическую партию.

- А вы знаете, что я еврей? - с вызовом спросил Деген.

- Ну и что? Я знаю, что вы из Второй гвардейской танковой бригады, и догадываюсь, что вы коммунист. Этого уже достаточно, чтобы вас убили, если бы вы попали в наши руки. То, что вы еврей, к этому ничего не прибавило бы.

- Но вам-то добавляет унижения, что вас допрашивает еврей и что ваша жизнь полностью в руках еврея?

- Большого унижения, чем отступление из-под Витебска, а до этого от Москвы, мне уже не пережить, - сказал немец. - А то, что вы еврей, для меня лично не имеет значения. Большинство моих друзей в Венском университете были евреями. Нескольких из них после 1938 года мне удалось переправить в безопасную эмиграцию. Некоторые не хотели поверить моему мнению о том, во что выродится идея национал-социализма. Увы, все эти социализмы, и национал, и марксо-ленинский, клок сена на оглобле повозки, в которую запряжена подыхающая кляча.

Деген схватился за парабеллум. - Немецкий капитан улыбнулся и сказал:

- Вам, по-видимому, нет еще двадцати лет. В вашем возрасте я тоже слепо верил.

Поверьте мне, после войны вы перестанете гордо заявлять, что вы еврей. Тоталитаризм - коричневый или красный - все равно. Если вы уцелеете, вы увидите, как расцветет антисемитизм в вашей стране. Все эти «измы» не оставляют места человеку.

Почему-то Деген не смог нажать на спусковой крючок парабеллума. И хотя он обозвал себя слюнтяем, но приказал солдатам отвести капитана в штаб полка. Сделав несколько шагов, капитан остановился.

- Младший лейтенант, возьмите это на память. - И протянул Иону автоматическую ручку удивительной красоты.

Пройдет много лет, Деген с женой и с сыном будут в Вильнюсе, и Ион узнает то место, где он воевал пять дней, - это было еврейское гетто. Значит, не случайно пришли тогда еврейские партизаны? Все не случайно.

Утром 13 июля утихли бои. В Москве прогремел салют — двадцать залпов из двухсот двадцати четырех орудий в честь взятия Вильнюса. В приказе Верховного

Главнокомандующего среди особо отличившихся частей называли Вторую отдельную гвардейскую танковую бригаду и добавили к ее многочисленным титулам звание Вильнюсской за то, что из восемнадцати танковых взводов бригады воевал только один, а еще точнее — из шестидесяти пяти танков воевали только три танка. Комбат гвардии майор Дорош заикнулся в штабе бригады, что лейтенант Деген за Вильнюс заслуживает звезду Героя, и он, комбат, просит разрешение на заполнение наградного листа на ГСС на его имя. Писарь рассказал Иону, что замполит Смирнов «лег костями поперек стола», чтобы не допустить подобного представления, да и весь политотдел бригады подключил к этой «борьбе за чистоту геройских рядов от всяких там Дегенов».

Во втором наступлении из подбитого танка Деген не смог выбраться самостоятельно. Всё... Конец... Истекли шесть секунд, в течение которых ещё был шанс выскочить из горящего танка. Уже загорелось сидение. Обожгло ягодицы и бедра. Он не мог поднять крышку люка слабеющей рукой. Всё... Дым горячей газойли сдавил горло...

А дальше слабеющим сознанием он уже не понимал, был ли он ещё жив, или всё это привиделось ему уже после смерти? Передняя крышка люка сама откинулась, и на фоне августовской тучки появилась голова ангела. Всё...

Когда он открыл глаза, ангел сидел рядом с ним, лежащим на траве метрах в тридцати от горящего танка. Ангелом оказалась невысокого роста красивая девушка с погонами младшего лейтенанта. А у ног её на траве лежал автомат, а не санитарная сумка. Да и погоны были не узкие, не медицинские. До него, наконец-то, дошло, что ангел, младший лейтенант, не медичка.

Он всё ещё не мог понять, как оказался тут. Неужели эта маленькая девушка смогла извлечь из башни больше семидесяти килограммов живого веса? А как она спустила эти килограммы с высоты двух с половиной метров? Как оттащила от горящего танка? Подошли солдаты. Человек десять. Половина из них в маскхалатах. Он понял - это разведчики. Пожилой сержант с некоторым смущением сказал:

– Ну, ты даёшь, командир. И как это ты успела? А мы ведь залегли, когда по танкам открыли огонь. Виноваты.

– Ладно... Вы лучше снимите с него комбинезон. Сергей, дай-ка мне пару индивидуальных пакетов.

Но индивидуальные пакеты не понадобились. Из тыла примчался батальонный военфельдшер, лейтенант медицинской службы Паньков, и санитар из его взвода. Они распорол комбинезон, брюки и перевязали оба бедра у самого паха. Добро, разведчики со своим младшим лейтенантом уже ушли. Надо же! Совсем ещё девочка – командир взвода разведки!

На следующий день бригаду вывели из боя. В их батальоне осталось два танка.

Деген отказался от направления в госпиталь. Даже в санвзвод бригады не обратился. Ожоги на ягодицах зажили быстро, а на внутренней поверхности бедер не заживали. Ходить приходилось враскорячку. По всем признакам до следующих боёв ещё далеко. Ни танков, ни пополнения. Он был уверен, что до следующих боёв будет в порядке.

Мужество и другие качества Иона проявлялось не только в бою, но и в других эпизодах. Когда летнее наступление в Белоруссии и Прибалтике выдохлось, танкистов отвели в тыл, и они поселились в роскошном имении. В промежутках между боями службы, не проявившие себя в боях, стремятся продемонстрировать свою значимость. Вот и в тот раз майор, начальник СМЕРШа бригады пригласил всех офицеров на суд чести. В общем-то, действительно, произошло ЧП: гвардии лейтенант Александр Ермолаев вступил в преступную связь с гвардии младшим сержантом Осиповой, и это послужило причиной её смерти, - начал майор.

Затем доктор, начальник бригадного медсанвзвода зачитал протокол: «В результате полового акта от шейки матки был оторван задний свод влагалища. Инфекция оттуда попала в брюшную полость. Начался перитонит – воспаление брюшины. С этим диагнозом пострадавшую отправили в медсанбат дивизии. Там её срочно прооперировали и эвакуировали во фронтовой госпиталь. Но по пути в госпиталь она умерла от интоксикации».

По просьбе начальника штаба бригады предоставили слово Ермолаеву. Саша, смущаясь, заикаясь, рассказал так, что мало кто понял. Деген и лейтенант Сердечнев учились вместе с Ермолаевым в танковом училище и знали о некоторых его особенностях. Нужно было рассказать о них, чтобы спасти Сашу от трибунала. Лейтенант Сердечнев был на девять лет старше Иона, и его выступление могло бы выглядеть более солидно. Но он попросил выступить Иона, как более грамотного. Деген поднялся и попросил слова. Комбриг и все его соседи оглянулись и посмотрели на него.

Ион рассказал, что Ермолаев болеет булимией (неуёмное чувство голода) и официально получает два пайка. Но есть у Ермолаева ещё одно несоответствие, - у него половой член невероятных размеров. И тут сержант Осипова захотела..., в общем, вы понимаете. Это, примерно то же, что на тридцать четвёрку установить пушку-гаубицу калибром 152 миллиметра.

Когда возвращались из штаба бригады в расположение батальона, командир батальона положил руку на плечо Дегена и сказал:

– Спасибо, Счастливчик. Мужество в бою не самое главное мужество.

Вскоре танкистов попросили из того роскошного имения - свои. Там разместили штаб стрелкового корпуса. Танкисты построили землянки. Оборудовали их. Прихватили кое-что из имения. Ион взял картину - Мадонну Боттичелли. Это капитан-инженер, который был очень культурным человеком, сказал им, что Мадонну написал Боттичелли. Ему понравилось, что из всего барахла, которого в имении было так много, что глаза разбегались, Ион выбрал именно эту картину.

В восьмом и в девятом классах Ион собирал открытки с репродукциями картин. Но Боттичелли ему не попадался. Все больше Шишкин и Бродский. В больших городах он не бывал. Читал, что есть картинные галереи. Может быть, это имение и было картинной галереей? Чего только там не было навешано...

Иногда по ночам, когда землянка вздрагивала от близких разрывов, Ион просыпался, включал свой трофейный фонарик и смотрел на Мадонну. Ребята поглядывали на него и молчали. Если бы посмотрел он на фотографию какой-нибудь девушки, они бы растрезвонили по всей бригаде, что, мол, Счастливчик наконец-то вторился. А тут ведь картина. И ничего - молчали.

«В имении, оставленном врагами,
Среди картин, среди старинных рам
С холста в тяжелой золоченой раме
Мадонна тихо улыбалась нам».

Вдруг нагрянула комиссия из политуправления фронта. Спустился в землянку полковник. Дородный такой, как мебель, притащенная из имения. За ним - дежурный по бригаде и еще два офицера из политотдела.

Деген скомандовал, доложил. Постарался показать выpravку. Смекнул, что полковнику придется по вкусу. Осмотрел он землянку, вроде, с одобрением, и собрался уже уходить. И вдруг глаза его выкатились наружу. Пальцем только тычет в картину и молчит, задыхаясь от гнева. А Мадонна улыбается. Хорошо так улыбается. Держит на руках младенца и улыбается.

И никто еще ничего не понимает. И офицеры из политотдела тоже не понимают.

И тут, наконец, вывалилось из полковника:

- Кто разрешил икону в офицерской землянке?

Причем тут икона? И вообще, какая может быть икона у еврея? Да еще такого убежденного атеиста. Но Ион ещё и рта раскрыть не успел, как полковник выхватил финку из-под полы кителя, кинулся на лежанку и по Мадонне ножом. Ион аж ахнул, будто в него финку всадили.

А дальше произошло следующее: капитан-инженер подошел к полковнику, страшный такой, бледный. И вдруг каак врежет! Полковник так и рухнул. Даже не согнулся ни в одном суставе. Лежит полковник, не движется, - живой он, или мертвый? Все оцепенели. Шутка ли! Капитан полковнику прилюдно дал по морде!

Когда всё же полковник вскочил и выхватил пистолет, тут Деген пришел в себя. Рана, нанесенная Мадонне, так у него болела, что ни о какой субординации уже не могло быть и речи. В такой ситуации уже не соображают, кто лейтенант, а кто полковник. Забрали пистолет. Руки скрутили. Связали буйвола телефонным проводом и привалили к ножке стола.

Политотдельцы сообразили, что, если озверели офицеры из экипажей, то лучше не иметь с ними дела. Ион даже не заметил, как они исчезли из землянки. Часа через два явился сам член военного совета, генерал-лейтенант. А с ним - комбриг. И еще много большого начальства. Только тогда развязали полковника. Хотел он что-то сказать генералу, но тот очень нехорошо посмотрел на него. Не хотел Ион, чтобы на него так посмотрели.

Капитан всю вину взвалил на себя. А генерал только укоризненно покачал головой и сказал совсем не то, а главное, не так, как можно было бы ожидать в данном случае:

- Как же это вы, интеллигентный человек, могли допустить, чтобы картину Боттичелли гноили в этой сырости?

Генерал приказал не прикасаться к картине. И все ушли из землянки. А к полудню следующего дня в землянку ввалились два веселых москвича в полувоенной форме. Художники-реставраторы. Сказали, что генерал-лейтенант самолетом срочно доставил их на фронт. Стояли они перед распоротой Мадонной, много разных слов непонятных говорили. Поругивали слегка Иона, но выпить не отказались. Потом с двух сторон залепили картину чем-то пахнущим медом, заколотили в небольшой плоский ящик и увезли. До самого наступления не было для Иона места постылее той землянки. А как он любил ее до этого случая! Как украшала ее картина!

Третий танк, в котором воевал Ион, был подбит «тигром». В сгоревшем танке, в месиве на снаряжных чемоданах нашли его погоны. Это были ровненькие запасные погоны, а не те, помятые, которые на его гимнастерке. Вот и решили, что и его останки в этом месиве. Осенью 1944 года он стоял перед своей могилой. Метровый фанерный обелиск был увенчан прямоугольной таблицей, на которой выгравировали имена и фамилии всех членов экипажа сгоревшего танка.

Но в могиле покоились только три танкиста. Ион и механик-водитель успели выскочить из горящей машины. Перебегая из воронки в воронку, наполненные водой, они добрались до кладбища и укрылись в большом склепе. Едва они прикрылись изнутри массивной металлической заслонкой, к склепу подошел немецкий танк. Может быть даже тот самый «тигр», который поджег их. Даже дыханием они боялись выдать своё присутствие. Около четырёх суток Ион не вынимал указательный палец из кольца гранаты, зажатой в правой ладони. Он знал, что не должен достаться немцам живым. И только в ночь на четвёртые сутки убрался немецкий танк.

На рассвете рискнули полностью отодвинуть заслонку. За дорогой, метрах в ста двадцати увидели знакомых разведчиков. Выползли из склепа. Ноги их не держали.

Именно это спасло им жизнь. Кто-то из разведчиков решил прощупать их очередь из автомата. Пули ударили в невысокое мраморное надгробье. Во весь свой хорошо поставленный командирский голос Ион покрыл разведчиков такой изысканной фиоритурой, какую даже им, с их небедным матерным запасом, еще не приходилось слышать. Что тут было!

Бригаду вывели из боя в конце октября и сразу приступили к переформированию. Через несколько дней на станцию Козла Руда пришло пополнение - новенькие танки с экипажами. Танки сгрузили с платформ. Экипажи выстроились перед машинами. Уцелевшие командиры, прохаживались перед их строем, как работоторговцы на невольничьем рынке.

Особое положение Дегена в бригаде позволяло ему при формировании экипажей в какой-то мере «проявлять капризы». При формировании на станции Козла Руда Ион так и остался без стреляющего. Однажды в дождливый ноябрьский вечер в конюшню, приспособленную его взводом под жилище, ввалилось странное существо. Сначала показалось, что это медведь, ставший на задние лапы. Но откуда взяться медведю в юнкерском поместье в Восточной Пруссии?

Ион разглядел его, выяснявшего что-то у ребят у входа. Танкошлем торчал на макушке головы невероятных размеров. На лицо Господь не пожалел материала, но, навалив его, забыл придать ему форму. Ватник на бочкообразном корпусе с покатыми плечами был перепоясан немецким ремнем. Ватные брюки втиснулись в широкие раструбы голенищ немецких сапог. Было очевидно, что этот танкист уже успел понюхать порошу. Из учебно-танковых полков в таком обмундировании не поступали.

Выяснив, кто командир взвода, медведь неторопливо приблизился к Иону, и загремел: - Товарищ гвардии лейтенант! Доблестный сын татарского народа, гвардии старший сержант Захарья Калимулович Загиддуллин явился в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы! Вольно! Взвод с явным удовольствием выслушал этот необычный доклад.

После завтрака Ион пошел выяснять, кого внедрили в его экипаж. Знали только, что Загиддуллин направлен в бригаду из запасного полка, куда он был выписан из госпиталя после ранения.

- И это все? - возмутился Ион. - Мне ведь положен хороший командир орудия!

- Правильно. Посмотри на его морду. Разве ты не видишь, что это отличный танкист? Почему-то Ион не возразил капитану.

На обратном пути у ремонтников он нашел полуметровый кусок фанеры и, прикрепив к нему лист бумаги, соорудил нехитрое приспособление. К дульному срезу прикрепил карандаш, который касался бумаги на фанерном щите. Метрах в двадцати перед танком прикрепил к дереву кусок картона с начерченным на нем открытым конвертом. При помощи подъемного механизма пушки и поворотного механизма башни в течение тридцати секунд стреляющий должен вести стрелку прицела вдоль линий конверта, и карандаш на конце пушки точно вычертит каждое движение стреляющего. С вертикальными и горизонтальными линиями не было никаких проблем. Но вот плавно вычертить диагонали! Даже у редчайших снайперов пушечной стрельбы получались ступени.

Загиддуллин залез в башню. Экипаж стоял рядом с Ионом у щита с листом бумаги.

- Огонь! - Скомандовал Ион, нажав на кнопку хронографа. Такого он еще не видел!

Почти ровные линии диагоналей и клапана конверта!

Ребята зааплодировали, чем привлекли внимание соседних экипажей. Вскоре у танка собралась чуть ли не вся рота. Загиддуллин все снова и снова повторял фокус, ни разу не выйдя за пределы тридцати секунд.

Загиддуллин вылез из башни. Его багрово-синяя физиономия со щелочками глаз излучала добродушие и удовольствие.

- Славяне, дайте кто-нибудь закурить.

К нему подскочило сразу несколько человек.

- Хлопаете!.. Дайте мне выспаться и хорошо закусить, так я вам нарисую не конверт, а «Мишку на севере».

В начале декабря бригаду вывели на тактические учения. Деген попросил командира батальона разрешить ему несколько выстрелов из пушки, чтобы проверить командира орудия. Нашли безлюдное место. Метрах в восьмистах от болотистой поймы, у края которой остановился танк, торчали телеграфные столбы. Перед одним из них куст с опавшей листвой был избран в качестве мишени. Но сперва Ион приказал отвернуть башню чуть ли не девяносто градусов, чтобы куст не был в поле зрения стреляющего. А затем подал команду. Первым же снарядом Загиддуллин снес телеграфный столб над самым кустом.

Весь экипаж, включая Иона, был уверен в том, что это случайное попадание. Но вторым выстрелом Захарья перебил телеграфный столб метрах в пятидесяти от первого. И третьим снарядом он снес телеграфный столб.

- Тебе, я вижу, даже не нужен снаряд для пристрелки? - Спросил Ион.

- Не нужен. Нулевые линии выверены. А расстояние до цели я могу определить на глазок очень точно.

- Но ведь стрелку прицела ты видишь более толстой, чем телеграфный столб? Да и ветер.

Захарья неопределенно приподнял плечи. Ион прекратил задавать вопросы, понимая, что ему достался необыкновенный стреляющий.

Тринадцатого января 1945 года бригада вступила в бой. У Дегена был очень хороший экипаж. Но о командире орудия гвардии старшем сержанте Загиддуллине можно было говорить только в превосходной степени. Спокойствие в самой сложной обстановке. Мгновенная реакция на команду. Абсолютно точная стрельба - поражение цели с первого снаряда.

На шестой день наступления из роты уцелели четыре танка. Их спрятали за длинным кирпичным строением, пока четыре офицера тщательно изучали карту, пытаясь найти хоть какую-нибудь возможность поразить «тигра», который, не маскируясь, стоял в полукилометре. Снаряды тридцатьчетверки ничего не могли сделать мощной лобовой броней этого танка. Он же мог прошить тридцатьчетверку насквозь. Поэтому нужно было как-то зайти ему в тыл, или хотя бы во фланг.

В этот миг слева от них, подставив беззащитные бока, колонной, словно на параде, шли десять новеньких тридцатьчетверок. Вспыхнула головная машина. Вторая. Третья. Ион выбежал из-за укрытия, пытаясь привлечь внимание несчастных танкистов, пытаясь увести танки в укрытие. Он метался по заснеженному полю, забыв об опасности и чуть не плача. Наконец, его заметили и поняли, что он не просто так размахивает руками, а подаёт команду.

В укрытие Иону удалось увести четыре оставшихся танка. Юные офицеры, испуганные, подавленные, рассказали, что это машины Первого Балтийского корпуса, - свежее пополнение из маршевой роты. Какой-то идиот или мерзавец приказал им выйти на исходную позицию, где они получают приказ на атаку. Они были поражены, узнав, что эта позиция расположена далеко в немецком тылу.

Ион хотел использовать дым шести пылающих тридцатьчетверок, чтобы пробраться мимо «тигра». Нет, никаких шансов. И тут ему в голову пришла идея. Справа от строения, за которым скрывались танки, небольшой яблоневый сад был отгорожен от поля высоким забором, увитым лозой дикого винограда. Сюда можно незаметно выкатить машину. Он позвал Загиддуллина и показал ему позицию.

- Единственный шанс - попасть в пушку «тигра» первым же снарядом. Если ты не попадешь, нам крышка.

Захарья долго разглядывал «тигр» в бинокль.

- Давай, лейтенант. Аллах милостив.

Механик-водитель осторожно выехал на намеченное место.

Иону показалось, что Загиддуллин выстрелил слишком поспешно. Но когда рассеялся дым, увидели «тигр» с отсеченной пушкой.

Четыре танка выскочили из-за укрытия и понеслись к посадке. А вслед за ними пошли четыре уцелевших танка Первого Балтийского корпуса. Попасть в орудие танка на расстоянии пятисот метров с первого выстрела! Только Загиддуллин был способен на это. Все командиры Иона – все до командира бригады - не скрывали восторга.

20 января 1945 года после боя за длинным кирпичным строением, где стояли стояли танки их батальона, Ион увидел командира бригады, командира батальона, стоявших среди офицеров, окруживших какого-то генерала. Выбравшись из танка, он понял, что это командующий фронтом, генерал армии Черняховский.

Осколок на излете ударил Иона в левую руку. Он почти не почувствовал ранения. Но генерал заметил и приказал перевязать его. Это произошло, когда он отрапортовал:

- Товарищ генерал армии, разрешите обратиться к товарищу гвардии полковнику.

- Докладывайте мне.

Ион доложил. Командующий посмотрел на подполковника слева от него и сказал:

- Запишите, Дегена к званию Героя Советского Союза, оба экипажа к ордену Ленина.

- Товарищ генерал армии, - сказал комбриг, - его уже раз представляли.

- На сей раз я сам прослежу.

Генерал сел в виллис и уехал. Лишь позднее Ион понял, что всё это происходило в трехстах метрах от передовой. А через месяц, уже в госпитале Ион узнал о гибели командующего 3-м Белорусским фронтом генерала армии Ивана Даниловича Черняховского.

Все были уже на пределе. Единственное желание - спать. Трудно представить себе, где они черпали силы на очередную атаку. Из оставшихся танков бригады, полка тяжелых танков и полка артиллерийских самоходок соорудили сводную роту. Иону в награду предоставили честь командовать этим неуправляемым подразделением. Так на один день он стал командиром роты не из десяти, а из двенадцати машин, из всего, что осталось на их участке фронта.

21 января ещё за три часа до рассвета комбат вызвал к себе Иона. Он околевал от холода. Поэтому стакан водки, которой угостил его комбат, оказался очень кстати. Но, если майор угощает водкой лейтенанта, значит, за угощением последует какая-нибудь гадость. Так оно и было. Ни пехоты, ни артиллерийской подготовки. Так называемая, рота Дегена с десантом мотострелков должна продвинуться как можно ближе к Раушену. В конце атаки занять оборону, если еще будет кому обороняться.

Обеспечение боеприпасами и горючим, взаимодействие с соседями — все на авось.

Так Деген получил приказ на атаку, а когда проходил мимо кухни, повар предложил ему котлету и стакан водки. Экипаж ждал его с завтраком. Стали разливать водку.

Захарья накрыл свою кружку ладонью.

- Я мусульманин. Перед смертью пить не буду.

Никто ничего не сказал. Все почувствовали, что на сей раз он не шутит. Но его примеру не последовали и выпили, а Деген – третий стакан за утро.

Когда Ион отдал приказ на атаку, рота с ревущими дизелями не сдвинулась с места.

Можно в какой-то мере попытаться оправдать не подчинившихся танкистов. Девятый день наступления без минуты отдыха. Колоссальные потери. Страх, который в таких условиях трудно преодолеть.

Но ведь приказ. Ион решил, что есть только один выход из положения. Личный пример. Скомандовал: «Делай как я!» и поехал, уверенный в том, что машины пойдут за ним. Не пошли. Но уже некогда было думать о роте. Перемахнули через первую немецкую траншею. Всё внимание на второй, откуда по ним открыли огонь. А на корме шесть десантников со станковым пулемётом.

За боем Ион наблюдал в перископ из командирской башенки. Поле зрения очень ограничено. Видел он только то, что впереди танка. И вдруг, не видя ничего, кроме траншеи впереди себя, закричал: «Башню вправо!» и тут же «Бронебойный!». Башня немедленно повернулась вправо и звякнул клин затвора орудия. Ион успел увидеть немецкий танк. И ещё успел подумать, что это – их выстрел, или в казёнке своей же пушки разорвался их снаряд?

Загиддуллин подбил немецкий артштурм в тот самый миг, когда артштурм выпустил болванку по их машине. Были ли еще на войне подобные случаи? К счастью, танк не загорелся.

Раненый в голову и в лицо, Ион почти не реагировал на происходившее. Может быть, так продолжал бы сидеть, глотая кровь, противно пахнущую водкой. Но к действию, как выяснилось потом, к неразумному действию, его пробудил едва слышный голос стреляющего:

- Командир, ноги оторвало.

С усилием Ион глянул вниз. Захарья каким-то образом удержался на своем сидении. Из большой дыры в окровавленной телогрейке вывалились кишки. Ног не было. Культей сверху Ион не увидел.

Был ли еще жив Захарья, когда, преодолевая невыносимую боль в лице, Ион пытался вытащить его из люка. Длинная автоматная очередь полосонула по ним. Семь пуль впились в руки Иона. Он выпустил безжизненное тело стреляющего, которое упало в танк, а Ион упал на корму, на убитого десантника.

Автоматы били метрах в сорока впереди танка. Не думая о боли, Ион быстро соскочил на землю и повалился в окровавленный снег рядом с трупами двух мотострелков и опрокинутым станковым пулеметом. В тот же миг над ним просвистела автоматная очередь из траншеи, которую они перемахнули.

Из трех пулевых отверстий на правом рукаве гимнастерки и четырех — на левом сочилась кровь. Руки не подчинялись ему. Он почувствовал удар по ногам и нестерпимую боль в правом колене. Ну, все, - оторвало ноги. С трудом он повернул голову и увидел, что ноги волочатся за ним. Значит, не отсекло, а только перебило нерв.

Беспомощный, незащитный, он лежал между трупами десантников у левой гусеницы танка. Из траншеи отчетливо доносилась немецкая речь. Он представил себе, что ждет его, если он попадет к немцам в руки.

Явно еврейская внешность - он ведь не знал, что его расквашенное лицо, – это уже не внешность. Но на груди ордена и гвардейский значок. В кармане - партийный билет. Надо кончать жизнь самоубийством. Это самое разумное решение.

Он попытался слегка повернуться на бок, чтобы просунуть правую руку под живот и достать из расстегнутой кобуры «парабеллум». Надо было только перевести предохранитель с «зихер» на «фоер». Но как его переведешь, когда пальцы окоченели от холода, когда пистолет, казалось, весит несколько тонн?

Время провалилось в бездну. Вселенная состояла из невыносимой боли в голове и лице, большой палец правой руки примерз к рычажку предохранителя. Он уже забыл, для чего нужно перевести рычажок. Вспомнил, когда отчетливо услышал немецкую речь. Надо нажать спусковой крючок, чтобы немцы не взяли его живым. Он пытался просунуть дуло в рот. Но рот не открывался. Только боль в лице стала еще нестерпимее. Он слегка повернулся на левый бок и просунул «парабеллум» под грудь.

А мы всё ещё живы

Итак, после последнего ранения, очень тяжелого, - осколок в мозгу, оторвана верхняя челюсть, семь пулевых ранений в руки, четыре осколочных ранения в ноги, оторвана пятка одной ноги, - Иона привезли умирать в госпиталь в Кирове на Вятке. Ведь его осматривал сам Главный хирург Красной Армии, генерал-полковник, акад. Бурденко, который признал, что «Травма не совместима с жизнью». И добавил: «А жаль – этот мальчик мне очень нравится».

То ли эти слова шефа, то ли голос свыше подвигли профессора-консультанта В.Д.Чаклина, ставшего позднее академиком, настоять на введении Иону дефицитнейшего в то время пенициллина. Минуло 20 лет и после защиты Дегеном кандидатской диссертации, к нему подошел мужчина, представился профессором В.Д.Чаклиным и поблагодарил за хорошую диссертацию. Деген сказал, что тоже должен поблагодарить профессора.

- За что?

- За то, что Вы настояли, вопреки заключению Бурденко, на введении мне пенициллина.

- Так это ты? Ты выжил?

Да, свершилось чудо, - он выжил. И там, в госпитале на Вятке Ион решил стать врачом. Но уже и как врач, понимающий патогенез этого ранения, зная печальную статистику исходов таких ранений, но закоренелый атеист, он не захочет понять, что произошло чудо, благодаря которому он выжил. Впитанная с младенчества идеология оставалась ещё куда сильнее очевидных фактов.

А тогда в Кирове он лежал, весь закованный в гипс от груди до кончиков пальцев ног. Гипсовая шапочка, под подбородком – гипс, проволочная рамка с подвязанным к ней прошитым языком, чтоб в бессознательном состоянии он не проглотил язык. Молодой стоматолог буквально по кусочкам собрал его оторванную челюсть. Всё было заплывшее, глаз не было видно. Но Ион не чувствовал близости смерти.

В двух девярых классах школы, в которой учился Деген, был 31 мальчик. Из них 30 – евреи. В живых остались четверо. Все – инвалиды Отечественной войны. Его земляк Ароня Килимник, двоюродный брат Шули Даина, пожалуй, самый тихий, миролюбивый, даже пацифистски настроенный мальчик, во время войны, не совершив никакого проступка, стал командиром штрафной роты. И еще несколько его знакомых назначались на самые гиблые, самые опасные должности только потому, что они евреи. Из ста двадцати пяти курсантов их роты в танковом училище выжили четверо.

Согласно «Военно-медицинскому энциклопедическому справочнику», во всех армиях мира самые большие боевые потери несли танковые войска. А из всех армий мира, даже по данным советской статистики, наибольшие потери были в танковых войсках Красной армии – три к одному. Немцы оценивали – пять к одному.

О Прохоровском танковом сражении рассказывается, как о величайшей победе советских танкистов. Но 12 июня 1943 года в немецкой танковой дивизии Лайбштандарт СС погибло 39 танкистов, в дивизии Тотенкопф – 69. В Пятой советской танковой армии, воевавшей против этих дивизий, – 1304. А всего во время Прохоровского сражения у немцев было убито 149 и 33 пропали без вести. А в Пятой танковой армии более 10000 убитых и раненых. Такая вот статистика.

А если учесть, что Деген провоевал восемь месяцев в разведке танковой бригады прорыва и выжил, да, не уцелел, но всё-таки выжил, - это больше, чем просто везение. И вот ему ещё нет и двадцати лет. Но после всего пережитого на войне он вполне зрелый мужчина. Один, как перст. Война подходила к концу. Он лежал в большой

офицерской палате и все чаще задумывался о будущем. Куда он денется, когда его выпишут? Куда поехать? Где осесть? С городом, в котором он родился и жил до войны, его уже ничего не связывало. Хорошо бы поступить в медицинский институт. Но для этого надо ещё окончить школу и получить аттестат зрелости. Медицинские институты есть в восьмидесяти городах. Какой из них выбрать?

Уже растаял снег – весна, а он все еще закован в гипс от груди до ног. Но с головы, лица и рук уже сняли повязки. Его начали учить жевать. Ко всякой осточертевшей ему перемолотой гадости постепенно стали добавлять человеческую пищу. Иногда они умудрялись выпить по какому-нибудь торжественному поводу. Или без него. Впрочем, повод всегда находился, если в палату удавалось пронести водку. Но в их палате не было ходячих и они, как младенцы, полностью зависели от посторонней помощи. В соседней палате лежал десантник из мотострелкового батальона их бригады. Он навещал Иона. Кроме трепа о героической танковой роте Дегена, от него была и явная польза. Он выходил из госпиталя и беспрепятственно возвращался через проходную, потому что у него никогда не обнаруживали ничего запретного. Между ногами, он прикреплял бинтами к поясу резиновую грелку с водкой. Госпитальный халат скрывал это транспортное устройство от глаз дежурной по проходной. Так десантник снабжал палату. Это было изобретение Иона.

А место хранения открылось Иону самым естественным образом. Большая часть его жизни в палате проходила в положении лежа на спине. Объектом наблюдения был потолок и три свисающие с него молочно-белых шара, абажуры. Если водка не распивалась немедленно после возвращения десантника из очередной операции по снабжению, он ставил на стол табуретку, с трудом взбирался на нее и опорожнял грелку в центральный абажур с испорченной лампочкой.

Где-то в двадцатых числах апреля десантник умудрился пронести пол-литровую бутылку водки. Ион даже не пытался утаить ее. Когда при обходе подполковник, заместитель по политической части начальника госпиталя, открыл тумбочку, он замер, словно увидел мину замедленного действия. Ион не дал ему даже опомниться: - Не смейте прикасаться к бутылке. Я приготовил ее, чтобы отпраздновать победу. Что именно произвело эффект - взрывная ли сила, вложенная в эту фразу? Упоминание ли победы? Но подполковник проглотил слова лейтенанта и вышел из палаты, даже не проверив другие тумбочки.

Каждый из раненых хотел бы прихлопнуть этого гада, мерзкого подполковника. Никто не знал, была ли у него какая-нибудь другая функция, кроме постоянной инспекции тумбочек на предмет обнаружения водки.

Но к концу апреля во всех тумбочках стояло по две бутылки водки. Персональные. Подполковник больше не инспектировал их палату, продолжавшую снабжаться из общественного абазура.

Названия взятых немецких городов звучали по радио так часто, что, казалось, дикторы стали говорить по-немецки. Тридцатого апреля сообщили о взятии Берлина. Разговоры в палате не умолкали до поздней ночи. Атмосфера была наполнена возбуждающими флюидами. Они опьяняли. Можно было не прибегать к абазуру. Даже раны стали заживать быстрее.

Восьмого мая после обеда по госпиталю пронесся слух, что в восемнадцать часов по радио передадут особо важное сообщение. Как возник этот слух? Кто принес его в госпиталь? Какое сообщение? Все прильнули к репродукторам. Но в восемнадцать часов была обычная передача. Вероятно, в восемнадцать часов по московскому времени, то есть, еще через час. «Восемнадцать часов по московскому времени. Передаем арии из опер Чайковского». Слухи захлебнулись. Но напряжение нарастало. Лишь в половине второго ночи палата уснула.

Ион проснулся от стрельбы зениток. Так ему показалось или приснилось. В палате над

ними стучали по полу костылями. Обычно у них это было выражением протеста, когда во время завтрака запаздывали с чаем. Но ведь в начале третьего ночи не завтракают. И чай не пьют. Дверь отворилась. Сестра, самая старая и самая любимая, задыхаясь, словно после быстрого бега, сквозь слезы сказала:

- Мальчики, победа! Передают через каждые пятнадцать минут.

Она включила репродуктор. Левитан читал особо важное сообщение. Победа!

Счастливые, уже пьяные и без водки, они, вытащив из тумбочек легально в открытую хранимую для этого случая водку, выпили за Победу. Тосты, тосты из разных концов палаты. Ион не заметил, как опорожнил свою бутылку, помнил только, что радость и счастье переполнили его, и он уснул умиротворенный.

Утром наступило похмелье. Нет, не после выпитой водки. Плакала сестра: муж погиб на фронте. На руках двое полуголодных пацанов. Плакала самая старая и самая любимая сестра. Еврейка. У нее погибла вся семья. Заплакал почему-то сосед Иона по койке, лейтенант-парашютист. Он что-то бормотал и не мог объяснить конкретно, почему плачет.

Ион думал о маме, о своих искалеченных ногах. Смотрел на руки, с которых уже сняли гипс, но которые еще не ходили на его руки. Ему скоро двадцать лет. Он тяжёлый инвалид. Жива ли мама? Кроме неё у него никого нет. Куда он денется после выписки из госпиталя? Осуществится ли мечта стать врачом? Как? Неоконченное среднее образование – девять классов.

Мертвая тишина стояла в недавно клокотавшем от радости госпитале. В дверях показался подполковник, заместитель начальника госпиталя по политчасти. Капитан с ампутированной ногой запустил в него пустую бутылку. Подполковник испарился. В течение нескольких дней медленно приходили в себя после радостной реакции на Победу в ночь с восьмого на девятое мая.

В конце месяца Иона поставили на костыли. А в начале июня произошло невероятное событие: он получил телеграмму - «молнию». За время войны забыли, что вообще существуют телеграммы. В лучшем случае - треугольники писем. А тут - «молния». Вообще-то телеграмма была адресована не ему лично, а начальнику госпиталя. По просьбе мамы горсовет запрашивал о состоянии его здоровья. Телеграмма не из Могилева - Подольского, а из местечка напротив, за рекой. Хоть это в нескольких сотнях метров, но уже другая республика.

Мама жива! Ему есть куда возвращаться! Он считал себя зрелым мужчиной, таким матерым волком, прожженным воякой, снисходительно похлопывал по плечу сорокалетних стариков. И вдруг оказалось, что он, как ребенок, нуждается в маме. Конечно, ему было далеко до таких «высот», как питье одеколona. Но водку он хлестал почище ханыг.

Был, правда, еще один сомнительный симптом. Не только Роза, но и некоторые другие красавицы почему-то считали его мальцом и оставались с ним исключительно в дружеских отношениях, хотя он мечтал совсем о другом. Как они были не правы! Его горького военного опыта хватило бы на сотню бывалых мужчин... Они были не правы, но так ему вдруг захотелось к маме!

Он порядком осточертел врачам и начальству, требуя выписки. Наконец, на него махнули рукой и задолго до положенного срока выписали из госпиталя. В дорогу дали сопровождающего, дурака - солдата, которого ещё и пришлось ему опекать.

Единственная польза от него, - он тащил тощий вещмешок и шинель Иона.

Дорога до дома могла бы стать темой отдельной занимательной повести. Последний участок железнодорожного пути от Жмеринки до Могилева-Подольского они преодолели на раме нефтеналивной цистерны. Учитывая костыли и мобильность Иона, эти пять часов полудремотного, а порой и дремотного состояния были достойны номеров воздушных гимнастов или эквилибристов на канате.

Наконец, вот он родной город, где для Иона началась война, и куда он вернулся спустя четыре года. На станции между путями под колонкой он помылся до пояса и надел гимнастерку, предварительно сняв с нее ордена и медали. Он спрятал их в вещмешок. До парома через Днестр два километра. Транспорта никакого. Переваливаясь на костылях, он осматривал улицы, до неузнаваемости разрушенные войной и наводнением. Уже через несколько сотен метров Ион шел в плотной толпе земляков. Он ничего не мог понять. Откуда такая популярность? Как они узнали о его появлении? Эскорт увеличивался. К парому подошла настоящая демонстрация, человек двести. Еще до того, как паром пристал к причалу на правом берегу, Ион увидел маму. Маленькая, постаревшая, осунувшаяся, она не сводила с него глаз. Он направился к ней, осторожно переставляя костыли на шатких неплотно пригнанных досках причала.

- Нет, это не мой сын, - сказала мама и судорожно обняла его. Окружившая их молчаливая толпа смотрела, как он гладил поседевшие волосы мамы, как скомканным платком она вытирала слезы. Затем, придя в себя, она критически оглядела сына и инспекторским тоном спросила:

- А где твои ордена? Ион рассмеялся.

- Откуда ты знаешь, что у меня есть ордена?

- Как ты разговариваешь с матерью? Ты оставь свои штучки! Я все знаю. И все знают. - Рукой она очертила в воздухе широкую дугу.

- Я получила письмо от Сталина.

Мама успокоилась, узнав, что ордена в вещмешке.

В убогом жилище на шатком столе торжественно ждала его бутылка водки. Он смутился. Ему стыдно было прикоснуться к водке в мамином присутствии.

Письмо же было не от Сталина, а из канцелярии Сталина. Выяснилось, что три с половиной года мама безуспешно его разыскивала, обращаясь во все возможные гражданские и военные инстанции. Но Ион нигде не значился, даже в Бугуруслане, куда он сам дважды писал. Ее упорство вызывало удивление. В госпитале, в котором она работала до иступления, мама расспрашивала раненых, не встречали ли они её сына. Нет, не встречали.

В эвакуации рядом с мамой жила учительница Иона. Спустя несколько дней, когда он навестил ее, она призналась, что стала избегать встреч с его мамой. Ее страдания причиняли учительнице физическую боль. Однажды, придя к ней, мама, обремененная своим горем, не заметила горя хозяйки. Только что принесли похоронную, сообщившую о гибели ее брата. Учительница разозлилась и посоветовала маме прекратить поиски и бесконечные разговоры. Неужели неясно, что сын погиб в этой страшной мясорубке? Мама не поняла, что произошло с деликатной учительницей. Но перед тем как хлопнуть дверью, она уверенно сказала: «Он жив. Он вернется. И вся грудь его будет увешана орденами!»

Ион слушал мамин рассказ и был потрясен тем, как точно она называла даты ее самых тяжелых состояний. Он так и не смог понять, каким образом мама с такой точностью определила эти даты. Они совпадали с датами его ранений или других несчастий. Одна из дат сперва показалась ему необоснованной. И только подумав, он вспомнил, что в тот день сидел в подвале особого отдела чужой стрелковой бригады с двадцатью одним человеком, приговоренными к смертной казни. Именно в тот день расстреляли десять из них. А он не знал, что ждет его. Мог только догадываться. Из этого подвала никто еще не выбирался живым.

В Беслане был паточный завод. Ион со Степаном Лагутиным, разведчиком из его взвода, ведро патоки обменяли на бутылку самогона. Как раз в момент этой сделки вышел из-за угла мужчина в плаще и полувоенной фуражке:

- Спэкулируете.

Иону послышалось в этом акценте намек на его национальность, и он ему врезал. Мужчина растянулся, а из под плаща открылся орден Ленина и значок депутата ВС. Вместо того, чтобы бежать, они помогли мужчине подняться. Он тут же крикнул своим охранникам. Появились двое НКВДэшников с автоматами. Мужчина оказался первым секретарем Северо-Осетинского обкома КПСС.

Иона и Степана Лагутина арестовали, сняли с них награды и бросили в подвал особого отдела. Они просидели там ночь, день и ещё ночь, пока майор СМЕРШа их дивизиона не приехал за ними с приказом командующего фронтом об их освобождении.

В конце 1944 года мама Иона вернулась в родной город. От их дома не осталось и следа. Вокруг одни руины. Она поселилась в местечке на правом берегу реки, уже в другой республике. В ясный мартовский день по служебным делам она выбралась в город и встретила женщину, как мама сказала, «в шикарном котиковом манто, какие носили в мирное время». Женщина со слезами на глазах бросилась к маме Иона, обняла и расцеловала ее.

- Я никогда не видела мадам Мандельбаум такой шикарной. Поэтому я не сразу узнала ее. Мадам Мандельбаум сказала, что Ион спас ей жизнь и тут же на улице хотела отдать ей свое манто взамен на моё пальтишко. Ты помнишь его? Можешь себе представить, как оно выглядит сейчас. Конечно, я отказалась.

Мадам Мандельбаум явно преувеличила известные Иону события. Но многое он узнал впервые.

- Твой подчиненный привез ее на станцию... Что-то из Пушкина... Анчар?.. Болдино?.. Руслан?..

- Беслан.

- Да, да, Беслан. Там он велел ей подождать. Он отсутствовал больше двух часов. Она уже подумала, что он не придет. Но он пришел и надел ей на спину мешок.

- Вещмешок?

- Да. Тяжеленный. Нагруженный мылом, солью и чаем. И продуктами. Ты знаешь, что это такое? За пачку соли можно было прожить две недели. А мыло? О чае я уже не говорю. Но это еще на все. Он велел ей хорошо запрячь платок, в который были завернуты золотые кольца, сережки, золотые корпуса часов. Она еще в жизни своей не видела такого количества драгоценностей. Она даже не подозревала, что ты такой большой танковый начальник.

Ион рассмеялся. Он объяснил маме, что никогда не был большим начальником, что даже через два года после тех событий командовал всего лишь танковой ротой. А это должность ох, какая маленькая. Мама отмахнулась от его возражений и продолжала. В тот же день она написала письмо Сталину с просьбой сообщить, где находится ее сын, большой танковый начальник. Через полтора месяца пришел ответ. Ее благодарили за то, что она воспитала такого сына, и сообщили, что ее письмо переслано в часть, в которой служит сын. А в начале июня, уже после Победы, пришло письмо из части. Командование снова благодарило маму и писало о сыне такими словами, что, если верить им, ему немедленно следовало воздвигнуть памятник.

- Когда почтальон принесла письмо, пришли не только соседи, но даже люди, которых я не знала. Я с гордостью вслух читала письмо, пока не дошла до слов: «21 января 1945 года в боях за Советскую родину...». Я знала стандартный текст похоронной и хлопнулась без сознания. Меня облили водой и стали кричать: «Посмотри, что написано! Он ранен! В боях за Советскую родину ранен и находится в госпитале». На почте у меня не хотели принять телеграмму - «молнию». Сказали, что только официальная организация может отправить такую телеграмму. Я пошла в горсовет, накричала на них, и они отправили. Так что я должна благодарить судьбу и мадам Мандельбаум.

На следующий день Ион пошел к Яшиной маме. Не успел он отворить калитку, как Яшина мама возникла перед ним на тропинке. Он хотел обнять ее, сказать ей, как он любит ее, как вместе с ней оплакивает гибель своего первого друга.

Четыре года Ион готовился к этой встрече. Но он ничего не успел сказать. Маленькими кулаками она била по его груди, как по запертой двери. Она царапала его лицо. Она кричала, что такие мерзавцы, как он, уводят на смерть достойных мальчиков, а сами возвращаются с войны, потому что негодяев, как известно, даже смерть не берет. Еще дважды Ион приходил к ним. Но его появление доводило до исступления добрую женщину... Вскоре он навсегда покинул родные места.

Минуло ровно двадцать лет. В операционной Ион забыл, какой сегодня день. Но в ординаторской, заполненной букетами сирени, тюльпанов и нарциссов, товарищи по работе напомнили, что ему исполнилось сорок лет, и выпили по этому поводу. Он возвратился домой, нагруженный множеством подарков, самым ценным из которых оказалась большая, любовно подобранная коллекция граммофонных пластинок. Раздался звонок. Вечером должны были прийти друзья. А сейчас они никого не ждали. Возможно, еще одна поздравительная телеграмма? Ион вышел из комнаты и обомлел. В проеме открытой двери со свертками в руках стояла Яшина мама.

– Здравствуй, сыночек. Я пришла поздравить тебя с днем рождения.

Он, молча, обнял ее и проводил в комнату. Когда он представил её жене, она поняла, что произошло. Они развернули свертки. Торт. Muskatное шампанское. Шесть высоких узких бокалов из тонкого хрусталя. Они пили шампанское из этих бокалов. Яшина мама разговаривала с его женой. Видно было, что они испытывают взаимную симпатию. Ион только пил. Он был не в состоянии говорить.

И потом, когда приходил к ней, и тогда, когда сидел у ее постели, когда держал в своих руках ее высохшую маленькую руку и молча смотрел, как угасает еще одна жизнь, он ни о чем не спрашивал и ни разу не получил ответа на незаданный вопрос.

– Сыночек ... – выдохнула она из себя с остатком жизни.

По пути домой, впервые в жизни посетив Москву, Ион случайно обнаружил некоторую полезность костылей для младшего офицера. Естественно, прежде всего, ему захотелось посетить Красную площадь. В эти июньские послевоенные дни Москва была запружена военными, среди которых он, гвардии лейтенант, был на нижайшей ступени табели о рангах. Всю войну ему приходилось козырять старшим по званию. А тут все козыряли ему. Причем, процесс козыряния был всегда примерно одинаковым. Какой-нибудь, скажем, генерал-лейтенант, увидев его лицо, выглядевшее ещё более молодым, чем ему полагалось быть, что объяснялось его розовостью после ожогов, переводил удивленный взгляд на погоны лейтенанта, затем еще более удивленный взгляд на ордена, медали и полоски ранений, затем снова на лицо и быстро козырял. Ион отвечал смиренным кивком головы. Если бы он козырнул, его правый костыль мог вылететь из подмышки со всеми вытекающими последствиями.

Козыряние генералов и старших офицеров несколько примирило Иона с костылями и даже смутно намекнуло на уже сформулированное философами положение о единстве и борьбе противоположностей. Как здорово, что не надо все время быть начеку, чтобы, не дай Бог, не забыть козырнуть какому-нибудь старшему лейтенанту, не говоря уже о капитане, тем более, если эти «высокие» чины состояли в составе комендантского патруля!

Но однажды в этот сладкий напиток попала горчинка. Он знал, что существуют суворовские училища. Даже читал, как выглядит форма суворовца. Но никогда их не встречал. А тут, пересекая площадь перед Большим театром, он увидел пятерых мальчиков лет четырнадцати. На каждом была фуражка с кадетским козырьком, черная

гимнастерка, перепоясанная черным лакированным ремнем, а на гимнастерке - красные погоны.

Мальчишки еще издали посмотрели на него с таким же удивлением, с каким он посмотрел на них. И, хотя им было еще далеко даже до первичного офицерского звания, последовательность осмотра его лица и регалий была у них такой же, как у генералов. Едва заметно они ткнули друг друга локтями, за семь шагов до него перешли на строевой шаг и поприветствовали его с таким шиком и так синхронно, что прохожие отреагировали аплодисментами. Ион и суворовцы оглянулись одновременно и улыбнулись друг другу.

А уже через минуту он подумал о строевом шаге. В танковом училище Ион числился в десятке лучших строевиков. А сейчас? Костыли в двадцать лет. В планшете несколько десятков уцелевших фронтовых стихов, ценность которых даже для него самого была весьма сомнительной. У других, правда, еще не было возможности их оценить. Неоконченное среднее образование. Неопределенное будущее после демобилизации. Да...

Летом 1945 года Ион находился, в так называемом, мотокостыльном батальоне, в полку резерва офицеров бронетанковых и механизированных войск. Это был батальон офицеров-инвалидов, ждавших демобилизации. Полк дислоцировался в Москве, на Песчанке. До станции метро Сокол, добирались пешком по песчаным пустырям. Ион передвигался с помощью костылей. Походы его осложнялись тем, что руки не окрепли после семи пулевых ранений. Но ему было двадцать лет. В Москве ему, провинциалу, так много хотелось увидеть и услышать. После завтрака он уезжал в музеи, а потом - в театры. В казарму возвращался только на ночлег.

Однажды, выйдя из Третьяковской галереи, он увидел вывеску «Комитет защиты авторских прав». Зашел рассказать о том, что музыку к очень популярной в ту пору песни «На полянке возле школы» сочинил гвардии младший лейтенант Григорий Комарницкий из их роты. Григорий сгорел в танке. Песню исполнял джаз Эдди Рознера. На пластинках не было фамилии автора песни.

В небольшой комнате сидели двое мужчин лет сорока-пятидесяти. Ион изложил им жалобу. Они отнеслись с пониманием, но объяснили, что пластинка выпущена огромным тиражом. Очень сложно что-нибудь предпринять. Речь зашла о творчестве ребят, сидевших в танках. Упомянули Сергея Орлова. Ион уже знал его стихи. Они ему очень нравились.

Выяснилось, что и он тоже пишет стихи.

- Прочтите, - попросили они.

Ион успел прочитать два или три стихотворения.

- Стоп, стоп! Погодите - сказали они и исчезли.

Через несколько минут комната до отказа заполнилась женщинами и несколькими мужчинами.

- Начните сначала.

Он начал. Читал, кажется, долго. Потом все они зашумели, не обращая на него внимания. Время от времени повторялась аббревиатура «ДП». Что она обозначала, Ион тогда не знал. После множества приветливых рукопожатий он покинул Комитет защиты авторских прав.

А на следующий день, или позже, его вызвал начальник политотдела полка.

- Так что, лейтенант, стишки пишешь?

- Пишу, - смущенно ответил Ион.

- Так вот, сегодня к восемнадцати ноль-ноль поедешь в Дом писателей. Я дам тебе свой «виллис».

- А обратно?

- А обратно на метро.

Так Ион узнал, что такое «ДП». А вечером и увидел.

От входа, мимо бара налево в относительно небольшой комнате сидело человек сорок. За председательским столиком в пиджаке с орденскими планками - Константин Симонов. До этого Ион видел его на многих фотографиях. В последнем ряду у входа сидел фронтовик с обожженным лицом. Ион решил, что это Сергей Орлов и не ошибся.

Константин Симонов представил Дегена. Сослался на рекомендацию Комитета защиты авторских прав. Назвал несколько фамилий, которые Иону ничего не говорили, но, по-видимому, были известны аудитории. Представляя его, Симонов даже пошутил. Мол, перед вами лейтенант, коммунист, по существу еще мальчик, а поглядите, сколько наград сумел нахватать. Аудитория тепло приняла эти слова.

Но вскоре, прочитав два или три стихотворения, Ион почувствовал сперва холодок, а затем - враждебность сидевших перед ним литераторов. Только Сергей Орлов после каждого стихотворения, осторожно складывая ладони, беззвучно аплодировал. Закончив читать, Ион сел на свободное место.

Среди прочитанных на том вечере стихотворений было и то, начальная строчка из которого, «Мой товарищ в смертельной агонии» стала впоследствии своеобразной визитной карточкой Дегена. Василий Гроссман, без ссылки на автора, поместил его в своей книге «Жизнь и судьба».

И тут началось. Не просто лаяли и песочили. В пыль растирали. Как это офицер, коммунист мог стать апологетом трусости, мародёрства, как посмел клеветать на доблестную Красную армию. Кипплинговщина какая-то. Не понять им было, что снять валенки с только что погибшего друга – это не кощунство. Именно в том, что «это – не кощунство», и заключался весь ужас войны. Да, снимали, снимали валенки – босым ведь не повоюешь.

И ещё обвиняли его в садизме, поскольку не представляли себе боя и состояния солдата в горячке боя. За всю войну Ион ни разу в бою не слышал победного клича «За родину! За Сталина!». Во время атаки, если кто-то открывал рот, то только чтобы исторгнуть из себя мат во много раз более грязный и образный, чем тот, который внезапно вырывается, когда ушибёшь палец? Без звериной злости и отсутствия выбора в бою вообще очень тяжело убить человека? Но, если ты его не убьёшь, он убьёт тебя. Но больше всего досталось за стихотворение, в котором усмотрели, что автор «на самого Сталина руку поднял!»

«Случайный рейд по вражеским тылам.
Всего лишь взвод решил судьбу сраженья.
Но ордена достанутся не нам.
Спасибо хоть - не меньше, чем забвенью.
За наш случайный сумасшедший бой
Признают гениальным полководца.
Но главное - мы выжили с тобой.
А правда что? Ведь так оно ведётся».

И всем дирижировал К. Симонов. Весь этот разнос доносился до Иона как отдаленный гул канонады. Он писал своё ответное слово - стихотворение «Товарищам «фронтовым» поэтам».

Я не писал фронтовые стихи
В тихом армейском штабе.
Кровь и безумство военных стихий,
Танки на снежных ухабах

Ритм диктовали.
Врывались в стихи
Рваных шрапнелей медузы.
Смерть караулила встречи мои
С малоприветливой Музой.
Слышал я строф ненаписанных высь,
Танком утюжа траншеи.
Вы же — в обозе толпою плелись
И подшибали трофеи.
Мой гонорар — только слава в полку
И благодарность солдата.
Вам же платил за любую строку
Щедрый главбух Литиздата.

Это стихотворение он прочитал им, и под возмущённые возгласы аудитории вышел на своих костылях. Спускаясь в метро, Ион дал зарок никогда не иметь дела с литературным генералитетом.

Позже Михаил Дудин рассказывал об этом вечере: «Сидим, все с большими звездами, а тут входит мальчик лет двадцати на костылях, в офицерской гимнастёрке, но уже без погон, хочу, говорит, в Литературный институт, фронтовик, танкист, комроты, прошел всю войну, ранен в голову и в ногу под Кенигсбергом, люблю поэзию и неплохо ее знаю».

Никогда Ион не демонстрировал себя, и тогда ничего не говорил о ранении. И в Литературный институт он не хотел, потому что решил поступать в медицинский. И погоны ещё были на гимнастёрке. И не защищал его Дудин, пытаясь будто бы убедить этих заслуженных сурмоновых в том, что «гениальные стихи, просто гениальные, из первых рук, от самой солдатской смерти полученные!».

И никто не заступился. Странно и больно было Иону слышать тогда обвинение в воспевании им мародёрства. Он ещё не был демобилизован, на нём, двадцатилетнем лейтенанте, которому хотелось выглядеть элегантным, была заплатанная гимнастёрка. Другой при выписке из госпиталя его не осчастливили. Заплаты на местах, выдранных немецкими пулями. Причём, гимнастёрка английская суконная, а заплаты хлопчатобумажные советские. Единственный трофей, ручные часы, которые он даже не заводил, берёг для подарка маме, если она жива, тоже не уцелел. В часы попала одна из пуль. Она и сейчас под кожей на ладонной поверхности его предплечья. Трофеем всё-таки. Есть в нём и другие подобные трофеи, но они, в отличие от этой пули, видны только при рентгеновском обследовании. Других трофеев у Дегена не было. А ведь раньше их танков никто не вступал в немецкие населённые пункты. Какие неограниченные возможности нагрузиться трофеями!

А спустя без малого пол века Евгений Евтушенко сказал Иону, что он должен молиться на К.Симонова, спасшего его тогда от страшной расправы. Когда Дегена обвинили в том, что он порочит имя величайшего полководца всех времен и народов, Симонов объяснил им, что лейтенант, сидящий в танке, даже просто генерала никогда не видит, а вы говорите - Сталина. И, действительно, Иону стыдно было признаться, но он тогда молился на Сталина, а полководцем для него был командир их бригады, полковник. Да и того в течение полугода он видел всего несколько раз.

Снова учеба

Решение, пойти сдавать экзамены на аттестат зрелости, было авантюрой. Ведь прошло четыре года после окончания девятого класса. Четыре года войны – боёв, ранений, страданий. Правда, в эти годы вошли занятия в танковом училище. Но какое отношение имели к аттестату зрелости тактика, топография, вождение танков и их материальная часть, вооружение, стрельба? А ещё, это решение - сдавать на аттестат зрелости - было принято всего за три дня до первого экзамена.

Ион просмотрел и увидел, что первый экзамен – сочинение. На вольную тему сочинение он напишет. А дальше не должно быть особых проблем, кроме органической химии. Он не знал вообще, что это такое? Поэтому решил оставшиеся дни до начала первого экзамена посвятить неизвестному ему предмету.

В военной форме с погонами, на костылях Ион приковылял в школу, и когда, казалось, почти полностью исчерпал свой физический ресурс, наткнулся на неожиданное препятствие. Преподавательница русской литературы не допустила его к экзамену, из-за отсутствия у него разрешения городского отдела народного образования.

Класс уже приготовился писать, когда он отправился в гороно. Это почти километр туда и километр обратно. Но даже это было несравнимо с шоком, который он, испытал, увидев на доске темы сочинений: «Образы русских женщин в произведениях русских классиков», «Лучи света в тёмном царстве в пьесах Островского», «Пафос социализма в произведениях Маяковского». А вольной темы, на которую он так надеялся, не было. Ион выбрал Маяковского. Во-первых, это курс десятого класса. Могут подумать, что у него есть представление о классе, в котором он не учился ни дня. Во-вторых, это сочинение можно заполнить обширными цитатами из Маяковского и короткими фразами между ними.

На фронте во время боёв на Северном Кавказе Ион где-то нашел том Маяковского, о котором до этого у него не было представления. Он ведь не учился в десятом классе. И весь этот том он выучил наизусть.

Написав так сочинение, он следующие три дня учил только органическую химию.

На устном экзамене по русской литературе преподавательница спросила:

- Так вы знаете наизусть всего Маяковского?

- Нет, только поэзию.

- А что ещё вы знаете?

- Всё, что положено по курсу средней школы.

- А что вы могли бы прочитать из «Евгения Онегина»?

Иону трудно было стоять. Сесть ему не предложили. Он уже начал раздражаться.

- Половину.

- Какую?

- Любую.

Представитель Гороно наслаждался происходящим.

- Всего «Евгения Онегина» знаете? И десятую главу? – Спросил он.

- Да.

- Когда Евгений Онегин поехал путешествовать по России?

Ион задумался. Где это там? Вспомнил!

- Июня третьего числа.

Представитель Гороно чуть не зааплодировал. А преподавательница спросила:

- А «Девушку и смерть» вы знаете?

- Знаю.

- Прочтите.

Начал читать. Машинально. Он уже еле держался на костылях. Читал, но думал совсем о другом: хоть бы она не задала вопроса по грамматике. Ион увидел, как она достала его сочинение и написала «Отлично». Когда он закончил, она спросила:

- А что сказал товарищ Сталин по поводу этого произведения?

Товарищ Сталин был в ту пору для Иона божеством, идолом, но ему не нравилось определение этого произведения великим вождём. Он ответил:

- Эта ШТУКА сильнее, чем «Фауст» Гете. Любовь побеждает смерть.

Ну, всё. Получил отлично и по устному экзамену. А ещё удивление преподавателей по поводу его памяти.

Вот так, в двадцатилетнем возрасте при сдаче экзаменов на аттестат зрелости он узнал, что его память отличается от обычной. А если без ложной скромности, то следует признать, что он был то ли от рождения, то ли стал после ранения в голову обладателем феноменальной памяти.

Следующая основательная проверка его памяти состоялась ранней осенью на пятом курсе института. И до этого, конечно, он понимал, что именно память даёт ему возможность относительно легко преодолевать учебные преграды, поскольку в медицинском институте надо было в основном всё не столько понимать, сколько запоминать.

В Киевском ортопедическом обществе его называли библиографическим указателем. Однажды во время доклада Доцент остановился. Он забыл, где опубликованы данные, о которых сейчас упомянул.

- Ион Лазаревич, - спросил он, - где это опубликовано?

- Журнал «Ортопедия и травматология», 1946 год, номер 12, - ответил Деген из своего последнего ряда.

На следующем заседании через две недели Доцент поднялся на кафедру и радостно объявил.

- Уважаемые товарищи, должен сообщить вам, что Деген ошибся. Статья опубликована не в 12 номере, а в 10.

- Конечно, - отозвался кто-то в аудитории, - для Дегена это непростительно. Но в номере 12 есть оглавления всех статей за год. Так что ошибка не смертельная.

Самые близкие друзья в Киеве называли его Антологией подпольной поэзии.

Позже он обнаружил и хорошую зрительную память. Прочно запоминал взаимоотношения всех компонентов оперируемого сустава не только во время операций, но и при вскрытиях. Сегодня, имея рентгеновскую установку с электронно-лучевыми преобразователями, можно обойтись без везения, без интуиции и даже без памяти. Во время операции надо просто под контролем телевизионного экрана придать суставной щели оперируемого сустава точно такую же величину, как на другом, здоровом суставе, и после этого зафиксировать свободный конец вновь образованной связки. Но тогда в Киеве у него не было рентгеновского аппарата с электронно-лучевым преобразователем.

Желание стать врачом было не блажью, не упрямством мальчишки. Долгие месяцы, проведенные в госпиталях, вид увечного человеческого тела, страданий и сострадание – все это предопределило выбор будущей профессии. Ион решил стать врачом. И не просто врачом, а представителем специальности, которая никогда не исчезнет. Наступит золотой век человечества. Найдут панацею – средство от всех болезней. Не нужны будут ни терапевты, ни хирурги, ни инфекционисты. Но пока существуют люди, всегда их будет сопровождать травматизм. Только три медицинских специальности понадобятся счастливому человечеству – профилактики, акушеры и ортопеды. Он будет ортопедом. Поэтому он отказался от предложения маршала танковых войск Федоренко остаться в армии, и связанных с этим материальных и прочих благ.

В госпитале, зная о его мечте, Иона допускали в операционную. Надев колпак, маску, натянув халат поверх госпитального облачения, он часами простаивал на костылях, наблюдая за ходом операций. В гипсовочной он помогал гипсотехнику. В

рентгеновском кабинете овладел специальностью рентгенлаборанта. С этим начальным багажом он пришел в медицинский институт.

А еще лежа на вытяжении с грузом 20 кг, на гвоздях, вбитых в лодыжки, сползая с кровати под тяжестью этого груза и вновь подтягиваясь, что каждый раз сопровождалось дикой болью, Ион думал об устройстве, которое, осуществляя вытяжение, не обладало бы его отрицательными свойствами. И вот однажды на поставленном на грудь пюпитре он сделал чертежи и рисунки такого устройства, написал объяснительную записку к нему и стал ждать обхода профессора. Наконец, во время большого обхода профессор бегло просмотрел чертежи, рисунки и тут же возвратил их Иону:

– Ерунда. Не годится.

– Почему?

– Нефизиологично.

Прозвучало вполне учено. К тому же профессор – высший авторитет.

Чертежи и рисунки Деген все-таки сохранил. Он вывез их в Израиль вместе с малой частью чудом уцелевшего архива.

Спустя несколько лет, конечно, независимо от Иона, подобное distractionно-компрессионное устройство изобрел врач Гавриил Илизаров. За это устройство, при защите кандидатской диссертации, ему присвоили степень доктора медицинских наук.

Экстерном сдать экзамены в 1945 году на аттестат зрелости после четырех лет, проведенных на фронте и в госпиталях, Ион считал величайшим подвигом в своей жизни. А вот два выживших одноклассника обратились к нему, умевшему рисовать, с просьбой исправить в справке об окончании девятого класса девять на десять. Ион уговаривал их не жульничать, а пойти с ним сдавать экзамены.

Один из них, Яня Ройтберг, с фальшивой справкой поступил на мехмат Киевского университета и в течение пяти лет был первым студентом на курсе. Второй, Саша Сойферман с такой же фальшивой справкой поступил в Киевский институт лёгкой промышленности и тоже был первым студентом. Но перед защитой дипломов «художества» Иона были позорно разоблачены, обоих обвинили в подделке справок и с треском выгнали из университета и из института. Друзья пошли в вечернюю школу сдавать экзамены на аттестат зрелости. Яков Абович Ройтберг стал видным профессором математики, а Александр Сойферман – отличным инженером.

У Иона же их проблем не было. В медицинский институт он поступил с подлинным аттестатом, полученным после нелёгкой сдачи экзаменов. Всё-таки, ни одного дня в десятом классе и четырёхлетний перерыв в учёбе. Да еще, какой перерыв!

Приближалась годовщина со дня Победы. И летняя экзаменационная сессия на первом курсе. Но тут обострилось одно из ранений. Ион снова попал в госпиталь. Из госпиталя после операций его выписали через восемь с половиной месяцев. Был потерян ещё один год.

После выписки из госпиталя перебитые руки ещё недостаточно окрепли для быстрой ходьбы. Поэтому Ион перевёлся из столичного медицинского института, где между кафедрами расстояния явно не соответствовали его «тактико-технической характеристике», в Черновицкий.

В Черновцах, этом относительно небольшом городе, ему всё нравилось. В отличие от столицы, война не оставила здесь своих следов. Студенческая группа оказалась не хуже столичной. Почти половина – фронтовики. Но с погонами только он один. В послевоенном бюрократическом бардаке застопорилась демобилизация. Жаль было терять ещё один год. Он рискнул поступить в институт, получив полуторамесячный отпуск в полку резерва офицеров бронетанковых и механизированных войск.

В ноябре его демобилизовали. Не стало офицерского пайка, который он получал в продпункте. Взамен – в день пятьсот граммов глиноподобного хлеба. Он съедал его с солью в один присест. Иногда с луком, если удавалось достать. А если прибавлялось еще подсолнечное масло, то это уже было пиршество. Зарплата гвардии лейтенанта уменьшилась до пенсии инвалида. У большинства студентов их группы и этого не было. Поэтому в день получения пенсии у группы улучшался рацион. Со второго семестра он стал получать повышенную стипендию. Ничтожная разница тратилась на книги. Но это уже потом. А сейчас, с наступлением зимы жизнь сделалась невероятно трудной. Самым страшным был гололёд. Из-за него часто приходилось пропускать лекции. В аудиториях и в общежитии сохранялась температура для скоропортящихся продуктов. Правда, в общежитии изредка удавалось согреться.

В прошлом году в госпитале после радостной ночи, когда по радио сообщили о Победе, наступило тяжёлое чёрное утро похмелья, плач по бесчисленным жертвам, плач по искалеченной юности. Может быть, это действительно не праздник? Но Ион сменил орденские планки на тщательно вычищенные ордена и медали. И в этот непразднуемый праздник радостно и смущённо принимал поздравления однокурсников.

На третьем курсе его представили к Сталинской стипендии. Но в партийных верхах вспомнили несколько его выступлений, которые посчитали фрондой, хотя выступления были вполне просоветскими, просто принципиальными, не вписывающимися в общее русло. Директору института всыпали за представление недостойной личности. Слух дошел до студентов. Курс возмутился. Одна девушка, фронтовичка, просто бушевала. Никто не ожидал такой бурной реакции от неё – такой выдержанной и спокойной. Она кричала, что снова из-за каких-то недостойных политработников его лишают заслуженной награды. Всей своей группе она рассказала подробности награждения его медалью «За отвагу». Она вопрошала, кипя, где его Золотая звезда Героя, к которой его представляли дважды? Кто больше его достоин такой награды?

Летом 1947 года один знакомый Дегена прочитал ему статью из лондонской газеты «Times», которую написал её собственный корреспондент, известный своим воинствующим антисемитизмом. В статье он излагал, как медленно постепенно менялось его мировоззрение от сострадания бедным английским солдатам, которые вынуждены томиться за колючей проволокой, спасаясь от подлых еврейских террористов, до восхищения трудолюбивыми евреями, превращавшими пустыню в райский сад, описанный в Библии. Евреями, которые днем до кровавых мозолей обустроивают землю, а ночью вынуждены охранять ее от агрессивных арабов, ворующих и разрушающих плоды их труда. Он писал о подлом поведении англичан, натравливавших арабов на евреев, и о том, как сыны туманного Альбиона вешают героев-евреев, мечтающих о своем национальном доме после всех мук и несчастий в предавшей их Европе. Он писал, что три месяца, проведенные им в Палестине, изменили каждую клетку его естества. И сейчас он не только не антисемит, а самый большой друг этого древнего многострадального народа, избранного Всевышним стать образцом для всего человечества. Сейчас он не понимает, какого черта английские солдаты остаются на еврейской земле. Сейчас он мечтает о дне, когда последний из них покинет страну, Творцом завещанную евреям.

Статью Ион запомнил и позднее под впечатлением от решения Организации Объединенных Наций изложил ее содержание своему другу Мордехаю Тверскому. Они одинаково отнеслись к решению Организации Объединённых Наций в ноябре 1947 года о создании еврейского государства. Два интернационалиста, они одинаково хотели воевать за это государство против Английского империализма. Друзья решили написать заявление в Центральный комитет родной коммунистической партии с просьбой направить в Палестину двух коммунистов, двух бывших офицеров-евреев.

Они обещали внести достойный вклад в борьбу с английским империализмом. Незадолго до Нового 1948 года их вызвали в обком партии к заведующему административным отделом. Первый вопрос, который он им задал, - владеют ли они древнееврейским языком? Увы, нет. А идиш? Друг Иона ответил, что владеет только разговорным идишем. Ион сказал, что понимает, но говорить не может.

- Как же вы собираетесь общаться?

Ион сказал, что даже грузинский выучил за четыре месяца.

- Но вы же инвалид. Какую услугу вы окажете евреям Палестины?

Ион объяснил, что хорошо знаком с английскими танками МК-2 и МК -3, «Матильдой» и «Валентайн». Так что польза от него будет. Ведь уважаемому товарищу заведующему известно, каким он был танкистом и в какой бригаде командовал ротой. Кандидатура друга Иона, бывшего капитана, командира стрелкового батальона, кажется, не вызывала никакого противодействия.

- Ну, хорошо, - сказал заведующий, - партия ценит ваш интернациональный порыв. При необходимости мы к вам обратимся.

Шли годы. Необходимость обратиться к ним с предложением, выполнить интернациональный порыв так и не возникла. Но оба они одинаково испуганно втягивали головы в плечи, когда родные партия и правительство занялись проработкой безродных космополитов. Интересно, до той поры в этих головах почему-то не было и намёка на то, что эти головы принадлежат безродным космополитам.

Их курс был неповторимым, вообще каким-то совершенно непонятным чудом. Ничего подобного ему не было, нет и не будет. Потому что этого просто не может быть. Чудо. Курс состоял из фронтовиков и только что окончивших школу с отличием. Первые упорно учились, старались наверстать упущенное время, чтобы в знаниях сравниться со вторыми. Вторые хотели сравниться с первыми в умении упорно работать.

Уже в Израиле Ион дополнил это объяснение ещё одним фактором: на курсе из трехсот двух студентов сто два были евреями, то есть людьми, которые для того, чтобы казаться удовлетворительными, должны были стать суперотличными. К тому же из этих ста двух – двадцать девять - фронтовики. Причём, все двадцать девять только из боевых подразделений. Таким образом, в институте продолжалась усвоенная на фронте линия поведения - еврей должен быть первым.

Готовясь стать ортопедом, Ион посещал лекции на физико-математическом факультете университета, основное внимание уделяя механике. Уже потом, после защиты кандидатской диссертации ее место займет электричество.

На курсе была отличная художественная самодеятельность. С трудом и потерями она вырывалась из цепких объятий партийного руководства и цензуры. После разгрома в Доме литераторов в Москве летом 1945 года Ион очень опасался, что могут быть услышаны эти его стихи, которые по непонятной ему причине посчитали антисоветскими. Он ведь в ту пору был железобетонным коммунистом. Мог ли железобетонный коммунист сочинить антисоветские стихи? Но эпиграммы на профессорско-преподавательский состав института сыпались из него, как «горох из порванной торбы», и немедленно становились известными не только студентам, но и тем, на кого они были написаны.

Государственный экзамен по хирургии. Первый вопрос – зуб и его хирургическое лечение. Ион не просто отвечал на вопрос, а с удовольствием читал лекцию на эту тему. Приехавший из Киева профессор, председатель экзаменационной комиссии движением руки выразил неудовольствие, когда экзаменатор профессор, заведующий кафедрой госпитальной хирургии Александр Михайлович Мангейм, перебил его вопросом: «Откуда тебе известна эта подробность?». Ион назвал статью в немецком

журнале 1928 года. Он отлично понял, что экзаменатор не нуждался в его объяснении. Он знал, где это было опубликовано. Но он любил Дегена и похвастался перед председателем экзаменационной комиссии студентом, который готовится к экзамену не только по конспектам и по учебнику.

Закончился экзамен. Группа вошла в кабинет профессора. Александр Михайлович стал зачитывать оценки. Замечательные оценки! Дошла очередь Иона.

- Деген – отлично с отличием.

Вы ошиблись, Александр Михайлович, я просил поставить отлично с особым отличием, – сказал председатель.

- Можно и так, – улыбнулся профессор Мангейм. – Отлично с особым отличием.

Это был третий государственный экзамен. До него – марксизм-ленинизм, – отлично с отличием, и терапия – отлично. А ведь на первом экзамене заведующий кафедрой упорно пытался его срезать, не дать ему получить диплом с отличием. Хоть как-то оправдать подлость полученного им назначения.

Второй диплом с отличием. Первый – по окончанию танкового училища. Он убивал и до училища, но теперь этот диплом удостоверил, что он стал в этом профессионалом. И в течение восьми месяцев он с честью доказал свой высокий профессионализм на поле боя. Второй диплом с отличием Ион, столько убивший, получил, чтобы помогать живым. Он будет врачом!

Ион был согласен работать ортопедом-травматологом где угодно, хоть на Северном, хоть на Южном полюсах, а его направили терапевтом в Свердловскую область. И это инвалида Отечественной войны второй группы, который вообще мог наплевать на все назначения и получить свободный диплом. Больно было от этого «отлично с особым отличием».

Комиссия по распределению заседала в кабинете директора института.

Приехавший из Киева начальник управления кадров министерства здравоохранения просмотрел личное дело Дегена и сказал: «Поедете врачом-терапевтом в Свердловскую область». Ион ответил, что это назначение абсурдно, так как инвалид Отечественной войны второй группы в худшем случае имеет право на свободный диплом, но он согласен поехать в Свердловскую область или куда угодно, если ему будет гарантирована работа ортопеда. Директор института смущенно потупился, когда начальник управления кадров грубо пресек его, заявив, что советская власть не для того тратила деньги на его образование, чтобы сейчас давать гарантии.

Значительно позже Иону стало известно, что в его личном деле, представленном комиссии по распределению, были две рекомендации в аспирантуру - заведующего кафедрой госпитальной хирургии их института и заведующего кафедрой ортопедии и травматологии Киевского института усовершенствования врачей, главного ортопеда - травматолога Украины, того самого профессора, который сказал ему в госпитале, что его аппарат - ерунда.

Ион поехал в Киев. Хождение по кабинетам министерства здравоохранения оказалось бессмысленным. Потеряв несколько дней, он направился в ЦК компартии Украины. Старшина госбезопасности бесстрастно сверил его лицо с фотографией на партийном билете и пропустил его в пустынный холл, вместительный, как вокзал.

В течение нескольких дней его швыряли из кабинета в кабинет. Ничего, кроме острого чувства беспомощности, он не испытал. В огромных кабинетах за столом под портретом товарища Сталина добротный серый костюм с избыточно длинными рукавами, вышитая украинская сорочка, которую называли «антисемиткой». В те дни он навсегда возненавидел это огромное серое здание, даже тихую улицу Орджоникидзе, на которой находится здание ЦК. Но ненависть не распространилась на идею, хранимую и проповедуемую этим зданием.

Ничего не добившись в Киеве, Ион поехал в Москву. Там оказалось еще хуже. Безнаказанный круг состоял не из кабинетов, не из серых костюмов и вышитых «антисемиток», а из безликих голосов в телефонной трубке.

Ночевал он у родственников друга по институту. Ни на фронте, ни в студенческие годы у него и мысли не возникало отказаться от приглашения поесть. Но тогда, остро ощущая материальную несостоятельность, Ион солгал, сказав, что не может есть по утрам. В двух шагах от дома, на Даниловском рынке он съедал триста граммов хлеба и пол-литра молока. В течение дня выпивал еще стаканов двадцать газированной воды без сиропа. Этим ограничивалось суточное пищевое довольствие. Всего на день в Москве он ассигновывал десять рублей (по старым ценам). Остающаяся после покупки хлеба, молока и воды сумма - около шести рублей - тратилась на транспорт. Ровно в девять он приходил в бюро пропусков ЦК ВКП/б/ на площади Ногина.

Справа, на уровне головы в небольших одинаковых окошках восседали капитаны МГБ. Слева, вдоль всей стены располагались кабины с телефонами. В отличие от Киева, партбилет здесь не служил пропуском. Если из соответствующего кабинета по телефону поступала команда, капитан МГБ выписывал пропуск. Для этого следовало набрать необходимый номер и подробно изложить свое дело.

Дверь кабины захлопывалась герметически. Пот заливал глаза. Галстук казался петлей, захлестнутой на шее. Сейчас даже легкая тенниска была бы подобна веригам, а Ион задыхался в официальном костюме с орденскими планками на груди.

Естественно - коммунист явился на прием в свой Центральный Комитет. Выслушав его рассказ, телефон объяснял, что он обратился не по назначению и сообщал необходимый номер. У дверей кабины выстраивались ожидающие. Снова и снова он выслушивал, что обратился не по назначению и снова и снова занимал очередь к телефону. Так прошло два дня.

В отличие от первой ночи, когда он свалился замертво, вторая была безуспешной борьбой с бессонницей. Он упорно заставлял себя не думать о том, что все чаще и настойчивее вползало в сознание. Все происходящее можно было объяснить только антисемитизмом. Не частного лица, не тупого украинского мужика, а официальным, централизованным, ставшим одной из основ отлично организованной политической системы.

Но ведь система - функция Марксизма-Ленинизма, самого неоспоримого, самого гуманного, самого прогрессивного учения. Как же совместить антисемитизм с гуманностью и прогрессом? Вероятно, он чего-то не знал. Вероятно, из высших соображений ЦК вынужден что-то утаивать от коммунистов. Поговорить бы, с товарищем Сталиным. Этот добрый и мудрый человек сумел бы помочь, разъяснил бы, ликвидировал бы сомнения. Но нечего и думать о приеме у товарища Сталина, или даже у заведующего административным отделом. Попасть хотя бы к одному из инструкторов...

Ретроспективно рассматривая эту ночь, раскаленный август в Москве, серые костюмы и вышитые «антисемитки» в киевских кабинетах, он с недоумением думал о себе, двадцатилетнем, слепо верящим, отгоняющим сомнения, лишенном способности к элементарному анализу.

В студенческие годы, ставя эксперимент с асептическими абсцессами, он исходил из предпосылки, что опыты должны уложиться в стройную систему, согласованную с модной в ту пору теорией, ниспосланной Центральным Комитетом. Но опыты не укладывались в эту систему. А как ему хотелось этого! Тогда пришлось бы сделать вывод, что теория неверна.

Почему же, получив такое количество статистически достоверных данных, он не сделал соответствующего вывода о «гениальном» учении Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина? Почему понадобилось еще полтора года?

Как можно быть одновременно ученым и коммунистом? Самая красивая теория должна быть отвергнута ученым, если она противоречит статистически достоверному эксперименту. Следовательно, либо ты честный ученый, либо ты коммунист. Нельзя совместить несовместимое. Нельзя не очнуться от гипноза, навязанного ежесекундным вдалбливанием в мозг, если ты окончательно не идиот. Жестко запрограммировать можно только автомат.

В девять часов утра он снова был на площади Ногина. Начало третьего дня ничем не отличалось от двух предыдущих. Но сказались и бессонная ночь, и боль в зарубцевавшихся ранах, исподволь накопившаяся обида, и чувство, что швыряют его, как первоклашку. И тогда, после очередного телефонного разговора он рванулся к ближайшему окошку. Капитан МГБ, обалдев от неожиданности, выслушал отборнейший мат.

Изумление было настолько велико, что, вопреки выучке и привычке, капитан поступил самым невероятным образом: высунувшись из окошка, осмотрел явно своего человека, потому что так матюгаются только свои. Вместо логичного применения власти, капитан пристально посмотрел на орденские планки, взглядом окинул Иона с ног до головы и вдруг неожиданно спросил:

- Кем был на фронте, служивый?

- Танкистом.

- В каком корпусе?

- Во второй отдельной гвардейской бригаде.

- Иди ты! Да мы, бля, соседи! Я - в сто двадцатой. Слыхал? Стой, да ты, часом, не тот взводный, что первым вышел на Шешупу?

Постепенно остывая, Ион утвердительно ответил на его вопрос.

- Ну, бля, недаром тебя Счастливым называли. Надо же тебе нарваться как раз на меня. Да другой сгноил бы тебя, курву. Чего тебе в ЦК-то?

Эмгебист выслушал рассказ, десятки раз до этого повторяемый по телефону.

- Давай партбилет. Паспорт давай.

Капитан явно не в состоянии был скрыть изумление, наткнувшись на пятую графу, вероятно, противоречащую его искренним убеждениям, что евреи - трусы, что евреи отсиживались в тылу. И как это могло случиться, что именно евреем оказался тот самый командир взвода? Он застыл, уставившись в паспорт Дегена. О чем он думал? О жидках ли в массе, или об одном отдельно взятом жиде? Вдруг он решил и снял трубку. Было ясно, что на другом конце провода - женщина. Капитан немного пококотничал, положил трубку и выписал пропуск.

- Ну, бля, и вправду ты счастливчик. Иди на прием к зав. админотдела. Секретарь у него наша. Баба, я те скажу!

Около получаса, не прерываемый ни разу, Ион рассказывал о себе, о назначении, о серых костюмах, о горечи и обиде. Даже впервые произнес непривычное слово - антисемитизм. Заведующий административным отделом только мягко пожурил его, напомнив, что коммунист не должен обижаться на свой Центральный Комитет. Вера - вот оно главное.

Тут же он позвонил в Киев и приказал заведующему административным отделом ЦК КП/б/ Украины немедленно обеспечить зачисление Дегена в клиническую ординатуру кафедры ортопедии и травматологии института усовершенствования врачей. В Киеве, по-видимому, выдвинули какое-то веское возражение, на что из Москвы последовал раздраженный ответ: «Значит, будет один из 184-х!».

Так среди 184-х врачей, принятых в 1951 году в клиническую ординатуру, Ион, действительно, оказался единственным евреем. Однако произошло это не сразу, несмотря на высокий звонок. В Киеве он снова попал в круг швыряющих его от одного к другому. Только угроза обратиться к заведующему административным

отделом оказалась действенной, потому что, кто его знает, какая у этого жида рука, если звонок был от самого члена ЦК.

Новая жизнь: врач и ученый

Трудоустройство. С приказом министра здравоохранения Украины Ион поехал в Киевский институт усовершенствования врачей, где вручил приказ заведующему кафедрой ортопедии, травматологии и военно-полевой хирургии. Завкафедрой отнёс приказ директору института профессору Кальченко, который разрешил Дегену приступить к работе, пообещав издать приказ по институту в тот же день. Наступил, наконец, радостный день, когда профессор, заведующий кафедрой ортопедии, велел ему явиться на работу. Но радость оказалась недолгой.

Подошёл день получения первой врачебной зарплаты. У Иона остался последний рубль. Голодный, уставший после операционного дня, он приехал в административный корпус, истратив из последнего рубля 40 коп на троллейбус и 30 коп – на трамвай.

Отстоял длинную очередь в кассу, но кассир не нашел его в платежной ведомости. Главный бухгалтер, к которому обратился Ион, не нашел приказа по институту о его зачислении клиническим ординатором кафедры ортопедии и посоветовал обратиться к директору, предупредив, что через 20 мин начнется заседание ученого совета.

В приемной директора уже собралось много сотрудников, но Дегена пропустили. В кабинете сидел директор института, дородный мужчина в костюме и вышитой сорочке «вышиванке». Рядом сидела женщина – секретарь парткома института.

Директор института профессор Кальченко, узнав, в чем дело, сказал, что впервые слышит фамилию Дегена. Потом спросил, почему Ион с палочкой.

- Инвалид детства?

- Нет, инвалид войны.

- Ах да, у Вас же полно орденов. Хотя только что сказал, что впервые слышит о нём.

- Впрочем, любые ордена можно было купить в Ташкенте.

И тут у Иона прорвалось всё, что накопилось за последние месяцы, плюс голод и усталость этого дня, а спусковым крючком стала эта антисемитская фраза директора. Понимая, что преступает нормы поведения и даже все границы здравого смысла, Ион левой рукой схватил вышитую сорочку на груди директора, а правой рукой вложил всего себя в удар в переносицу директора. Кровь, обильно хлынув из носа, окрасила сорочку и костюм.

Инцидент не получил развития - заместитель министра здравоохранения Украины, который, мягко говоря, недолюбливал профессора Кальченко, весьма благосклонно, как показалось Иону, отнёсся к его удару, и тут же издал приказ о его переводе в Киевский ортопедический институт. В ортопедический институт Деген пришел с титулом хулигана.

То есть, в ортопедическом институте случившееся ни у кого не вызвало сомнения, - хулиган. А вот приехавший из Чернигова на усовершенствование по психиатрии однокурсник Иона, воспринял его рассказ не просто с недоверием, но даже оскорбил фразой: «Ну и врешь же ты! Начинаящий врач врзал по морде профессору, директору института. Надо же придумать такое!».

Ион замолчал и не реагировал на попытки товарища возобновить разговор на эту тему. Но однажды, когда они шли по улице, он внезапно расхохотался. Ион посмотрел на него с удивлением и сказал:

- Я понимаю, что ты психиатр. Но этот беспричинный хохот! С таким относительно небольшим стажем уже стать психом – просто невероятно.

- Ты что – не заметил?

- Что не заметил?

- Профессор Кальченко шёл нам на встречу. Увидев тебя, сразу шмыгнул в подворотню.

Центральный Украинский научно-исследовательский институт ортопедии и травматологии – официальное название Киевского ортопедического института, в котором Ион прожил два с половиной года. Именно прожил. Утром, если он не дежурил накануне и всю ночь, из общежития, небольшой комнаты, в которой ютились четыре врача, он выходил в лёгких полотняных брюках, в тапочках, в халате, надетом поверх майки, по непарадной лестнице поднимался этажом выше, на третий этаж, в клинику. В комнату возвращался только перекусить и переночевать. В дни дежурств все в том же наряде уже по другой лестнице, тоже непарадной, из клиники он спускался в полуподвал, в котором располагался травматологический пункт. Из большого серого здания ему приходилось выбираться только в библиотеку, конференц-зал и рентгеновское отделение, для чего все в тех же тапочках надо было преодолеть открытое пространство - метров 10-15, разделявших оба корпуса Института.

Клиническая ординатура по ортопедии в Советском Союзе - три года. Ион ее окончил за два с половиной года. В течение трех лет ординатор работает как вол, если он действительно намерен стать специалистом. Во время суточного дежурства в травматологическом пункте приходилось принимать по сто и более машин скорой помощи. Переломы, вывихи, разрывы сухожилий. Работа как на конвейере. В перерывах между операциями не пьют кофе, ибо перерывов нет. После операций надо обслужить своих больных, лежащих в клинике. В течение первого года ординатуры у него постоянно было не менее двадцати больных. (Для сравнения: в Израиле нормальное ортопедическое отделение - до 35 коек - обслуживается, примерно, 8-10 врачами.)

Раз в 10-14 дней экзамен по очередному разделу ортопедии и травматологии.

Экзаменатора не интересует, когда ты готовишься к экзаменам. За два с половиной года Ион ни разу не был не то что бы свободным - расслабленным.

Всплеск антисемитизма. Еще накануне XIX съезда партии антисемитизм в институте, который был основан евреем профессором Осипом Фруминым и его женой профессором Анной Фруминой, приобрел разнuzданные формы. Можно было безнаказанно издеваться над клиническим ординатором. Фигура небольшая. Даже над старшим научным сотрудником. Но то, что незамаскированному издевательствам подверглась сама Фрумина, было симптомом где-то открывшихся вентилей. Без благословения свыше никто не посмел бы тронуть личного врача семьи Хрущева.

В институте Иону не стало житья. Исполнителем травли был его товарищ по клинической ординатуре Женя Скляренко. Скользкое, с мокрым снегом утро 13-го января 1953 года, пахнущая типографской краской «Правда» с правительственным сообщением о врачах-отравителях? В комнате общежития Ион оказался вдвоем со своим товарищем Васей Кривенко. Из репродуктора на Иона низвергалось, подобно расплавленному чугуну, правительственное сообщение о врачах-убийцах. Фамилии со студенческой скамьи почитаемых профессоров. Новое незнакомое слово «ДЖОЙНТ».

- Ты не помнишь, каким это средством против инфаркта можно было убить страдавшего гипертонией Жданова? - вдруг спросил Иона его товарищ. Услышав этот вопрос, Ион отчетливо понял, что правительственное сообщение - грубо сработанная фальшивка. Впервые в жизни он посмел так подумать об официальном сообщении. Значит и Вася заметил эту фразу? Значит и он понял, что это ложь? Таким оказалось всего лишь начало.

Институт бурлил. Больные отказывались от лекарств. Некоторые врачи и сестры - евреи - боялись зайти в палаты. Объявили о том, что в конференц-зале состоится

митинг. Заместитель директора института по науке подошел к Иону с предложением выступить.

- Понимаете, коммунист, еврей, боевая биография.

- Возможно, но я плохо знаю терапию.

- Не понимаю.

- А вдруг мне зададут вопрос, каким средством при лечении инфаркта можно убить страдающего гипертонической болезнью.

По городу поползли слухи о депортации евреев, о том, что на станции Киев - товарный уже стоят приготовленные эшелоны. Что будет с моим народом, то будет и со мной, подумал Ион. Он знал, как ссылали чеченов, ингушей, калмыков, крымских татар, немцев Поволжья, гуцулов.

В тот вечер, застав на подушке очередной номер «Вечірнього Киіва», развернутый на очередном антисемитском фельетоне, Ион вдруг взорвался. В комнате были все ее жильцы. Никто не ответил на заданный в угрожающей форме вопрос, какая сволочь положила газету? Только один из ординаторов что-то невнятно пробормотал, что, мол, пособникам американского империализма следовало бы быть менее воинственными. Он схватил его за грудки и изо всех сил обрушил на косяк двери. Ординатор рухнул, потеряв сознание. Тут же Ион схватил свою палку, собираясь дорого продать свою жизнь.

Но пять врачей, не обращая на него внимания, бросились оказывать помощь пострадавшему. Несколько дней с ним не решались заговорить. Больше на его подушке не появлялась желтая газета. Спустя много лет он узнал, что наказал невиновного.

Газету подкладывал все тот же Скляренко.

В январе 1953 года Ион получил от мамы письмо полное горечи и возмущения по поводу неслыханной подлости врачей-отравителей. Как могли подобным образом поступить представители самой гуманной профессии, к тому же еще еврей? Ведь еврей стольким обязаны власти!

Уже подозревая, что его письма перлюстрируются, он ответил весьма сдержанно. Но, примерно, через месяц при встрече он высказал маме все, что думает, прежде всего, о жестко запрограммированных идиотах, верящих очередному навету, а затем - о тех, кто их запрограммировал.

Ион попытался на профессиональном языке объяснить маме, медицинскому работнику, абсурдность обвинений, опубликованных в правительственном сообщении. Маму потрясло услышанное. Она яростно спорила с сыном, удивляясь, до какого падения он дошел, не понимала, как вообще коммунист может позволить себе подобные речи. Опубликовано вскоре заявление, что дело врачей было фальшивкой, конечно, обрадовало маму, но не стало аргументом, которым Ион мог бы оперировать в последующих спорах с ней.

Так было и с разоблачением Сталина. Так было и позже, всякий раз, когда он пытался рассказать ей правду об Израиле, о том, что, не желая уехать туда вместе с ними, она тяжелым камнем повисает на его ногах, так как он не может оставить свою старую больную одинокую мать, а, находясь в СССР, теряет годы своей жизни, рискует будущим своего сына.

Ничто, ни ссылки на дело врачей-отравителей, ни сотни других примеров, ни даже история поступления в университет любимого ею внука не могли переубедить его маму, достаточно пострадавшую в обожаемой ею стране. До последнего своего дня она была убеждена в справедливости любой подлости, если только эта подлость исходила из партийных инстанций, если только она была опубликована на страницах «неизменно правдивой прессы».

Знакомство с будущей женой. Заканчивался 1952 год. Только через месяц предстояло официально узнать о врачах-отравителях. Деген заведовал карантинным отделением на

тридцать пять коек - часть большой детской клиники ортопедического института. Атмосфера была перенасыщена спрессованной ненавистью. Ион чувствовал, как его отторгают притом, что полезность его была всем очевидна.

Именно тогда он заразился от своих маленьких пациентов ветрянкой и коклюшем. Температура почти сорок один градус, дикий непрекращающийся кашель, который выворачивал его наизнанку. На пятый день, когда полегчало, Ион лежал на койке, с удовольствием читая стихи Верхарна. В дверь постучали, и вошёл его друг, с которым они учились в одной группе в институте. Молодой хирург Семён Резник приехал в Киев, в институт усовершенствования врачей. В момент появления в дверях он спросил:

- К тебе можно?

- Ты же видишь, что можно. Ты ведь уже вошёл.

- Я не один. Со мной моя двоюродная сестра. Она показала мне дорогу в твой институт.

- Всем можно.

Иона не интересовали в ту пору ничьи сёстры. В мире для него существовала только его работа врача и начинающего исследователя.

Вошла девушка с толстой чёрной косой, тяжёлой короной венчающей красивую голову. Смуглое лицо. Большие, широко расставленные чёрные глаза. Скромное штапельное красное платье.

- Здравствуйте, - сказала она и села на табуретку рядом с кроватью.

Двадцать минут длилась беседа Иона с Сеней, в течение которой девушка не проронила ни слова, даже не назвала своего имени.

- До свидания, - сказала девушка и вышла в коридор. Это было второе слово, которое она произнесла за всё время визита.

- Будь здоров, - сказал Сеня уже в дверном проёме. Но Ион задержал его:

- Сеня, стой. Она будет моей женой.

Сеня ехидно улыбнулся:

- Кстати, через несколько дней она выходит замуж за своего жениха.

- Дорогой друг, разве я спросил, замужем ли она, есть ли у неё дети? Я просто сказал, что она будет моей женой.

- Через мой труп! - Сказал друг и захлопнул за собой дверь.

А дальше произошло нечто необъяснимое. Ион никогда не спал днём. Он почти не помнил своего отца. И вот его отец сидит в изящном кресле-качалке, сияющем чёрным лаком. Золотистая соломка сидения и спинки переплетается, обрамляя пустоты - маленькие восьмиугольники. На отце светлая пижама. Ион стоит на подъёмах его стоп. Он поддерживает его добрыми сильными руками. Они плавно раскачиваются.

Монотонное неспешное движение обволакивает, опьяняет его. Ему так сладостно, и хочется, чтобы никогда не прекращалось это раскачивание.

- Сын, ты выбрал себе замечательную жену. Я благословляю вас.

Выздоровев, Ион встретился с Сеней Резником и его двоюродной сестрой. На сей раз, он перекинулся с ней десятком ничего не значащих слов. Вскоре он познакомился и с женихом двоюродной сестры Сени, и ему стала очевидна безнадёжность исполнения его желания.

Жених - блестящий морской инженер-капитан, владелец двухэтажного дома в Киеве, владелец автомобиля и даже телевизора, который в 1953 году был ещё относительной редкостью. Он по всем статьям превосходил Иона - временного арендатора больничной койки в общежитии врачей, получающего нищенскую зарплату.

Хотя по наивности до этого Ион никогда не придавал значения материальному положению, но в данном случае девушка была единственной кормилицей семьи из четырёх человек: старой бабушки, матери, уволенной из института микробиологии во время дела «врачей-отравителей» и младшей сестры-школьницы. Кроме стипендии

девушки, студентки последнего курса архитектурного факультета инженерно-строительного института, не было других средств существования.

Прежде ни одну из девушек, которых Ион встретил на своём жизненном пути, он не представлял себе своей будущей женой. А тут – мгновенно и никаких сомнений. И ещё отцовское благословение. И всё это, наткнувшись на кортик, лопнуло.

Вскоре Люся – так звали девушку, пришла к Иону в институт во время его суточного дежурства в травматологическом пункте. Она пробыла там более часа. За это время он смог дважды или трижды уделить ей по нескольку секунд. Именно во время этих секунд он успел сказать, что всю жизнь будет работать так, как она сейчас наблюдает.

И, хотя ему пророчат видное место в медицинском мире, вряд ли он будет богаче, чем сейчас. Согласна ли его жена стать подвижницей, выдержать такой жизненный ритм и такое материальное положение? Люся улыбнулась, ничего не сказала, а только поцеловала его. Мог ли ответ быть более красноречивым?

Тридцать первого декабря 1953 года они официально расписались. Всех денег Иона хватило на покупку скромного обручального кольца за двести сорок рублей. И ещё осталось десять рублей, которые он уплатил ювелиру, немного уменьшившему кольцо в диаметре. Денег на встречу Нового года уже не было, не говоря о свадьбе.

Тот поцелуй-обещание в травматологическом пункте ортопедического института Люся свято выполняла в течение всей жизни Иона, ни разу не упрекнув мужа за то, что он не взял гонорара у очередного пациента. Ион часто думал: определённо, отец, благословляя их, видел все будущие годы. Хотя начало для него оказалось более чем проблематичным. Блестящий во всех отношениях инженер-капитан и нищий врач.

Вероятно, его не конкурентоспособность была незначительной деталью для пророчества протяжённостью многим более полувека. Ион всегда благодарил Всевышнего за то, что Он наградил его такой женой, и просил Его, чтобы в будущем любимому внуку досталась такая же.

А вот будущая тёща невзлюбила Иона с первого взгляда. В пору знакомства с ней он был нищим врачом с двухгодичным стажем, заработная плата которого более соответствовала подаянию, чем компенсации за тяжкий труд, инвалидом, к тому же, ещё и пил неразбавленный спирт. Бедная её доченька, выйдет замуж за алкоголика. Нет, дочь, несомненно, оказалась дальновидней своей мамы, опытного научного работника с острым аналитическим умом, как её характеризовал Ион. Люся и без заключения нарколога поняла, что её избранник не алкоголик, хотя выросший в краю виноградников привык с детства пить вино. Ну, а без спирта невозможно было сохранить психическое здоровье в тех условиях, в которых Ион провел четыре года войны.

Возможно, непрерывные поиски работы и ни на минуту не оставлявшие его тещу мысли о том, как прокормить свою старенькую больную мать и двух дочерей, повлияли на её оценку. Итак, на основании умственного анализа, возможность стать тещей Дегена со всеми его недостатками, явно не устраивала маму Люси. Она пришла к однозначному выводу, что он совершенно не пригоден в мужья её дочери. Но Люся мужественно выдержала давление своей мамы и стала его женой. Со временем уровень неприязни со стороны тещи к Иону стал снижаться.

Начало научной деятельности. Еще в студенческие годы Ион задумал исследование возможности костной пластики при дефектах после огнестрельных ранений. Ведь именно ранения привели его в медицинский институт. В госпитале после последнего ранения он видел, как тяжело поддаются лечению не срастающиеся переломы при больших дефектах кости. Он видел результаты пластических операций, когда обнажённые долго не заживающие раны просто закрывались пересаженной кожей. Наконец, идея выкристаллизовалась и могла бы стать темой его диссертации. Но при его положении в институте нечего было и мечтать о плановой теме.

Тему диссертации ему не утвердили. Хотя и не запретили оперировать собак, которых он, правда, должен был доставать сам, оплачивая услуги мальчишек из своего скудного бюджета. Они за рубль, за трешку ловили ему бездомных собак, и он оперировал, если было место в экспериментальной операционной, если мог найти ассистента, если можно было договориться с заведующим виварием о помещении туда прооперированной собаки.

Операция требовала хорошей техники хирурга, умения и терпения. Он пересаживал в дефект живую кость, не отделённую от питающей её мягкой ткани. Методика довольно сложная. Но каждый раз результаты операции оказывались отрицательными - гистологические исследования показывали, что кость мертва.

Это не укладывалось в его сознании. Ведь он сдавал на исследование явно живую кость. У него зародилось подозрение. Неужели руководство института, узнав о его «подпольной» научной работе, отреагировало так подло: не запретив работу, приказало заведующему гистологической лабораторией умерщвлять его препараты. Ион решил бороться. Во-первых, необходимо проверить обоснованность подозрений. В тот день, когда он оперировал очередное животное, на другом столе его коллега, завершив эксперимент, усыпил собаку. Ион попросил у него разрешения взять кусок ребра и засвидетельствовать, что именно эту живую кость он сдает на исследование. Через две недели он получил результат: кость мертва. Увы, его подозрения оправдались. В лаборатории умышленно умерщвляют его препараты.

Тем не менее, Ион решил обратиться к знаменитому учёному, главному патологоанатому республики. Старый профессор выслушал его рассказ, просмотрел под микроскопом несколько препаратов и рассмеялся:

- Что вы получили на экзамене по гистологии?

- Отлично.

- Значит вам известно, чем декальцинируется кость?

- Естественно. Семи-процентной азотной кислотой.

- Семи-процентной?

- Да.

- Ну, а если кислота будет, скажем, десяти-процентной?

Ион с изумлением посмотрел на профессора.

- Чего вы удивляетесь, молодой человек? Вы что, не ожидали чего-нибудь подобного?

Не будь у вас подозрений, вы бы пришли ко мне? Увы, молодой человек, не всегда наука делается чистыми руками. Но вы не ответили на мой вопрос.

- Какой?

- Что произойдёт при декальцинации десяти процентной азотной кислотой?

- Произойдёт не только декальцинация. Погибнут также остециты.

- Вот именно. Следовательно, кость, что?

- Мертва.

- Именно, молодой человек. Именно это мы видим на препаратах. А идея ваша замечательна. Как это до неё не додумались раньше? Ведь она лежала на поверхности. Господи! Сколько несчастных раненых можно было поставить на ноги, пользуясь вашим методом! Сколько их я перевидал в госпиталях за четыре года войны!

Отыгрались. Ион написал подробное заявление директору института, в котором изложил суть происходящего в их институте и своё намерение предать эту подлость гласности. Разговор в директорском кабинете с криком хозяина и применением им ненормативной лексики, сводился к тому, что ни о какой научной работе вообще не шла речь, так как никто, нигде, никогда не утверждал темы диссертации, или вообще какой-либо исследовательской работы. И вообще, этот Деген забывает, с какой лёгкостью он может быть изгнан из института.

Ион ещё окончательно не выбрал, как будет действовать, а уже утром следующего дня секретарь партийного комитета сообщила, что сегодня на партийном собрании в повестке дня персональное дело коммуниста Иона Лазаревича Дегена. Директору института было предоставлено первое слово для доклада об антипартийном поведении коммуниста Дегена.

Директор напомнил, что партия и правительство разоблачили подлых космополитов, пытавшихся подорвать мощь нашей самой демократической державы. Враги самого прогрессивного, самого передового учения марксизма-ленинизма повсеместно свили свои гнезда. К сожалению, и наш здоровый коллектив не уберётся от этой заразы. Проникший в наши ряды Деген предпринял диверсию, пытаясь опорочить наш научно-исследовательский институт, обвинив наш экспериментальный отдел в фальсификации. Как вам всем известно, именно в этом отделе выполнена работа, за которую мне присуждена Сталинская премия. Именно в экспериментальном отделе нашего института осуществлены и осуществляются научные работы присутствующих тут коммунистов. И на этот отдел посмел поднять руку космополит Деген. Партийный комитет считает, что таким личностям нет места в рядах нашей славной коммунистической партии, и предлагает собранию исключить его из партии. В ответ Деген очень спокойно изложил, как умерщвлялись его препараты. В доказательство он сослался на двух свидетелей – коллегу, разрешившего ему взять ребро только что усыпленной собаки, и на профессора, главного патологоанатома республики.

Затем слово попросила доцент Антонина Ивановна Апасова, которая в клинике руководила молодым клиническим ординатором Дегеным. Она обвинила директора института в том, что он не в состоянии выбраться из старого стереотипа, что он забывает о времени. Сейчас декабрь 1953 года, а не 1952. Как можно поливать грязью этого трудолюбивого честнейшего человека, молодого врача, которого больные успели не просто заметить, а полюбить, воина, отмеченного многими боевыми наградами, о которых он скромно умалчивает. И она не понимает, почему не утверждена тема его диссертации, такая важная не только для здравоохранения, но к тому же имеющая оборонное значение.

Вслед за ней слово взял сотрудник экспериментального отдела. Деген ожидал, что тот бросится в атаку, отстаивая честь мундира. Но вместо этого он сказал, что почти в течение года наблюдал за работой молодого врача. Если бы ему предложили назвать образец врача и научного работника, он назвал бы Дегена. Разумеется, у него есть недостатки. Если бы ему сказали, что Деген кого-нибудь покрыл матом, не стал бы сомневаться. Если бы сказали, что он дал кому-нибудь по морде, поверил бы сходу. Но даже под пыткой не смог бы поверить, что Деген сказал неправду. Поэтому очень странно прозвучало выступление уважаемого директора, тем более – его предложение. По-видимому, кто-то его дезинформировал.

Опытная секретарь партийного комитета, заметив, что собрание отклоняется от намеченного ею сценария, немедленно вмешалась. Она назвала поведение Дегена непартийным. Почему он ни разу не обратился, в частности, к ней, к секретарю партийной организации, с которой он ежедневно общается в клинике, и не рассказал о проблеме, связанной с диссертацией? Почему он не поделился с ней подозрением об умерщвлении препаратов? О чём это говорит? О том, что Деген не доверяет партийной организации. Достоин ли коммуниста такое поведение? Поэтому она предлагает не исключить его из партии, а только вынести ему строгий выговор за непартийное поведение. Проголосовали в итоге за простой выговор.

Через полгода директор и секретарь партийной организации всё-таки нашли возможность избавиться от неудобной личности. Дегену оказали «честь и высокое доверие». Он получил почётное партийное поручение: обеспечить медицинское

обслуживание тружеников, поднимающих в Казахстане целинные земли. Его послали в Кустанай, областным ортопедом-травматологом.

Ион отказался, сославшись на объективные причины: жена на четвертом месяце беременности, она продолжает учиться, назначение у нее после окончания института в Донецк, ему до конца ординатуры осталось еще полгода, его инвалидность дает законное право жить и работать там, где ему удобно. Но все его доводы были отменены, включая инвалидность. Существует партийная дисциплина. Если партия приказывает ехать, следует подчиниться.

В теплый июньский вечер проводить изгнанного из института Иона на вокзал пришло людей чуть меньше, чем потом, когда он будет уезжать в Израиль. Людей на перроне было так много, что это напоминало демонстрацию. А, может быть, вправду это была необъявленная демонстрация евреев против дискриминации, против антисемитизма, против вопиющей несправедливости в самом, так называемом, справедливом государстве?

Ион оказался единственным ортопедом на всю Кустанайскую область по площади равную Албании, Бельгии, Дании, Нидерландам, Швейцарии вместе взятым, да еще Израилю в придачу. Травматизм там был невероятным, как во время войны. Освоение целины осуществлялось с истинно русским размахом и с полным отсутствием мозгов. Элеваторов едва хватало на обычное для области количество зерна. Убранную с полей пшеницу некуда было девать. Влажная, под временными навесами она начинала гореть. Даже учеников первого класса, семи-восьмилетних крох пришлось мобилизовать, чтобы перелопачивать горящий хлеб.

Пригнали воинские части. Неопытные армейские водители увеличили и без того катастрофический травматизм. Командированные водители грузовиков, месяцами не раздеваясь, ночевали в кузовах, на зерне, или в кабинах своих автомобилей. Есть было нечего. Людям. Разжиревшие воробы с трудом взлетали со щедро рассыпанного по дорогам зерна.

Интересно было бы подсчитать, во что в 1954 году обошелся Советскому Союзу килограмм целинного хлеба? Даже не включая стоимости бесценной человеческой жизни. Советская власть не врал: здесь человеческая жизнь была действительно бесценной, потому что ничего не стоила. Для самообороны у Иона была его увесистая палка. К тому же, во внутреннем кармане пальто он носил большой ампутированный нож.

Работники отделения больницы очень скоро нашли безотказный будильник. Ион ненавидел даже само слово ампутация. Стоило кому-нибудь из сестер или санитарок постучать в его окно и сказать, что, если он не придет, сейчас начнут ампутиацию, как он немедленно вскакивал и шел в больницу.

Вот и в ту ночь постучали в окно:

- Нариман Газизович собирается ампутировать руку. Ждет вашего разрешения.

Мужчина лет 35-ти. На кирпичном заводе правая рука попала в трансмиссию.

Нариман Газизович был прав. Восемь переломов, огромная скальпированная рана.

Ампутация показана абсолютно. И все же он решил попытаться. Несколько часов воевал с отломками. Уже сопоставил отломки плеча. Начинал манипулировать на предплечьи - насмарку шла вся предыдущая работа. И так несколько раз. Наконец, наложен гипс. И надежда на тот ускользающе малый шанс, на который не имеет права не надеяться врач.

Рука у Кости Бондаренко, так звали пациента, не только уцелела, но и

функционировала достаточно хорошо. Костя - бандеровец. Был осужден на 15 лет.

Сейчас на поселении. Повседневная пропаганда приучила Иона к тому, что нет зверя более лютого, чем бандеровец. А тут Костя Бондаренко, мягкий, терпеливый, добрый.

Костя, в которого он вложил все свое умение, всю душу. Вообще все спуталось в этом кустанайском вместилище «дружбы народов».

Еще месяц тому назад министерство разрешило Дегену уехать, но он считал своим долгом передать больных в надежные руки. Проводить его на вокзал неожиданно пришло много людей. Прямо на перроне распивался спирт, принесенный патологоанатомом. Директора совхозов старались перещеголять друг друга привезенными закусками. Один из них упорно пытался вручить Иону чек на две тонны пшеницы.

Идиот! Он гордо отказался от подарков! А спустя короткое время ругал себя за это.

Именно в это время в Киеве у него родился сын. Денег, заработанных в Кустанае, хватило ненадолго. Четыре месяца тому назад жена закончила институт, но еще не работала. Бог знает, куда ей удастся устроиться на работу. Сам Ион в течение семи месяцев почти ежедневно посещал сектор кадров киевского горздраотдела, надеясь получить хоть какую-нибудь работу.

Основную массу просителей составляли евреи. Были, конечно, и представители других национальностей. Но они отсеивались в течение одной - двух недель, получив направление на работу. Постоянными были только евреи. Некоторые, отчаявшись, прятали свои врачебные дипломы и шли туда, где была возможность устроиться. Внезапно Ион набрел на сказочный оазис – «Общество по распространению научных и политических знаний». Он подрядился распространять знания о новейших достижениях самой передовой в мире советской хирургии.

Общество платило сто рублей за лекцию. Правда, тут же подбрасывали минимум еще одну шефскую, за которую не платили. Да, и читать эти лекции приходилось в селах Киевской области, куда не так-то просто было добраться. Аудиторией были преимущественно голодные колхозники или почему-то пьяные в любую погоду работники МТС.

Зов предков. В Ионе происходило какое-то раздвоение сознания. По-прежнему осознавая себя гражданином своей страны, за которую он воевал, щедро проливал свою кровь, и которую любил сыновней любовью, он почувствовал себя связанным живыми узами с незнакомым государством Израиля. Он видел себя в танке на Синае, хотя даже представить себе не мог, с какими танками воюют в израильской армии.

Он уже просеивал газетную ложь сквозь сито своего неверия. Уже знал цену злобному заявлению ТАСС о тройственной агрессии, в которой англичане и французы оказались подручными коварных, способных на любое преступление израильтян. Но это сообщение было искренне воспринято, поддержано и усилено верноподданными гражданами.

Время после XX съезда партии Эренбург назвал оттепелью. Иону больше нравилась формулировка не профессионала, а любителя – «эпоха позднего реабилитанса». Конечно, можно назвать потеплением подъем температуры от абсолютного нуля до, скажем, температуры замерзания азота. Но ведь нельзя же при такой температуре жить.

Именно во время оттепели Советский Союз обрушил на Израиль лавину злобных нападок, а советские танки раздавили Венгрию. Приятель Иона описал сцену, свидетелем которой он был на советско-венгерской границе. Всего лишь капитан-пограничник, в буквальном смысле слова выталкивал на венгерскую территорию Яноша Кадора, который, сопротивляясь, кричал:

- Я не буду предателем своего народа!

- Будешь, будешь, - добродушно ответил капитан.

Именно во время оттепели произошли берлинские события, а Хрущев сочинил очередную антисемитскую небылицу о сотрудничестве евреев с фашистскими

оккупантами. Правда, более широкими стали контакты с заграницей. Опубликовали несколько произведений, издание которых прежде было немислимым. Появились свои «менестрели». Даже тысячетонный пресс, под которым жили евреи, стал на одну тонну легче.

Продолжение научной деятельности. Спустя одиннадцать лет, в Москве, на ученом совете Центрального института травматологии и ортопедии Ион защитил диссертацию на тему «Несвободный костный трансплантат в круглом стебле». Диссертация заслуживала присуждения степени доктора медицинских наук, но, понимая, что из-за этого возникнут проблемы, ограничились искомой степенью кандидата.

Защитив кандидатскую диссертацию, Ион знал, что в Киеве у него нет ни малейших шансов получить соответствующую должность. Он работал ортопедом-травматологом в районной больнице. Без амбиций в свободное от оплачиваемой работы время продолжал заниматься наукой, потому что ему это было интересно.

Правда, одна попытка попасть на высокооплачиваемую должность была им всё-таки предпринята. Но к ней он отнесся с такой же легкостью, с какой за 30 копеек случайно покупают лотерейный билет, не надеясь на выигрыш и не жалея потерянных копеек.

На ученом совете института, куда Ион подал документы на должность старшего научного сотрудника, многие поддержали его кандидатуру, считая, что следует привлечь к работе в институте ортопеда, уже имеющего в Киеве имя. Но резко против Иона выступил заведующий отделом, в котором и была вакантная должность.

Интересно, как Ион завоевал любовь своей тещи. В ту пору она уже несколько лет заведовала клинической лабораторией больницы. На работе чрезвычайно ценили её высокий профессионализм. Именно такой понадобился Иону, когда однажды ему на ум пришла забавная идея, как проверить влияние магнитного поля на процесс сращивания костей. Он договорился с тещей, что они осуществят эксперимент в два выходных дня - в субботу и воскресенье.

Ион был практическим врачом. Никаких лабораторий у него не было. Даже доступа к ним он не имел. Третбан, на ленте которого предстояло бегать подопытным крысам, не без труда нелегально на два выходных дня он достал в одном из научно-исследовательских институтов. Белые крысы обитали у него в квартире.

В течение двух выходных они работали по десять часов в день. Трудно представить себе, что кто-нибудь из коллег тещи во всём мире смог бы проделать тот объём работы, которым она занималась в течение этих двух дней. Пока очередная крыса совершала двадцатиминутный бег на ленте третбана и ещё пятнадцати минут рукодействия Иона, теща успевала сделать сложный анализ крови, включавший биохимический анализ.

Закончив, теща благосклонно посмотрела на Иона и сказала:

- В научно-исследовательском институте отдел сумел бы проделать такую работу за полгода. С той поры теща полюбила своего зятя. Как сформулировал Шекспир, «Она его за муки полюбила».

Результаты этого эксперимента заинтересовали академика Парина, который пригласил Иона посетить его. Хотя Деген был уже в то время кандидатом медицинских наук и приближался к защите докторской диссертации, он почувствовал былой студенческий трепет.

Описанные результаты настолько отличались от ортодоксальных представлений, что их опубликование даже в каком-нибудь рядовом журнале казалось маловероятным. А Деген мечтал не о рядовом журнале, а о «Докладах Академии наук СССР». Но в «Доклады» статья должна была быть представлена академиком.

Случайным ли было совпадение, что именно в эти дни Иона пригласили в Москву на конференцию? Как мог бы он оставить работу, чтобы поехать к академику Парину, не будь этой конференции?

Едва устроившись в гостинице, он позвонил по телефону, который ему сообщили вместе с приглашением. Ответил женский голос, принадлежавший, как выяснилось, супруге академика. Она сказала, что Василий Васильевич болен и не работает. Он даже не выходит из дому, но готов принять Иона в любое удобное для него время. Василий Васильевич прочитал статью и с интересом осмотрел Иона, словно он изменился за эти полчаса.

- Если у вас нет других планов, я с удовольствием представлю эту статью в «Доклады Академии наук». О чем он говорит? Других планов!

- Но вам придется сократить ее чуть ли не вдвое - до четырех страниц.

Ион кивнул.

- У вас большая лаборатория?

- Василий Васильевич, я практический врач. У меня нет никакой лаборатории.

Ион объяснил Парину, что это исследование он провел в свободное от работы время.

Парин с удивлением слушал его рассказ.

- И в таких условиях вы сделали эту работу за пять месяцев?

- За четыре. В промежутке в течение месяца был в отпуске.

- Невероятно! Если бы мои физиологи, - я говорю о всей лаборатории, - в течение года сделали такую работу, они бы носы задрали. А вы один - за четыре месяца. Между прочим, их зарплата вам даже не снится.

Он положил руки на одеяло и помолчал.

- Невероятно.

Ион утверждал, что наткнулся на тему магнитотерапия совершенно случайно. В ту пору он серьезно готовился к работе по ультразвуковой локализации костной ткани, то есть учил физику. Однажды, войдя в кабинет физиотерапии, он обратил внимание на волновод аппарата индуктотермии, обмотанный вокруг руки пациента. Соленоид! Но если это действительно соленоид, значит, воздействует магнитное поле. А если это действительно магнитное поле, то зачем нужны высокие частоты? Тепловая энергия? Индуктотермия? Но лечение этих заболеваний значительно более интенсивными источниками тепла ведь не дает ожидаемых результатов.

Да, но ведь на третьем курсе профессор, читавший им патологическую физиологию, рассказал о докторе Месмере, шарлатане, который лечил магнитным полем. Профессор был очень популярен. Всё, сказанное им, воспринималось, как истина в последней инстанции. Случилось так, что на одной из лекций, на которой он привёл в пример свою главную научную работу, Ион обнаружил нарушение второго закона термодинамики. После лекции он осмелился сказать об этом профессору.

Интересно, что первой книгой по заинтересовавшей Иона теме была не научная публикация, а повесть Стефана Цвейга о Месмере. Но у Месмера не было ничего общего с магнитотерапией, кроме случайного совпадения терминов. А вместо того, чтобы обливать грязью память большого врача, патофизиолог должен был хотя бы упомянуть о том, что Месмер, по существу, был одним из основоположников психотерапии.

С этого началось научное исследование, о котором на первых порах Ион и не думал как о возможной докторской диссертации. Его больше всего занимало лечебное действие магнитных полей. Результаты лечения магнитами заболеваний, которые до этого он устранял только оперативным путём или, в лучшем случае, с помощью болезненных и не всегда безвредных инъекций, были просто удивительными.

Стремительно росло количество выздоровевших пациентов. От обращающихся за помощью не стало отбоя. Почти два года Ион лечил магнитным полем под восторженные аплодисменты больных и коллег. Деген стал первым в мире врачом, фундаментально изучавшим электромагнитное воздействие на костные ткани.

И вдруг грянул гром. Главный врач вдруг запретил ему пользоваться магнитным полем до получения официального разрешения министерства здравоохранения. Формально он был прав. Объяснялось всё просто: «доброжелатели» из Киевского ортопедического института доложили министерству здравоохранения Украины о том, что Деген занимается запрещённой деятельностью – экспериментирует на живых людях.

Визит к председателю ученого совета министерства здравоохранения был облегчен тем, что кто-то из его близких родственников оказался пациентом Дегена и восторженно отозвался о лечении магнитным полем. Это определило доброжелательное отношение должностного лица. Тем не менее, необходимо было соблюсти определенные формальности: получить рекомендацию ученого совета ортопедического института, того самого, в котором Иона с момента его там появления называли бандитом, а потом еще и сионистом, что оказалось поистине потрясающим предвидением.

Та самая дама, которая была секретарем партийной организации в пору ординатуры Иона, стала теперь заместителем директора института. Предупрежденная председателем ученого совета министерства здравоохранения, она не посмела отказать Иону в официальном докладе на заседании ученого совета института. Но у нее была другая возможность помешать ему.

Председательствуя на заседании ученого совета, она попыталась дискредитировать результаты проведенных им исследований. Но все ее усилия наткнулись на прочную броню неопровержимых фактов. Ученый совет был вынужден принять решение рекомендовать министерству разрешить продолжение клинических исследований лечебного действия магнитного поля.

Однако это разрешение распространялось лишь на одного Дегена. Удовлетворенный результатом заседания, Ион не обратил внимания на ещё один нюанс: для продолжения исследования необходимо представить справку о безвредности аппаратуры. Поначалу Иону показалось это совсем уж пустяком, - получить справку о безвредности электрического утюга.

Его пациенты в Киевэнерго встретили Иона как родного:

- Какие могут быть разговоры! Дайте паспорт на аппарат, и через пять минут получите справку.

- Но аппарат-то самодельный. Где взять на него паспорт?

- Доктор, вы знаете, как мы вас любим, как хотим что-нибудь сделать для вас, но без паспорта на аппарат никто вам не даст такой справки.

Теперь уже Ион осознал значение внесенной заместителем директора института поправки, которая показалась ему столь несущественной. Неужели, всё? Неужели, круг замкнулся, и нет возможности из него выбраться?

В тот же день Ион позвонил крупному физика, своему близкому родственнику с просьбой дать необходимую справку. Родственник отказал ему под тем предлогом, что ему не известно влияние магнитных полей на биологические объекты. Ион долго его убеждал, объясняя, что ему нужна справка не о влиянии магнитных полей, а о безвредности аппарата как электрического прибора. Чтобы отвязаться от него, родственник сказал, что даже неудобно, если справка будет подписана той же фамилией, как у Иона. Возможно, в этом был резон.

Удачнее оказался звонок к менее знаменитому физика и не родственнику, а просто приятелю, Илье Гольденфельду, который стал потом профессором еврейского университета в Иерусалиме. Без звука возражения или отговорки Гольденфельд дал Иону справку, имевшую только одну, но существенную непрочность - она была подписана евреем.

Поэтому, на всякий случай, и, как оказалось, весьма предусмотрительно, он стал искать возможность достать справку с нееврейской подписью. Вскоре такая возможность проклюнулась.

На кафедре ядерной физики Киевского университета состоялся его доклад. Живой интерес и одобрение аудитории создали благоприятную атмосферу, позволившую ему обратиться к заведующему кафедрой с просьбой о справке. Назавтра ему принесли на работу справку, официально заверенную, с большой университетской печатью.

Заместитель директора ортопедического института, увидев не одну, а сразу две справки, выглядела бабой Ягой, которая предвкушала пообедать Иванушкой-дурачком, если он не сумеет выполнить ее задание, и теперь осталась голодной, - Иванушка каким-то образом справился с казавшейся ей невыполнимой задачей. На сей раз она не сумела сдержаться и проявила свою черносотенную сущность:

- Ну и мастера же вы, евреи, доставать все из-под земли!

- Совершенно верно. Века антисемитизма выработали в нас это умение. Спасибо за учение. В том числе, вам лично.

После более чем двухмесячного перерыва работа возобновилась.

Всякое научное исследование - это преодоление препятствий. У Дегена, дополнительно ко всем прочим, были еще препятствия несколько необычные, обусловленные его работой практическим врачом. Он просто не имел места, где мог бы проводить экспериментальную работу. Даже крыс ему приходилось держать у себя дома. И жена его с удивительным стоицизмом и чувством юмора наблюдала за тем, как он охотится за удравшей из своего обиталища крысой, чтобы водворить ее на место. Ведь, не дай Бог, самый аристократический район Киева, рядом с гостиницей Центрального Комитета Партии превратится в рассадник крыс. Тогда, чего доброго, обвинят сионистов в диверсии против родного ЦК.

Действительно, трудно поверить, что во второй половине двадцатого века в цивилизованной стране исследователь вынужден держать крыс в своей квартире. Притом, что даже в Киевском ортопедическом институте тоже был виварий, в котором крысам значительно удобнее, чем в квартире Дегенов.

Однажды у входной двери в свою квартиру Ион обнаружил огромный магнит с приклеенной к нему бумажкой, на которой было написано: «С восхищением и благодарностью. Аспиранты кафедры теоретической физики. Напряжённость МП между полюсами 4000 эрстед. Вес игрушки 160 кг».

Огромная напряжённость! Да и вес солидный. Где они взяли и как они смогли принести такую тяжесть, Ион не мог себе представить. Для точности следует заметить, что это был не один магнит, а пара утончающихся кверху рогов, образующих прерванную арку. Эта солидная пара когда-то была частью магнетрона очень большого радиолокатора. С тех пор приезжавшие в Киев коллеги рассказывали, что, увидев магнит, они даже не искали табличку с номером нужной квартиры, которой и не было. И без этого им было ясно, что они попали именно к доктору Дегену, в ту пору увлечённому изучением влияния магнитных полей на биологические объекты.

Научная работа, на первых порах попросту удовлетворявшая любопытство Иона, постепенно разрасталась и оформилась в докторскую диссертацию на тему «Лечебное действие магнитных полей при некоторых заболеваниях опорно-двигательного аппарата». К концу осени 1970 года диссертация была завершена и отпечатана. Это первая в медицине докторская диссертация по магнитотерапии.

Защищать ее Ион намеревался во 2-м Московском медицинском институте.

Хирургический ученый совет там был самым строгим, самым требовательным, но, как ему было известно, не самым антисемитским. Этот совет могла интересовать, в

основном, научная ценность диссертации, а уже только потом личность соискателя ученой степени. Кроме того, членом этого совета был председатель хирургической секции ВАК'а, что в какой-то мере уменьшало опасность последующего прохождения диссертации в лабиринтах этого странного учреждения.

О предварительной защите Ион договорился с руководством Киевского ортопедического общества. Не было сомнений в том, что власть предрержащих в этом почтенном обществе, в отличие от хирургического ученого совета 2-го Московского медицинского института, будет интересоваться, в первую очередь, не его диссертация, а его мало приятная им личность. Защита должна была состояться в конце февраля 1972 года.

Вечером, ровно за неделю до назначенного дня, раздался телефонный звонок и незнакомый мужской голос произнес:

- Ион Лазаревич, в следующую пятницу ваша предзащита. Так вот учтите, что вам собираются устроить еврейский погром.

- Кто это говорит?

- Не важно. Ваш доброжелатель.

- Мои доброжелатели знают, что на меня можно положиться и обычно доверяются мне.

Трубку положили. Так. Кто же это был? Действительно ли доброжелатель? Или посланец тех, кто собирается устроить ему погром? Попытка испугать его, деморализовать? А, может быть, действительно отказаться от предзащиты в Киеве, тем более что он тогда был болен - последствие тяжелой пневмонии, что давало возможность почетно отступить?

Испугался все-таки! Позор! Кого испугался? Кто из этой банды может оказаться достаточно сильным оппонентом? Ион стал тасовать в уме колоду Киевского ортопедического общества. Практическим врачам работа, вероятно, понравится. Отношения у нас хорошие, коллегиальные. Практических врачей большинство. Но это - молчаливое большинство. Были у него друзья и среди профессоров ортопедического института. Но посмеют ли они поддержать его, выступив против начальства, или в лучшем случае присоединятся к молчаливому большинству?

Теперь враги. Серьезной критики диссертации от них, к сожалению и к счастью, ждать не приходится. К счастью, потому, что критика была бы недоброжелательной.

Для действительно угрожающей ему критики у них слишком мало знаний. К сожалению, потому что ему нужен был бы сильный «адвокат дьявола», возражая которому он мог бы подготовиться к самой сложной официальной защите.

Выздоровел ли уже член-корр.? Сможет ли он председательствовать на заседании общества?

Тут же Ион позвонил ему. Федор Родионович был ещё болен. Его несколько не удивил рассказ об анонимном телефонном предупреждении. Оказывается, кое-какие слухи уже дошли и до его ушей.

- Я знаю, Ион - сказал член-корр., - что вы сочтете это проявлением украинского антисемитизма. Лично я в этом не уверен. По-моему, это меня заживо хоронят и делят наследство. Поэтому Левенец пойдет на любую подлость ради карьеры.

- Приятно слышать, что вы отделяете антисемитизм от подлости.

- Ну-ну, уже сели на своего конька! Послушайте, Ион, а на кой оно вам все сдалось?

Мы с вами больны. В следующую пятницу вместо посещения этого зверинца, посидим у меня, тихо выпьем, поболтаем.

- Нет, Федор Родионович, мне противопоказано отступать. Очень жаль, что вы испугались.

- Бросьте, Ион, кого и чего мне пугаться? Вы же знаете, что я болен. Если смогу, - приду.

Настроение после этого разговора у Иона испортилось. Хоть он и хорохорился, но в глубине души прекрасно осознавал, чего стоит быть оставленным без поддержки, один на один с бандой уверенных в своей безнаказанности антисемитов.

В следующую пятницу, в шесть часов вечера с женой, сыном и молодым врачом, своим учеником, они приехали в ортопедический институт, в конференц-зале которого ровно через час должно было начаться заседание общества. Развешивая фотографии и таблицы, Ион почему-то не волновался и понимал неестественность этого состояния. Просто давала себя знать физическая слабость после тяжелой болезни.

Зал стал заполняться задолго до начала. В течение 26 лет Ион посещал заседания ортопедического общества. Но никогда - ни до, ни после этого вечера - не было в этом зале такого количества людей. Уже назавтра банда начнет распространять слухи о том, что Деген заполнил аудиторию своими подольскими пациентами во главе с евреем Виктором Некрасовым. (На Подоле - так называлась нижняя часть Киева, - до революции разрешали селиться евреям. Что же касается Виктора Некрасова, то слухи о том, что он еврей, упорно распространялись украинскими «пысьменниками» во главе с подонком-антисемитом Малышко).

С Виктором Некрасовым они дружили. Ион отлично знал его родословную. И в комиссии по расовой чистоте мог бы под присягой засвидетельствовать, что среди его предков не было евреев. По отцовской линии он стопроцентный русский. А по материнской... Прадед её итальянец, житель вольного города Гамбурга, женился на дочери шведского фельдмаршала. Ион видел роскошный диплом - пергаментный свиток с массивной сургучной печатью на витых шелковых шнурах - об окончании прадедом медицинского факультета Виленского университета. Его внучку, полурусскую, на четверть итальянку и еще на четверть шведку, Зинаиду Николаевну Некрасову, добрую умную женщину, хорошего врача, маму Виктора никак нельзя было «обвинить» в еврействе.

Но какое это имеет значение! Антисемиты, как правило, пользуются не фактами, а слухами. А тут и факты, вызвавшие ненависть антисемитов к Виктору Некрасову. С любовью выписанный им образ еврея-лейтенанта Фарбера в книге «В окопах Сталинграда», гневная статья в «Литературной газете» против танцуплек на трупах евреев, уничтоженных в Бабьем Яру, пламенное выступление против антисемитизма на неофициальном митинге в годовщину фашистской акции в Бабьем Яру.

Ложь о составе аудитории без труда можно опровергнуть даже протоколом заседания: из 143 членов общества присутствовало 123. Было много врачей не ортопедов, в том числе врачи из больницы, где работал Ион. Только девять человек в переполненном зале были не врачами: жена и сын Иона, еще трое самых близких его друзей (двое из них уже в Израиле), Виктор Некрасов с женой, физик Илья Гольденфельд и еще один физик.

Без десяти минут семь в зал шумно ввалилась большая веселая компания сотрудников ортопедического института. Ион ждал нападения и представлял себе предполагаемых противников. Но появившаяся группа была настолько неоднородной, что ему и в голову не могла прийти мысль об ударном отряде врагов.

Трех профессоров, его явных доброжелателей, даже страдаая манией преследования, нельзя было объединить с врагами, находящимися в этой группе. Один из доброжелателей, заведующий четвертой клиникой постоянно плакался Иону в жилетку, объясняя, как трудно ему существовать в окружении подлецов.

Второй, - заведующий лабораторным отделом - во время немецкой оккупации Киева был директором ортопедического института. Возможно, своеобразный комплекс вины был причиной его более чем хорошего отношения к Иону, инвалиду войны против немецких фашистов, хотя он уверял его, что просто любит

интеллигентных людей, которых ему явно недостает в институте. Третьим был профессор, тот самый, числящийся армянином, сын еврейской матери. Были в группе и двое абсолютно незнакомых мужчин.

Время приближалось к семи. Люди теснились в проходах у стен. Два возможных председателя нынешнего заседания общества не появлялись - директор ортопедического института и член-корр. Что касается первого, то Ион заранее был уверен в том, что его не будет. Грязную работу он предпочитал делать чужими руками, тем более что чужие руки делали ее не без удовольствия.

Из разговора за спиной Иона между заместителем директора ортопедического института и вторым профессором кафедры ортопедии института усовершенствования врачей, который приглашал Дегена на должность доцента, Ион узнал, что член-корр. все еще болен, что его в тот день не было на работе и на обществе, естественно, не будет. Заместитель директора предложила второму профессору быть председателем. С явным удовольствием на пьяном лице он занял председательское место. Картинно изогнув руку, он посмотрел на часы, готовясь открыть заседание. Стрелка приближалась к семи.

В этот момент, протискиваясь между врачами, запрудившими проход, к столу приблизился член-корр. Надо было видеть выражение лица второго профессора! Не просто неудовольствие - ненависть была написана на пьяной мужицкой физиономии.

Он неохотно покинул председательское место, которое тут же занял член-корр.

Красивый самоуверенный мужчина, всегда заботящийся о том, чтобы произвести на окружающих самое благоприятное впечатление, он выглядел подавленным и явно больным. Только чрезвычайные обстоятельства могли вынудить его появиться на людях в таком виде. Он открыл заседание и тут же предоставил слово Иону.

Обычно на заседаниях общества после доклада, вызвавшего интерес, сразу поднималось несколько рук желающих задать вопрос. Как потом выяснилось, доклад вызвал интерес у аудитории. Неизвестно, поднялись ли бы руки в этот вечер, потому что не успел еще член-корр. предложить задавать вопросы, как, не ожидая разрешения, вскочил профессор, представлявшийся армянином. Он был возбужден. Язык его слегка заплетался. Причина оказалась простой, но выяснилась она, когда узнали, что весь «ударный отряд» ортопедического института явился после только что состоявшейся попойки. Справляли масленицу!

Когда-то во время «широкой» масленицы перепившиеся черносотенцы с крестом и хоругвями шли громить евреев. Сейчас сотрудники ортопедического института, сливки советской интеллигенции, перепившись по поводу все той же «широкой» масленицы, спустились в конференц-зал на предварительную защиту докторской диссертации опять-таки еврея.

Следуя указанию, полученному во время попойки, полуеврей, скрывающий вторую половину этого слова и числящийся армянином, задал Иону первый вопрос: - Кто вам разрешил экспериментировать на людях?

Это была явная провокация. Спокойно Ион объяснил профессору, что эргографию, например, он мог бы без всякого разрешения проводить даже на контингенте детского садика, не причиняя детям ни малейшего ущерба. В других не менее безвредных исследованиях принимали участие близкие, друзья, приятели, люди, которых заинтересовала работа, но не подчиненные, не пациенты, не люди, зависящие от него и подвергающиеся исследованию по принуждению.

Следующие вопросы были подстать первому и ничего общего с научным обсуждением не имели. Особенно изощрялась заместитель директора института. Но, зарвавшись, она дала возможность Иону ответить так, что хохот несколькими продолжительными раскатами прошелся по аудитории, а председатель, с трудом подавляя предательский смех, все снова и снова требовал соблюдать тишину. Незнакомый Иону сотрудник

ортопедического института, явившийся в составе банды, задал несколько абсолютно нелепых вопросов, вроде «что такое магнитные волны?». Член-корр. даже вынужден был сделать замечание, сказав, что человек, имеющий степень кандидата медицинских наук, как предполагается, должен иметь и среднее образование.

Все это напоминало какую-то абсурдную атаку безоружных людей, идущих на пулеметы. Люди падают, падают и снова зачем-то бессмысленно прут на косящий их огонь. Ни председатель, ни Ион, ни большинство аудитории еще не понимали, что нелепые вопросы тоже имеют определенный смысл, что они преследуют заранее запланированную цель.

Самый великолепный вопрос задал второй профессор. Перелистывая приложение к диссертации, в котором значились фамилии всех пациентов Дегена, он вдруг спросил: - А чем объясняется такой состав ваших больных?

Председатель поднялся, чтобы осадить своего заместителя, понимая, какое продолжение может последовать. Но это продолжение Иону было необходимо, поэтому он немедленно спросил:

- Что вы имеете в виду?

- Ну, как вы подбирали больных?

- Я их не подбирал. Это жители Киева, обращавшиеся в нашу больницу.

- А почему же здесь так много евреев?

- Вероятно, к чьему-нибудь сожалению, их количество среди пациентов в какой-то мере соответствует демографической картине Киева. Лично я не вычислял процента, так как не это было целью диссертации.

После вынужденного перерыва (потребовали справку о безвредности используемой Ионом аппаратуры для людей, за которой поехал домой сын Дегена, Юрий) заседание, казалось, вошло в нормальное академическое русло. Выступил первый официальный оппонент, профессор-биолог Иванов-Муромский из системы Академии Наук. Он высказал столько лестных слов по поводу диссертации, что соискателю даже стало как-то неловко. Замечания его были сугубо научными. Во время ответа с некоторыми Ион согласился, некоторые аргументировано отверг, что не вызвало возражений оппонента.

Вторым выступил профессор Стецула, сотрудник ортопедического института. Уже значительно позже Ион узнал, что руководство института усиленно обрабатывало его, взывая к чувствам украинца, призванного бороться с еврейским засильем в науке. Но профессор осмелился возразить, что не может быть какого-либо засилья в науке, потому что наука универсальна. Кроме того, у ученых должна быть совесть. Ему, коммунисту, совершенно резонно заметили, что он забыл о марксистском подходе к науке, что следует отличать науку буржуазную от науки социалистической, основанной на марксистско-ленинском учении.

Выступление профессора Стецулы на заседании общества еще раз продемонстрировало его полнейшее непонимание этих азбучных истин. Его безудержно хвалебная рецензия на диссертацию была началом серьезного конфликта с Киевским ортопедическим институтом, окончившаяся полным разрывом. Профессор-украинец был вынужден оставить не только институт, не только Киев, но и Украину.

Следует заметить, что и до перерыва одно выступление явно выпало из общей тональности. Заместитель главного врача больницы, в которой работал Ион, должна была выступить с характеристикой на своего подчиненного. Но вместо этого она обрушилась на обструкционистов. Очень эмоционально она рассказала об условиях, в которых практическому врачу приходилось заниматься наукой, об убегающих крысах, об аппаратуре, созданной из «бутылочек и веревочек», о запретах и их преодолении, словом, о том, что было буднями Иона.

- Его научная работа, - сказала она, - уже приносит пользу практическому здравоохранению. Посмотрите, какая очередь больных, желающих попасть к доктору Дегену на лечение. В их числе и работники ортопедического института. А вы здесь впустую тратите государственные деньги на так называемые исследования, которые никому не нужны сегодня и ничего не дадут людям в будущем. Поэтому бездарные люди, занимающие чужое место, с подлым чувством зависти обрушиваются на талантливую работу.

Это выступление было встречено аплодисментами аудитории, чего обычно не бывает и не принято на защитах диссертаций. Иону же выступление не понравилось. Именно завистью было бы удобно объяснить потом все происходящее в тот вечер. Но причины обструкции были настолько очевидны, что версия заместителя главного врача назавтра даже не обсуждалась, хотя и говорили о выступлении, сорвавшем аплодисменты.

С двумя упомянутыми рецензиями, как и положено, Иона ознакомил за несколько дней до защиты. Рецензии третьего оппонента, Левенца, Ион не получил. В начале недели он позвонил Иону и попросил прощения за то, что не успел вовремя написать и отпечатать ее. Ион охотно простил ему грубое нарушение правил, уверенный в том, что член-корр. несколько необъективен в оценке своего доцента, что никаких пакостей от него ждать не следует. Они были в отличных отношениях.

Конечно, он не мог быть оппонентом на официальной защите. На предварительную он был назначен, как начинающий - первая рецензия на докторскую диссертацию. Но он даже не пытался дать мало-мальски объективную рецензию, которую Ион надеялся от него услышать. С чувством неоспоримого превосходства, с перехлестывающей через край иронией он говорил о том, что научной работой тут и не пахнет, что диссертант даже опустил до того, что ссылается на чьи-то неопубликованные высказывания, и далее в том же духе.

Перед голосованием, вероятно, чувствуя настроение аудитории, заместитель директора ортопедического института встала и направилась к выходу. За ней последовало несколько человек из этой компании.

Заключая, член-корр. сказал:

- Было задано 49 вопросов. Из них не все по существу диссертации. Тем не менее, на каждый вопрос был дан четкий ответ, не оставляющий ни малейшего сомнения в компетентности диссертанта. Два официальных оппонента заявили о полном удовлетворении по поводу ответов на свои замечания. Третий официальный оппонент ничего не заявил. Возможно, он чувствует себя неудовлетворенным. Но это ощущение субъективное. Я бы даже сказал - эмоциональное. Ортопедическое общество также объективно может быть удовлетворено ответами на рецензию третьего официального оппонента. Так же обстоит дело с ответами неофициальным оппонентам. Поэтому есть предложение рекомендовать диссертацию к официальной защите. Кто за это предложение? Кто против? Кто воздержался? Единогласно. От имени Киевского ортопедического общества поздравляю Иона Лазаревича с новаторской диссертацией и с блестящей мужественной защитой, которая длилась четыре часа тридцать пять минут. Объявляю заседание общества закрытым.

Поздравления жены и сына. Поздравления друзей. Поздравления врачей знакомых, малознакомых и незнакомых. Калейдоскоп поздравлений и поздравляющих. И вдруг в этом калейдоскопе только для Иона сверкнул огромный алмаз. Когда несколько поредела толпа поздравляющих, к нему подошел старший научный сотрудник ортопедического института Василий Кривенко, неосторожная фраза которого в утро сообщения о деле врачей-отравителей испугала Иона и его самого. Лицо его было вполне серьезным, только в голубых глазах искрились лукавые блески смеха. Он полуобнял Иона и тихо, чтобы остаться не услышанным другими, сказал:

- Ну, поздравляю, израильский агрессор!

Забавно, что шутя сказанная фраза, независимо от него, стала определением состоявшейся защиты. Так ее, во всяком случае, квалифицировали антисемиты. Их возмущало, что, защищаясь, Деген действительно защищался, а не позволял безнаказанно избивать себя. Малюсенькая модель большого мира. Ему было необходимо продемонстрировать путь в науку человека, как говорили его друзья, с биографией советского ангела, но с одним весьма существенным изъяном - записью «еврей» в пятой графе паспорта. Знали об этом только два человека - член-корр и сам Ион. Догадался еще один - Виктор Некрасов.

Действительно, Ион был повинен в головной боли у своей жены в ту ночь. Но оправданием ему служит, что и много лет спустя, в Киеве, да и не только в Киеве, вспоминали ту предзащиту и даже иногда делают из «всего этого» правильные выводы. Через несколько месяцев без всяких происшествий Ион прошел положенную предзащиту во 2-м Московском медицинском институте, где потом в самом «страшном» хирургическом ученом совете состоялась и официальная защита. При этом Деген отметил один немаловажный фактор: врачам легче, чем представителям других профессий. Очень уж велика зависимость от врачей власть предрержащих. В какой-то мере это иногда облегчало их жизнь, увеличивало возможности. Но только в какой-то мере. Был, наверное, и другой фактор: Деген к своей диссертации относился очень спокойно, только как к оформлению еще одной научной работы, описанию нового метода лечения. Диссертация ведь не могла изменить ни его несуществующей научной карьеры, ни и без нее вполне благополучного для советского гражданина материального положения.

О науке, «чистой и непорочной». Большинству людей наука представляется чистой и непорочной сферой. Такое представление сохранялось и у Иона, когда, начав заниматься научной деятельностью, он уже столкнулся с коллегами, моральные качества которых оставляли желать лучшего. Ну что же, считал он, одно дело личные качества научного работника, проявляющиеся в общении с окружающими, другое – научная честность, без которой вообще не может существовать наука. Прозрение наступило позднее.

Впрочем, Ион сам способствовал появлению таких горе-профессоров. Научные статьи он начал писать почти сразу после окончания института. Правда, не под своим именем. Эти статьи Ион писал для других. И не только статьи, но и диссертации. Позже, Ион, осознав, какое он творил зло, каялся за то, что создавал профессоров.

Уже на первом году его врачебной деятельности к нему обратился один симпатичный врач, окончивший ординатуру. Он попросил, чтобы Ион оформил его диссертацию. Представленный им материал привел Иона, мягко говоря, в замешательство.

- Понимаешь, из этого ничего нельзя соорудить. Нельзя сравнивать результаты, например, двух канализаций по Беку с тавровой балкой.

- Ион, ты просто собери все в диссертацию.

- Но такую диссертацию даже не примут к защите.

- Ты напиши. Дальше - мое дело.

Ион написал. Как за эту муру человек мог получить степень кандидата медицинских наук, даже узнав о коррупции, протекционизме и прочих прелестях Совдепии, он не мог понять. Тем не менее, новоиспеченный кандидат стал старшим научным сотрудником. Потом возникла у него и докторская диссертация, и он сделался профессором. Поскольку человеком он был симпатичным и безвредным, Ион остался с ним в приятельских отношениях.

Своим именем Ион подписывал только те статьи, в которых мог изложить что-нибудь новое, никем не сказанное до него. Старался не быть соавтором даже в случаях, когда им была сделана значительная часть, но не вся работа. Он руководил кандидатскими диссертациями нескольких хороших ортопедов. Но неофициально. Врачам-евреям

могло повредить его имя в качестве официального руководителя. Поэтому таковым числился профессор, не имевший понятия о работах его диссертантов.

Дегену приходилось встречать на заседаниях ортопедического общества секретаря парткома, которая приняла участие в его изгнании из института. Он не только не разговаривал с ней, но даже не раскланивался. Её вопросы и выступления на заседаниях общества свидетельствовали лишь о том, что прошедшие годы не прибавили знаний этому старшему научному сотруднику. Поэтому Иона удивила повестка предстоящего заседания ортопедического общества, на котором должна была состояться предварительная защита её докторской диссертации.

Деген в библиотеке ортопедического института ознакомился с её диссертацией. Уровень диссертации просто поразил его, хотя он и привык к научной липе в диссертациях ортопедического института. Там ковали национальные кадры, которые должны были заменить увольняемых «космополитов». Но то были кандидатские диссертации. А эта докторская на том же уровне.

Более того, Деген выяснил, что в прошлом «ученый» ортопед была оториноларингологом, а степень кандидата медицинских наук получила в каком-то институте во время войны. В каком именно институте и где её диссертация, выяснить не удалось, также не удалось выяснить, каким образом оториноларинголог стала ортопедом, да ещё и старшим научным сотрудником.

На заседании ортопедического общества, захлёбываясь от восторга, выступили три оппонента. Третьим оппонентом была профессор-физиолог. Трижды повторённая профессором ошибка, давала основание предположить, что профессор знает анатомию на уровне диссертанта. А ещё Иону очень понравилась фраза, что диссертант проделала большой труд.

После оппонентов-профессоров слово попросил он - врач, не имевший тогда даже степени кандидата, - хотя подавляющее большинство присутствовавших знали, чего стоит профессионализм этого врача. Деген предвидел такую реакцию и выступление начал именно в этом ключе:

- Уважаемый председатель, уважаемые коллеги. Полагаю, что вы ждёте от практического врача вопрос, что даёт эта диссертация практическому здравоохранению. Но я позволю себе проанализировать не практическую сущность диссертации, которая, естественно, отсутствует, а её сугубо научную ценность.

Дальше он со стола председателя взял экземпляр диссертации и прошёлся по ней «паровым катком». С особым удовольствием Ион процитировал несколько примеров вопиющей медицинской безграмотности автора. А заключая выступление, он сказал: - Уважаемая профессор-физиолог, изучающая мозг, не знает анатомии мозга; нет в мозгу центральной извилины; есть прецентральная и постцентральная. Но это, между прочим. Далее профессор сказала, что диссертант проделала большой труд. Не могу не согласиться с этим. Но не проделывает ли большой труд бухгалтер, готовя годовой бухгалтерский отчёт? А известен ли уважаемой аудитории случай, когда за годовой бухгалтерский отчёт кому-либо присваивали степень доктора медицинских наук?

Деген сел на своё место. В большом конференц-зале царил звенящая тишина.

Председательствовавший член-корреспондент Академии медицинских наук делал вид, что ищет какое-то место в диссертации, перелистывая её. В конце концов, он тяжело поднялся со стула:

- Поскольку уважаемая диссертант не защищается, я посмею выразить мнение ортопедического общества, что в таком виде диссертация не может быть представлена к официальной защите. Вероятно, диссертант учтёт замечания доктора Дегена, исправит и доработает диссертацию.

По пути домой член-корреспондент, с которым Деген был в приятельских отношениях, несмотря на разницу в возрасте и статусе, сказал:

- Жестокий вы человек, Ион.

- А вы кто? Надо было вам мараться об это дерьмо, чтобы считаться консультантом ещё одной докторской диссертации? Вы мне напоминаете спортсмена, ведущего счёт завоеванных медалей. Кстати, вы, консультант, хотя бы прочитали этот большой труд? В течение нескольких дней Деген выслушивал восторженные отклики на своё выступление. Он воспринимал их, как радость недоброжелателей диссертанта и лишь удивился количеству таковых.

Ещё раз Деген встретился со своим бывшим парторгом незадолго до отъезда в Израиль. К тому времени оториноларинголог защитила всё-таки докторскую диссертацию по ортопедии, получила звание профессора и должность заместителя директора ортопедического института по науке.

Вернувшись из полугодичной командировки в Англию, профессор на заседании общества делала доклад о состоянии ортопедической и травматологической службы в Великобритании. Она, в частности, рассказывала, как тяжело и долго после окончания университета английский врач поднимается по лестнице до заветного звания специалиста и консультанта.

Оглядев конференц-зал, в котором сидело более ста пятидесяти ортопедов, она сказала:

- Думаю, что из присутствующих здесь только два человека смогли бы сдать экзамены на звание английского специалиста. Это профессор Озеров и доктор Деген. Ион не воспринял этот дипломатический комплимент, и когда в научном докладе профессорши прозвучала явная нелепость, он сказал:

- Бред сивой кобылы.

- Почему?

- Вот когда вы закончите, я объясню.

Сразу после доклада Деген поднялся на кафедру и объяснил, в чём заключалась нелепость. Докладчица из первого ряда откликнулась:

- Я просто неточно сформулировала.

- Знаете, точность формулировки имеет огромное, иногда решающее значение.

Однажды рыбак поймал рыбку. Не простую рыбку, а золотую. «Смилуйся, рыбак, отпусти меня. Любое твоё желание выполню». «А мне ничего не надо. У меня есть всё. Впрочем, сделай так, чтобы мой член доставал до колена».

- Хулиганство, - раздался голос докладчицы в оживившейся аудитории.

- Проснулся рыбак утром и, о, ужас! Бёдра его укоротились так, что коленные суставы оказались на уровне головки члена. А всё почему? Потому, что формулировка была неточной.

- Хулиганство! – Сквозь слёзы прокричала профессорша и под хохот аудитории покинула конференц-зал.

Пациенты. В начале 1952 года заведующий отделением профессор Елецкий по непонятной тогда Иону причине почти три недели симулировал заболевание, поэтому Иону пришлось вместо профессора прооперировать мужчину со старым огромным болезненным рубцом, результатом ранения разрывной пулей. Операция прошла успешно.

Летом 1956 года он случайно встретил его в парке. В тренировочном костюме, этот мужчина выгуливал величественного сенбернара. Врач и пациент обрадовались встрече. Разговорились. Оказывается, Ион оперировал тогда пациента, который был заместителем министра госбезопасности Украины. Вот почему симулировал профессор Елецкий!

Перед бывшим лейтенантом генерал обычно стоял по стойке смирно. Беспрекословно и точно выполнял всё предписанное им. Ион слегка выделял этого пациента из общего числа своих пациентов, но не из-за его звания и должности, а лишь потому, что он был мужем врача. Клятве Гиппократу он не изменил ни разу.

Но и генерал берёт его. Доказал он это в январе 1953 года, когда приложил немалые усилия, чтобы исключить Иона из списка врачей-вредителей, шпионов и изменников, которые будут приговорены к смертной казни.

А в 70-е годы уже другой генерал, заместитель председателя КГБ Украины Чурсин приставил к нему личным наблюдателем своего адъютанта, красавчика-майора.

Однажды Чурсин сказал:

- Ион Лазаревич, бросьте, в конце концов, вашу фронду. Сегодня утром Щербицкий спросил меня, до каких пор вы будете на свободе. И я должен был уверять его в том, что вы лояльный советский человек. Это же анекдот! КГБ защищает вас от партии.

В один из дней вечером генерал пришёл к Иону домой с большой бутылкой виски. Генерал спросил, почему вы, имея в виду уже не одного Дегена, а евреев вообще, всегда вылезаете, всегда вам больше всех надо? Деген ответил, что это вполне естественно: ведь когда вы ещё хвостами держались за ветки, мой народ писал Книгу книг.

Генерал смолчал, а потом, показав на телевизор, по которому шла трансляция 25-го съезда коммунистической партии, сопровождаемая низкопоклонными приветствиями лидеров зарубежных коммунистических партий. В тот момент на экране телевизора очередной тип с лёгким нерусским акцентом выступал с пылким приветствием.

Генерал ехидно посмотрел на Иона и сказал:

- Так что вы скажете по поводу вашего народа? – Увидев, что Ион не понял, он спросил:

- Вы знаете, кто это?

- Нет.

- Это ваш народ. Это Меир Вильнер. Генеральный секретарь коммунистической партии Израиля.

- Так ведь он работает у нас.

- Нет, доктор. Он работает у нас. – У нас, - подчеркнул он. - То, что у него есть дача в Барвихе и место в Мисхоре, это курицы на улице знают. А то, что он работает у нас, это вы узнали только сейчас.

Деген, ещё лежа в палате после последнего ранения, мечтал о том, как хорошо было бы пришить ампутированную конечность. Эта мечта не оставляла его и в институте, и потом, когда он уже был врачом и понимал, с какими невероятными трудностями и техническими, и биологическими, придется столкнуться врачу при попытке пришить ампутированную конечность. Знали об этой его мечте и коллеги в отделении, и врачи скорой помощи, со многими из которых он был в самых лучших отношениях.

И вот 18 мая 1959 года. Когда Ион уже снял халат, собираясь пойти в поликлинику на ортопедический прием, его позвали к телефону. Звонили со станции скорой помощи:

- Ампутировано правое предплечье. Аккуратно отрезано фрезой. Везти больного к вам? Только он не вашего района.

- Немедленно!

Через сорок минут после травмы, приведшей к ампутации правой руки у слесаря-сантехника, Ион начал пришивать эту руку. Учиться реплантации ему было не у кого.

Таких операций до этого ещё нигде не производили. После операции рука была зафиксирована гипсом. Профессор вообще не заходил в палату Дегена. В операционную он вошел, когда Ион только начал реплантацию, скрепляя лучевую кость. Посмотрел и сказал только одно слово: «Сумасшедший»! И вышел. До самой выписки его больного профессор почему-то поглядывал на Иона косо, всё ещё не веря в удачу. После этого во всех учебниках медицины есть ссылки на Дегена, который первым в мире совершил операцию по реплантации конечности.

Часто возникали непредвиденные ситуации, а чтобы их становилось меньше, Деген считал, что врачу очень полезно много читать. В крайнем случае, хотя бы медицинскую литературу. Вот поступила как-то молодая женщина после ампутации обеих ног, Она сильно страдала от фантомных болей. Почему бы не попробовать гипноз, подумал Ион. Но ему трудно было поверить в то, что он способен загипнотизировать человека.

Сеансы повторялись. Больная засыпала уже при счете пять. Уменьшилась интенсивность болей. Уже не было необходимости в наркотиках. Даже к обычным обезболивающим средствам пациентка прибегала все реже. Реампутация не понадобилась, и он поверил в свои способности и все шире стал пользоваться гипнозом.

Осенью 1973 года главный хирург Армении, профессор Рубен Лазаревич Поронян пригласил Иона в Ереван проконсультировать шестнадцатилетнюю девушку, которой предстояла высокая ампутация бедра. Ион с женой давно мечтали посетить Армению. Да и многие его бывшие больные, которых он оперировал, приглашали в гости. Короче, с женой и сыном они вылетели в Ереван.

Ион не мог вспомнить, присутствовала ли на консультации мать девушки. Но отец! С какой болью, с каким отчаянием смотрел он на присутствовавших врачей!

Искуснейший ювелир, он родился в Каире и жил там до времени, когда решил репатриироваться в Армению. Тяжело началась его жизнь в советской Армении. В Союз художников выдающегося мастера не принимали, считая его ремесленником. Представляете себе ремесленником Фаберже? Но и ремесленнику нормально работать не давали, так как он имел дело с золотом, серебром и драгоценными камнями. А ведь он представления не имел об этих запретах и вообще о советской системе. Но его искусство, в конце концов, стало известно. Католикос Вазген Первый сделал его своим персональным ювелиром. Чего ещё мог он желать?

И вдруг такое несчастье! У любимой дочери-красавицы без всякой травмы перелом костей голени. Рентгенограмма показала, что кость истончена, изъедена опухолью, о которой девушка даже не подозревала. Рентгенолог поставил диагноз: «Саркома Юинга». Одна из самых злокачественных опухолей. Смертный приговор. Даже после высокой ампутации бедра продолжительность жизни согласно статистике не более полутора лет.

Всё это рассказали отцу. Рентгеновские снимки консультировали многие врачи. Но даже если у кого-то вызывал сомнение страшный диагноз, он не смел опровергнуть его, чтобы не нести ответственности за жизнь девушки. Ногу заковали гипсовой повязкой. Биопсию не производили. Профессор Поронян объяснил это опасением немедленного распространения опухоли, если к ней прикоснутся, а не удалить вместе с ногой.

Ион внимательно обследовал девушку. Долго рассматривал рентгенограммы, в душе благодаря судьбу за то, что одним из его учителей был выдающийся рентгенолог Иуда Нохемович Мительман, научивший обращать особое внимание на едва заметные детали. Как благодарен он был Учителю в эти минуты! Коллегам, присутствовавшим на консультации, Ион сказал только одно слово: «Остеокластеобластома». А отца девушки спросил:

- Вы верующий человек?

- Конечно!

- Тогда поставьте свечку Богу за этот перелом. В ортопедии есть такой термин – «фрактура медиката», лечащий перелом. У вашей дочки доброкачественная опухоль. Вполне вероятно, что к тому времени, когда срастутся отломки кости, опухоль исчезнет или настолько уменьшится, что даже не понадобится операция. Отец рухнул на колени, пытаясь поцеловать его руку.

- Ион Лазаревич, вы уверены? – спросил профессор Поронян.

- Абсолютно.

Годы спустя у Иона появилось основание подтвердить свою уверенность. Операция не понадобилась.

В понедельник ювелир сказал им, что они приглашены к католикоосу. Вазген Первый ценил своего «Бенвенуто Челлини». И, вероятно, удовлетворил просьбу пригласить семью врача, спасшего его дочь от ампутации. Вместе с ними была приглашена жена Рубена Лазаревича Пороняна Рипсима – профессор Ереванского театрально - художественного института, скульптор и керамист.

В Эчмиадзинском кафедральном соборе изумительная коллекция ценностей. Но то, что они увидели в покоях католикооса! Неожиданности начались ещё до входа в резиденцию. На террасе в покойном садовом кресле удобно расположился дородный иерарх. Оказалось, что это патриарх Иерусалимский. Можно представить себе состояние Иона, когда Рипсима их познакомила. Она же была и переводчиком.

- Расскажите об Израиле, пожалуйста.

Патриарх сцепил кисти рук на округлом животе, вращая большие пальцы друг вокруг друга.

- Что же вам рассказывать? Страна как страна. Такая же, как Армения. Камень и солнце.

- А как вам живётся там?

Патриарх улыбнулся:

- Как у Христа за пазухой.

Из двери вышел молодой священник и пригласил всех в покои. Вазген, по-видимому, только что завершил утреннюю трапезу. Еще не убрали тарелку, к которой присоседилась тарелочка в виде полумесяца, - Ион никогда не видел таких. Католикоос приветливо поздоровался с Ионом.

- От всей души благодарю вас и благословляю – вы совершили богоугодное дело. Буду рад, если собранные здесь коллекции доставят вам радость. Они принадлежат армянской церкви, а, значит, армянскому народу.

Он сказал еще несколько фраз, которые перевела Рипсима. К сожалению, католикоос недолго был их гидом, предоставив право продолжить экскурсию Рипсима – она, как выяснилось, была здесь своим человеком.

А после посещения памятника жертвам геноцида, возвратившись в гостиницу, не понимая, что произошло, как это случилось, войдя в номер, Ион тут же сел к столу и написал стихотворение. Вернее сказать, записал, словно писал его под диктовку.

ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ГЕНОЦИДА

Запад чёрными тучами бесится.

Арарат похищая снова.

Ятаган ущербного месяца

Отсекает куски живого

И кромсает плоть иноверцев,

Мне по крови родных и близких.

Я примёрз оголённым сердцем

К рассечённому обелиску.

На горе, над пенным Разданом,

Переполненный гневом ярым,

Возвышаясь над Ереваном,

Он стоит и над Бабьим яром.

Он кричит уцелевшим младенцем
На груди остывающей мамы,
Проклиная нацистов-немцев
И кровавую мерзость ислама.

Проклиная мрак фанатизма
И фашизм всех цветов и устоев...
Город, полный огней и жизни,
Простирается предо мною.

И горам, и библейским долинам
Я с почтением в поклоне низком.
Я, еврей, становлюсь армянином,
Осязая боль обелиска.

(оригинал 25.10.1973.)

Год спустя после поездки в Армению Иону в Киев привезли подарок ювелира – массивный золотой перстень. Большой прозрачный золотистый камень казался расплавленным сегментом кольца, изысканно украшенного армянским узором. Этот узор напомнил Иону искуснейшую вязь хачкаров, больших каменных памятников, которые в Армении он видел во многих местах, которые так восхищали его и в какой-то мере удивляли совместимостью язычества и христианства. Ион не знал, какой именно этот солнечный камень. Жёлтый берилл, или жёлтый топаз, или гиацинт? Говорят, любой из этих красивых камней - оберег, приносящий счастье. Обычно Ион не носил даже обручального кольца, но на редчайшие, самые торжественные события он надевал перстень. Он как звено, соединившее для него в одну цепь войну Судного дня и Армению, геноцид армян и евреев, его семью и его армянских друзей.

Странно, почему-то общение с властью предрержащими оставляло у Дегена неприятный осадок, хотя он старался видеть в них только больных, которым необходима его помощь. Он обвинял себя в предвзятости, в диком субъективизме, но больной, страждущий пациент почти во всех попадавших к нему властью предрержащих особах, был, как правило, только частью какого-то враждебного существа. Приехал к нему лечиться из России генерал КГБ. Поселили его на государственной даче и каждый день привозили на лечение на черной Волге. Он скромно сидел в очереди в своем элегантном тренировочном костюме. Никому и в голову не могло прийти, что это генерал, начальник областного управления КГБ. Однажды он сказал Дегену, что вынужден прервать лечение в связи с отъездом в Париж, так как ожидается приезд Никсона. Ион не очень представлял себе, какая связь между президентом США, Парижем и начальником областного управления КГБ. Но это и не входило в его компетенцию. Уже после отъезда Никсона из Киева и из Союза снова появился этот пациент.

- Ну вот, теперь я полностью в вашей власти. Я позвонил Юрию Владимировичу и сказал ему, что еду к вам.

- Вероятно, вы сказали, что едете к ортопеду?

- Нет, я сказал, что еду к вам. Юрий Владимирович вас знает.

Иону поплохело. В кошмарном сне не могло присниться, что его знает председатель КГБ товарищ Андропов.

Этика врачевания. Тысячи плановых операций разной сложности Ион сделал за долгие годы врачебной деятельности. Но не было ни одной операции, к которой бы он не готовился заранее, стараясь предусмотреть все возможные неожиданности.

Самое главное у врача - умение думать, ну и, разумеется, сострадание. Но одно сострадание без умения думать никогда не сделает из человека врача - думательный процесс одна из основ врачевания, постановка диагноза на основании дифференцирования. Постановка дифференциального диагноза, которую Ион демонстрировал молодым врачам, это и есть ежедневная работа, с которой начинается любой лечебный процесс.

А у врачей, окончивших израильские университеты, теоретический уровень вообще высочайший. Но делает ли такой теоретический уровень всех врачами в представлении Иона об этой профессии? Можно поступить на медицинский факультет университета, имея очень высокий IQ. Можно с блеском сдать многочисленные экзамены - свидетельство приобретения знаний. Можно сохранить эти знания, имея хорошую память. Можно уметь думать, но даже все это не создаст врача, если у человека, получившего профессию медика, нет еще одного, вероятно, врожденного качества, наличие или отсутствие которого в настоящее время нельзя обнаружить у абитуриента, поступающего на медицинский факультет.

Знание и умение думать - два неперенных качества, без которых вообще невозможно врачевание. Знания приобретаются в процессе учения. В усвояемости их и запоминании не может быть сомнений, если учесть, что на медицинский факультет могут попасть только сплошные гении, как шутя квалифицируют их студенты других факультетов. Умение думать в большей или меньшей мере функция времени. Шесть с половиной лет специализации после получения врачебного диплома, которые завершаются очень серьезными письменными экзаменами, позволяющими получить диплом специалиста, общение с опытными коллегами, анализ собственных ошибок при лечении многих сотен и даже тысяч больных. Короче говоря, два необходимых врачу качества можно приобрести. Но достаточно ли этого, чтобы стать хорошим медиком? Речь идет о сострадании. И главное - это качество отсутствует у профессора, обучающего студентов.

Увы, нет еще теста, позволяющего выявить наличие или отсутствие сострадания у абитуриента, поступающего на медицинский факультет. Нет еще возможности закрыть двери медицинского факультета перед абитуриентом, не обладающим чувством сострадания. Никогда такой человек не будет настоящим врачом. Он может стать вполне компетентным профессионалом, но Врачом (с большой буквы) он никогда не будет.

Но ведь профессор смотрит на больного только как на объект, подлежащий ремонту. Он ничем не отличается от хорошего, скажем, слесаря-лекальщика, работающего над сложной деталью. Он забывает о том, что человек не металлическая болванка, что кроме тела, состояние которого определяется качественными и количественными анализами, есть еще невидимая непонятная душа, определяющая личность.

Вооруженный знаниями и опытом профессор умеет поставить точный диагноз и назначить курс лечения наиболее благоприятный для положительного исхода. Чего же более? - Спорили иногда с Ионом его друзья-медики. - Разве не это функция врача? Это. Но этого мало. Это не вписывается в понятие: и с к у с т в о в р а ч е в а н и я. Даже высокий профессионализм это еще не искусство, неперенным компонентом которого обязательно является душа.

Ион работал в детской костнотуберкулезной больнице. Нелегка работа врача-ортопеда. Не говоря уже о бессонных ночах, о многочасовых стояниях за операционным столом,

о слесарной и столярной работе на человеческом теле, об общении с родственниками умершего пациента. Ох, как это трудно! Представьте себе, что в дополнение ко всем подобным тяготам чувствует врач, днём и ночью находящийся рядом с увечными детьми, страдающими не только от боли, но и от тех самых мучительных мыслей. А каково несчастным детям в тяжёлых гипсовых повязках от груди до кончиков пальцев ног после сложных операций на костях и суставах? А каково детям, неподвижным, прикованным к гипсовым кроваткам. Ион был счастлив, когда узнал, что дети прозвали его Доктор-не-болит. Не получал он в жизни большей награды. Это будни профессии врача. Он поступал так, как должен поступать каждый врач. Но перед большинством врачей у него имелось «преимущество» - его инвалидность. Она ставила его на одну доску с маленькими пациентами.

Прозрение

Прозрение Дегена носило затяжной характер. Рядом с Ионом не было человека, который мог бы хоть как-то ослабить процесс «промывки мозгов», начавшийся, кажется, ещё в детском садике. Отец его умер очень рано, когда Иону было всего три года. Его мать была женщиной с догматическим мышлением, раз и навсегда беззаветно поверившей в преимущества советской власти, и ничто уже не могло её переубедить. Родственники по линии отца, которые, несомненно, могли повлиять на Иона, порвали отношения с ними ещё при жизни отца. Возможно, впервые зерно сомнения в справедливость советского строя заронил в Иона его друг Шулим Даин ещё накануне войны. Но, если так, то проросло это зерно очень медленно.

С первых дней войны даже он, шестнадцатилетний юноша, обратил внимание на плохую организацию обороны: постоянно поступали приказы – отступить на новые позиции, а потом вообще перестали поступать какие-либо приказы, и приходилось уже выходить из окружения. Отступить продолжали и в 1942 году. Но ведь многие и до сих пор верят, что виной было вероломное нападение гитлеровской Германии. А девятнадцатилетний Ион, вряд ли, осознавал, что причиной, по которой представления его к званию Героя Советского Союза не удовлетворялись, являлся антисемитизм. А вот то, что многие коммунисты, которые всегда должны были быть впереди, оказывались не только трусами и карьеристами, но ещё и мародерами, замечал он определенно. Сильно повлияло на Иона, который не привёз с войны ничего, кроме немецких пуль и осколков в своём теле, обвинение его в 1945 году в мародерстве. Впервые Деген понял, что источником антисемитизма служит ЦК его родной коммунистической партии Украины, при трудоустройстве после окончания института в 1951 году. Правда, в Москве в ЦК КПСС его внимательно выслушали и помогли. И лишь после сообщения о деле врачей-отравителей в январе 1953 года Иону стало ясно, что всё исходит из центрального аппарата КПСС.

Не остался без внимания и урок, который ему преподнес пятнадцатилетний сын, с выводами которого Иону пришлось согласиться: Ленин породил Муссолини в Италии, а Гитлера и, стало быть, Вторую мировую войну породил Сталин.

Ион, когда раненый выходил из окружения, сохранил свой комсомольский билет, бережно укутав его в вощеную бумагу, чтобы он, не дай бог, не промок. Во всех подразделениях он был самым молодым. Под его командой уже были коммунисты, а он ещё оставался комсомольцем. Но, наконец, настал счастливый момент, когда на партийном собрании батальона парторг вручил ему партбилет. Помогал ли ему в бою партбилет? Деген утверждал, что был трусом. Но коммунист ведь должен быть всегда впереди. К тому же никому не должно было прийти в голову, что еврей **трус**, и он первым лез на встречу со смертью. И его все считали смелым.

Правда, уже на фронте у него иногда возникали сомнения, все ли коммунисты всегда впереди?

Например, в 1942 году на Северном Кавказе комиссар дивизиона бронепоездов батальонный комиссар Лебедев ни разу не был в бою. Но тогда Ион был ещё комсомольцем. А вот, будучи уже коммунистом, в 1944 году, он знал, что заместитель командира их танкового батальона по политчасти, майор Смирнов, не только трус, но ещё и мародёр, и вообще сволочь.

Но, вероятно, по причине своего малолетства он не понимал, за что гвардии майор Смирнов награждается орденами, и почему его повысили в должности, назначив заместителем командира полка тяжёлых танков по политчасти. Однако были и другие. Были освобождённые парторги, которые лезли в самые опасные дыры в бою. А вот награждали их не очень. Один из таких дал Дегену рекомендацию в партию. И ещё командир танка гвардии лейтенант Толя Сердечнев, и начальник боепитания гвардии капитан Вихров дали Иону характеристики. Капитан Вихров - тыловик, но почему-то всегда оказывался рядом с танками.

Тем не менее, возникавшие у Дегена время от времени ещё на фронте сомнения относительно принадлежности коммунистов к передовому отряду не изменили его, и он вернулся с войны всё тем же «железобетонным» коммунистом. Но последовавшие затем события - от убийства Михоэлса до дела «врачей-отравителей», а также перипетии с его трудоустройством, - сделали своё дело. Внес свой вклад и его пятнадцатилетний сын. Однажды он вышел из своей комнаты с раскрытым томом произведений Ленина.

- Ты читал эту статью?

- Какую статью?

- «Партийная организация и партийная литература».

- Конечно, читал.

- Так чего же ты говоришь, что родоначальник фашизма Муссолини? Эта статья написана в 1916 году. Вот где истоки фашизма. А ты считаешь, что у твоего Ленина нимб вокруг лысины.

- Как ты смеешь?! - Закричал Ион.

- У тебя нет ничего святого!

- Почему это нет? Ты же сам меня учил, что истина - это святое.

Ион корил себя за то, что продолжал исправно платить членские взносы и посещать партийные собрания, если не удавалось придумать уважительную причину, которая позволила бы отсутствовать на собрании.

И как раз в эту пору произошло самое нелепое событие в его жизни. Шло отчетно-выборное собрание партийной организации больничного объединения, в котором работал Ион. Он уже не мог вспомнить, почему именно в тот день у него на пиджаке была колодка орденов и медалей. Но, конечно, не в честь собрания.

Он выступил в прениях по поводу необходимого нововведения в практику их хирургического отделения, надеясь, что таким образом ему удастся преодолеть сопротивление Главврача больницы.

На собрании, как водится, присутствовал представитель райкома партии, инструктор, начавший работать в этой должности буквально накануне. Ему понравилось выступление Иона. А выступавшие вслед за ним, произносили его фамилию не совсем чётко и с неправильным ударением - не Деген, а Деген. Инструктор же и вовсе услышал не Деген, а Дегян. Армянин, значит. И при выдвижении кандидатов в члены партийного бюро инструктор назвал Иона.

Деген отбивался руками и ногами, - ничего не помогло. Инструктор настоял, а коммунисты охотно проголосовали за него. Так Ион попал в партбюро. Но этим не кончилось. Тут же после собрания инструктор оставил новых членов бюро, чтобы

избрать секретаря партийной организации. И хотя теперь уже не только Ион, но и Главврач мужественно сражались, чтобы предотвратить скандал, инструктор, вопреки их сопротивлению, добился избрания Дегена секретарём партийной организации. Наверное, не было в Советском Союзе человека более неприспособленного к исполнению такой обязанности. Даже со сбором партийных взносов каждый месяц у него возникала неувязка. То на рубль больше, то на рубль меньше. Шло время, а на бюро райкома его не вызывали и не утверждали. Дело в том, что с первым секретарём Печерского райкома партии товарищем Калиниченко у Дегена давненько были особые отношения. Он ненавидел Иона с тех пор, как на партийном активе города Киева после XXII съезда партии Ион позволил себе критику в его адрес - делегата XX и XXII съездов.

Ежемесячно, когда Деген сдавал в райком партийные взносы, он входил в просторный кабинет первого секретаря и от порога восклицал: «Да здравствует ленинская национальная политика!» Это, конечно, «способствовало» повышению градуса любви к нему первого секретаря Печерского райкома партии, в подчинении которого были партийные организации Верховного Совета, Совета министров, областного управления КГБ, республиканской прокуратуры и других не менее высокопоставленных организаций.

Итак, прошло четырнадцать месяцев, а Ион всё ещё оставался не утверждённым, единственным из сотен секретарей партийных организаций Печерского района. Иону это нравилось. И вот наступил день отчётно-выборного партсобрании. В это трудно поверить, но на собрание в качестве представителя райкома пришёл не инструктор, даже не третий секретарь, а сам лично товарищ Калиниченко.

- Слово для доклада, - сказал председатель собрания, - предоставляется секретарю партийного бюро товарищу Дегену.

- Уважаемые товарищи, - начал Ион, - в течение четырнадцати месяцев райком партии не успел утвердить меня в должности секретаря партбюро больницы. Таким образом, присутствующий здесь первый секретарь Печерского райкома партии может подтвердить моё право не делать доклад. Но, в отличие от товарища Калиниченко, я уважаю моих товарищей по совместной работе в больнице, и сделаю доклад. Каждый мог растолковать эту двусмысленность как угодно. Мол, речь идёт не о том, что Деген не уважает товарища Калиниченко, а о том, что тот не уважает его товарищей по совместной работе в больнице, избравших его секретарем. Закончился отчётный доклад. Закончились прения. Выдвинули кандидатов в члены партбюро. Приняли самоотвод Иона, и в список он, слава Богу, не попал. Счётная комиссия удалилась подсчитывать голоса.

Товарищ Калиниченко одиноко сидел за столом на сцене, ожидая результаты выборов. В зале бездельничали коммунисты. Кто-то попросил Иона прочитать что-нибудь. Речь, разумеется, шла о поэзии. Сидя в четвёртом ряду, недалеко от сцены, он начал читать поэму, не отводя взгляда от товарища Калиниченко.

В тот вечер закончились самые нелепые, самые лживые четырнадцать месяцев в жизни Иона. В досье И.Л. Дегена в КГБ появилась очередная запись о его нелояльном отношении к советской власти. Неизвестно, кто донёс – сам ли товарищ Калиниченко, или кто-то из больничных стукачей.

Тем не менее, Ион продолжал оставаться членом партии вплоть до самого отъезда в Израиль в 1977 году. Лишь читатель, не знающий советской системы, может удивиться, какого же черта Ион столько лет с таким настроением продолжал оставаться членом этой партии.

Как объяснить, что его гражданское мужество было заблокировано заботой о сыне, которому пришлось бы расплачиваться за то, что его отец получил удовлетворение, хлопнув дверью?

Хотя через несколько дней после Шестидневной войны его партийность чуть не окончилась по независящим от него обстоятельствам. В партийной организации больницы, в которой работал Ион, был некий Кочубей, член партии с 1929 года. В 1937 году он лишь две недели отсидел в тюрьме. Уже это наводило на размышления. Он оставался единственным партийцем, прикрепленным к больничной организации, не имевшим никакого отношения к медицине. Был он отставным подполковником. Избавиться от него не разрешал райком партии. Ясно, что райкому не разрешает другая, не очень партийная организация.

Через несколько дней после шестидневной войны Деген с ним поспорил по какому-то очередному поводу. Ссора происходила в присутствии врача-еврея, весьма уважаемого в больнице. Желая основательнее уязвить Иона, Кочубей сказал:

- Такие, как вы, служат Израилю.

Деген поблагодарил за комплимент, объяснив, что завершившаяся война отчетливо показала, кто служит Израилю. А вот такие типы, как Кочубей, одинаково плохо, хоть и очень старательно, служат в зависимости от обстоятельств то советской власти, то немецким фашистам, то Петлюре, то Махно, то вообще кому годно.

Потом, при разбирательстве возникшего дела, врач-еврей с деликатно-заискивающей улыбкой на интеллигентном лице изворачивался, извиняясь по поводу того, что не расслышал, говорили ли что-нибудь об Израиле. На бюро Печерского райкома, в присутствии, примерно, ста человек, устав от лицемерия, Ион высказал все, что думал об этом разбирательстве и о деятельности бюро, и о личности секретаря райкома, как представителя власти, и о самой власти. Результатом, в лучшем случае, должно было стать исключение из партии. Но его почему-то не исключили, а только дали строгий выговор.

Его членство в партии ограничивалось ежемесячной уплатой взносов и нерегулярным присутствием на собраниях, во время которых он читал что-нибудь интересное, чтобы не слышать очередной болтовни. В течение последних двух лет он побил своеобразный рекорд, умудрившись ни разу не быть на собрании. Отговаривался то плохим самочувствием, то срочной работой. Его как-то терпели. Может быть, потому что в это время он был уникалом - единственным доктором наук на поликлинической работе, к тому же руководителем нескольких диссертантов.

И вот в один прекрасный июньский день Ион вручил секретарю партийной организации заявление, в котором было написано, что, так как он навсегда покидает пределы Советского Союза, то по уставу партии не может быть ее членом. Ион отдал партбилет секретарю, объяснил, что отныне он уже не коммунист, и поэтому самое удобное для всех решение - тихое получение нужной для ОВИР'а справки о том, что он исключен из партии. Она тихо согласилась. Но на следующий день, смущаясь, сказала, что председатель партийной комиссии райкома требует созыва партсобрания. Началось собрание. Секретарь прочла заявление Дегена. Наступила продолжительная тишина, - желающих выступить не было. Кто-то сказал:

- Чего там выступать. Исключить и кончено.

- Но райком требует протокол с выступлениями.

Поскольку никто выступать не хотел, секретарь сама подала пример:

-- Товарищи! Деген неоднократно нарушал трудовую дисциплину. Поэтому я предлагаю исключить его из коммунистической партии как сиониста.

Ион с места подал реплику:

- Что касается трудовой дисциплины, то вы совершенно правы. Но, что касается сионизма, то во время наших интимных отношений я вам ни разу не сказал, что еду в Израиль. А вдруг я направлюсь в Данию, как тогда быть с сионизмом? Секретарь растерялась. Она не могла сообразить, как ответить, стараясь понять, что Ион имеет в виду под интимными отношениями.

И тут на выручку своему лидеру пришел хороший советский еврей. В последнее время Иону в глаза бросалась удивительная закономерность: чем хуже врач, тем он активнее на собраниях. До глубины души возмущенный отъездом еврея, он задал вопрос о причине этого отъезда.

Вежливо улыбаясь, Ион ответил:

- Вас удовлетворит, если я скажу, что причина - воссоединение семьи?

На бюро райкома всё повторилось. Деген вовсе не собирался подробно объяснять мотивы, причины и все прочее, что пролило бы свет на истинную дату принятия решения об отъезде. Поэтому Ион кратко ответил, что решение было принято в январе. Тут же второй секретарь райкома, хорошо известный своими открыто антисемитскими выступлениями на различных партийных собраниях, человек, не сомневавшийся в своей безнаказанности, повторил:

- В январе, да это у него от рождения!

Деген медленно поднялся.

- Как вы сказали? От рождения? То есть, это в крови у них у всех? Что здесь происходит? Кто-то спросил о причине моего отъезда. Нужно ли объяснять причину, если даже в этом учреждении, где декларируется интернационализм, на заседании бюро райкома, идейный руководитель, секретарь, ведающий пропагандой, позволяет себе фашистский выпад. В крови это у них у всех? В шестнадцать лет я пошел на фронт воевать против этой фашистской формулы о крови. На заседании парткомиссии он, - Деген кивнул в сторону другого члена райкома, - посмел прочесть гнусную анонимку, в которой написано, что я вступил в партию из карьеристских соображений. Какие это были соображения? Первым пойти в атаку? Первым пойти в боевую разведку? Карьера первым получить фашистскую болванку?

В течение двадцати минут, не перебиваемый ни разу, Деген говорил такие вещи, которые раньше опасался высказывать даже в кругу относительно проверенных людей. Когда он умолк, первый секретарь долго переключивал на своей кафедре какие-то бумаги, потом сказал:

- Вот видите. Вот вы приедете в Израиль и расскажете все то, что сейчас рассказали. Ведь это же антисоветская пропаганда.

- Во-первых, - ответил Ион, - материал для этой пропаганды, как вам известно, был организован не мною. Во-вторых, здесь кто-то правильно сказал, что я уже не юноша, а мне предстоит начинать жизнь сначала. Для пропаганды у меня просто не будет времени. Вот пошлите в Израиль его, - он ткнул пальцем в сторону второго секретаря, - посмотрите, какой антисоветской пропагандой он займется.

Прощание с родиной, за которую пролито столько крови

В самом начале 1960-х годов Деген расстался с коммунистическими иллюзиями. Свидетельством могут служить такие строчки: «Зачем с пелёнок верность лживой вере?// Зачем на смерть ушёл его отец?». «Страстным и несбыточным желанием// Уничтожить правящие рожи». (1961 г.) «А я? Смогу ли я писать, //Затёртый льдами соц. литературы?» (1962 г.)

И Деген начинает верить в возможность нового Исхода. Разумом он понимал, что это несбыточно. Но ведь свершилось же чудо Исхода из Египта. Почему бы не свершиться еще одному чуду?

Все, сказанное в конце книги Левит свыше 3500 лет тому назад о карах, которые Всевышний обрушит на головы евреев за их непрерывные нарушения союза, сбылось. Но дальше Господь говорит, что Он вспомнит свой союз с Яковом, Ицхаком и Авраамом, и вернет уцелевших евреев на обещанную им землю. Начало сбываться и это обещание. Возникло государство Израиль. Уцелевшие евреи стали возвращаться в

свое государство. Почему бы Всевышнему не вспомнить, что и он – один из этих уцелевших евреев?

Деген стал жить этой, казалось бы, неосуществимой мечтой, не реагируя на добродушное подтрунивание своих друзей по поводу благополучия его рассудка после травмы головы. Чудо обязано повториться. Почему бы еще не при его жизни?

Поэтому, когда в 1966 году он начал заниматься темой своей докторской диссертации, ему уже было предельно ясно, что его будущее в Израиле, где нет надобности в четвертой научной степени. А значит, исход диссертации, утвердит ли ее ВАК или завалит, не имел для него особого значения. Он рассматривал весь этот процесс как азартную игру, как соревнование на преодоление препятствий, с которыми приходится сталкиваться еврею в Советском Союзе. И эта игра ему нравилась.

После того, как сын Юрий, единственный еврей, был принят на физический факультет Киевского университета, после заслуженных поздравлений, он объявил родителям: - Я вас очень люблю. Сейчас мне еще трудно представить себе жизнь без вас. Но в тот же день, когда я окончу университет, немедленно подам заявление на выезд в Израиль. А вы - как знаете.

Эта фраза явно омрачила праздничное настроение жены Иона Люси, но зато наполнила сердце самого Иона гордостью за сына.

Слово свое Юрий сдержал буквально. На следующий день после получения диплома он вместе с родителями отнес в ОВИР вызов из Израиля. Был сделан первый и самый важный шаг по пути в страну, где нет ни тайной, ни явной процентной нормы для евреев.

Мытарства сына Иона, Юрия начались ещё за шесть лет до окончания им школы. В 1965 году, когда Дегены переехали на новую квартиру, Ион пошел устраивать сына в школу. Директор окинул его пренебрежительным взглядом и сказал, что мест нет, и ему следует обратиться в соседнюю школу. Деген, зная, что это ложь, заставил директора выслушать достаточно настойчивое требование о правах его сына, живущего в районе обслуживания школы, примерно, метрах в трехстах от нее. Если же у директора есть какие-нибудь субъективные мотивы отказа, - предупредил Ион - их придется оставить за стенами служебного кабинета.

Однако речь Дегена не произвела никакого впечатления на директора школы. Во всяком случае, внешне, он остался абсолютно спокойным и непробиваемым.

- Нет, и еще раз нет. Можете жаловаться на меня в РАЙОНО.

Не спрашивая разрешения директора, Деген из его кабинета позвонил, но не в РАЙОНО, а секретарю Печерского райкома партии. Спокойствие тут же слетело с лица директора. На его физиономии было явно написано недоумение по поводу того, что какой-то еврей так разговаривает с самим секретарем райкома, с человеком, от которого всецело зависел директор. Его явно смутил тон телефонной беседы. Откуда было ему знать, что секретарь - пациентка Дегена. Секретарь райкома в резкой форме приказала директору школы немедленно принять сына Дегена.

Но что это была за школа! В одном классе с его сыном училась дочь секретаря ЦК КП Украины, сын министра просвещения, дочь заведующего отделом ЦК, сын заместителя генерального прокурора, дети видных чинов КГБ и МВД. В классе на год старше учился внук председателя президиума Верховного Совета Украины. Уже в двенадцатилетнем возрасте это был законченный негодяй с садистскими наклонностями. По части антисемитизма он был прямым наследником своего деда. К моменту окончания школы внук стал просто социально опасной личностью. Лишь немного уступали ему отпрыск министра просвещения и наследник заместителя генерального прокурора. Кроме сына Дегена, в классе учились еще два еврея - внук

персонального пенсионера, в прошлом видного чекиста, каким-то образом уцелевшего в сталинские времена, и дочь подполковника милиции.

И вот эту школу для «избранных» Юрий окончил с золотой медалью. В 1971 году! В Киеве! Золотая медаль не была самоцелью, не была она и прихотью тщеславных родителей. Она должна была обеспечить возможность поступления в университет. Юре еще не исполнилось двенадцати лет, когда Ион объяснил ему, что «в Советском Союзе у них могут забрать все - имущество, средства существования, свободу и даже саму жизнь. Но есть единственное, чего забрать у нас не могут - знания. Накапливай их, чтобы у тебя было то, чего нельзя забрать».

Юра завоёвывал призовые места на биологических и химических олимпиадах, но они оставляли его равнодушным. Зато физические и математические олимпиады он считал ступенями в будущее, так как уже в пятом классе решил стать физиком. Победы в семи физико-математических олимпиадах давали основание полагать, что выбор сделан им правильно.

Для поступления Юре нужно было лишь получить «отлично», сдав единственный экзамен - физику. Казалось маловероятным, что даже из самых антисемитских побуждений пойдут на явный скандал. Уровень подготовки Юры по физике ни у кого не вызывал сомнений. Для исключения любых неожиданностей в течение года он занимался у частного учителя физики, читающего в университете, и у одного из лучших учителей математики. Не только они, но и другие преподаватели и профессора университета, неофициально экзаменовавшие Юру, уверяли, что ему невозможно поставить оценку ниже отличной.

Для тревоги, казалось бы, не было оснований. Его экзаменовали около полутора часов. Два экзаменатора не скрывали своего раздражения по поводу того, что не могут загнать в угол мальчишку, которому только через три месяца исполнится семнадцать лет. Экзаменаторы, тем не менее, поставили четверку, то есть, снизив оценку на один балл, лишали Юру заслуженного права быть зачисленным в университет без сдачи других экзаменов.

Юрий написал заявление о том, что не согласен с несправедливой оценкой экзаменаторов. Апелляцию рассматривать отказались, и Юре пришлось сдавать математику. Письменную математику он сдал на отлично, а на устной не смог решить одну из предложенных задач, и ему поставили тройку. Но больше тройки его огорчило то, что он даже не представлял себе, как решаются подобные задачи.

Ион тут же обратился к своему пациенту, одному из лучших учителей математики в Киеве. Надо было видеть его реакцию! Человек очень деликатный он настолько вышел из себя, что впервые воспользовался ненормативной лексикой. Задача, которую не смог решить Юра, была из программы четвертого курса математического факультета, да ещё и одной из самых трудных. Пришлось Юре сдавать ещё и экзамен по украинской литературе.

21 августа 1971 года в списке поступивших на физический факультет Юра обнаружил себя - единственного еврея среди абитуриентов того года. На юридический, международный, исторический, филологический и биологический факультеты не приняли ни одного еврея.

До 1913 года в Киевском университете святого Владимира существовала процентная норма для евреев. Интересно, что *хитроумные жида* умудрялись каким-то образом превышать пяти процентную границу, установленную для них самым реакционным царским правительством.

Ровно через три месяца после подачи документов, девятнадцатого октября вся семья получила разрешение на выезд. Могли бы, наверное, получить и раньше. Возможно, в какой-то мере сам Деген установил этот срок. Часто во время телефонных разговоров

(которые, естественно, прослушивались в КГБ) ему задавали вопрос, не волнуется ли он, не получив еще разрешения.

Ион неизменно отвечал, что приемлемый срок - три месяца, что только по истечении этого срока, если, не дай Бог, к этому времени он не получит разрешение, придется начать принимать решительные меры.

В пасмурный октябрьский день всей семьей они пришли на инструктаж отъезжающих. Старший лейтенант милиции, знаменитая в Киеве Тамара Андреевна, такаяя двуспальная женщина, величественно стояла перед евреями, получившими разрешение на выезд, и изрекала, какие ещё подвиги они должны совершить, чтобы получить визу.

Деген почувствовал себя поверженным гладиатором на залитой кровью арене, над которым в орущем амфитеатре восседала белокурая матрона, милостиво поднявшая вверх большой палец руки. А могла повернуть и вниз. Как страшно рабство! Но еще страшнее, когда в рабство попадает еврей.

Перечисляя их обязанности, Тамара Андреевна велела уплатить по восемьсот рублей с человека, в том числе - пятьсот рублей за отказ от гражданства. Но почему? На каком основании? В каком заявлении он просил лишить его гражданства? Да еще содрать более чем трехполовинной месячную зарплату врача?

Это вопрос риторический. Он не задал его. Как не задавали никаких вопросов евреям, уезжавшим раньше, когда им приходилось непонятно почему платить ещё и десятки тысяч рублей за дипломы, хотя известно, что после трех лет работы специалист с лихвой возвращает государству средства, затраченные на его учение. Мрачный анекдот ходил в ту пору в Советском Союзе: «Какая самая выгодная область животноводства? – Жидоводство».

Забавный случай произошел в районном военкомате, куда Деген пришел сдавать военный билет. В третьей части без всяких проволочек приготовили справку, но почему-то не отнесли на подпись военкому, как это делалось во всех подобных случаях, а предложили Иону самому зайти за подписью. С военкомом они всегда были в самых лучших отношениях. Он и сейчас встретил Дегена весьма радушно, сразу же подписал справку и, крепко пожимая руку, сказал:

- Ну, всего хорошего. Надеюсь, скоро увидимся.

Двусмысленность этой фразы, улыбка на красивом цыганском лице, полковничьи погоны и планки орденов, а главное - место, где это было произнесено, поразили Иона.

Только сжигание архива заняло три дня. (Деген потом с болью вспоминал о своем архиве). Отражение многолетнего труда врача и естествоиспытателя. Рукописи его друзей поэтов. И многое, многое другое. Он задавался вопросом: зачем все это сжег? - только ли из-за предупреждения официальных лиц о том, что это не подлежит вывозу? Но ведь его так же предупреждали, что не подлежат вывозу ордена. Но он уже знал, что это ложь. Если бы ему было известно, что значительную часть архива можно переправить бандеролями!

Вероятно, не все бы дошло, как не все бандероли с книгами дошли. Но, авось, для таможенников и цензоров киевского почтамта бумаги из архива не представляли бы такого соблазна, как ценные книги. Ох, и воруя же эти таможенные цензоры! В конце октября выяснилось, что в Киеве нет досок для ящиков. Уже здесь, в Израиле Ион видел ящики с багажом, прибывающим из других городов Советского Союза. Различной величины, из нестандартных досок и даже из фанеры. В Киеве багаж принимали только в стандартных ящиках из двадцатимиллиметровых досок.

Нет ничего удивительного в том, что в стране обширнейших в мире лесов внезапно исчезли доски. Случалось и не такое. Глупо было бы усматривать в этом антисемитскую направленность. Но то, что, зная о невозможности отправить багаж, сотрудники ОВИР'а, издевательски посмеиваясь, настаивали на отъезде в срок, указанный в визе, было несомненно еще одним проявлением юдофобства.

Неожиданным препятствием на пути собирания многочисленных документов для ОВИР'а оказалась справка с места работы жены Иона. Неделю потеряли из-за этого никому не нужного клочка бумаги. Наконец, когда Люся вернулась домой со слезами на глазах, он пошел в ее институт и устроил там грандиозный скандал, такой, что даже у кадровички на ее гнусной физиономии выступили красные пятна. Справка была получена.

Наконец, 19 июля; после почти месячных мытарств по сбору требуемых бумажек, документы были приняты районным отделом ОВИР'а. Оставалось ждать и надеяться.

Участились телефонные звонки с угрозами. Деген попросил сына не ездить на велосипеде, так как в одной из телефонных угроз упоминалась большая вероятность дорожных происшествий.

Ион вовсе не собирался воевать с советской властью. Ему хотелось лишь побыстрее получить разрешение и уехать. Даже раньше, считая своим долгом агитацию за отъезд в Израиль, он делал это тихо, без лозунгов и демонстраций. Общение с сотнями людей давало ему возможность индивидуальной агитации. Случалось обжигаться. Улыбающийся и поддакивающий еврей торопился сообщить в КГБ о предмете его разговора с Дегеным. Узнавая об этом, Ион злился на себя и на всех евреев вообще, и на каждого еврея в отдельности. Потом входил в положение стучавшего на него человека: может быть, он просто торопился донести раньше, чем, как он опасался, Деген донесет на него.

Ион уговаривал себя быть более осторожным. Но как? Отказаться от рассказов об Израиле, адресованных и евреям, и неевреям? Хотя он и не в силах был сдержать лавину лжи о стране, которую уже считал своей, но хотел стать хоть небольшим камнем на пути этой лавины. Ему, конечно, здорово доставалось за это и от жены, и от друзей.

Однажды они втроем сидели в его комнате: Виктор Некрасов, Илья Гольденфельд и Ион. С детства Илья знал, что такое советская власть, ненавидел ее, но молчал, почти до самого своего выезда в Израиль не посвящая никого в свои планы. Деген и Виктор Некрасов претерпели эволюцию от идейных коммунистов до людей, задыхающихся от этого самого коммунизма. Некрасов мечтал о преображении любимой им страны, чтобы в ней могли существовать люди. Деген мечтал об Израиле.

Только что Некрасов обрушился на него за то, что Ион агитировал их общего знакомого при первой же возможности уехать в Израиль.

- Ну что тебе Израиль? Ну что тебе Египет? Что ты будешь делать там без меня?

- Ты прав. Действительно, без тебя мне будет трудно. Но, видишь ли, Вика, мне противно состояние, когда даже своего любимого друга я могу заподозрить в антисемитизме. Я вообще не хочу думать о национальности. В этом плане я хочу быть каплей, слившейся с множеством подобных капель в однородную жидкость.

Галутская психология еще прочно гнездится во многих израильтянах, и они с опаской втягивают головы в плечи, ожидая реакции окружающего нас враждебного или, в лучшем случае, безразличного мира на даже справедливые поступки Израиля. Как будто этим поступком объясняется аморальная реакция аморального мира.

Слава тебе, Господи, что этим говнюком ты не пополнил легиона наших собственных, накладывающих в штаны. Но тогда, в четверг, 10 ноября 1977 года он еще был в Киеве с израильской визой, полученной благодаря вызову из Израиля. Тогда в кабинете он единственный взялся помочь сотруднику ОВИРа:

- Вас же просят выйти. Зачем же вы мешаете работать?

Деген оставался внешне спокойным, общаясь с Тамарой Андреевной. Но тут он остервенел:

- Ах ты ничтожество! Ах ты раболепное дерьмо! Да ведь это такие, как ты, усыпляли несчастных евреев, гонимых на смерть в печи, в душегубки, в Бабий Яр! Такие, как ты, мешали им сопротивляться, чтобы хоть одного фашиста уволочь с собой на тот свет! Евреи, как вам не стыдно терпеть издевательство над собой? Кто разрешил ей устанавливать нам несколько несчастных дней от момента разрешения до отъезда?

Неужели вы не видите, что нас загоняют в своеобразное временное гетто?

Последние слова уже адресовались людям в приемной.

Деген не был ни диссидентом, ни активистом алии. Он вовсе не собирался публично обличать и призывать. Так уж получилось.

И тут появился старшина милиции:

- Чего вы тут нарушаете? Дома можете кричать на свою жену!

Мало того, что он оказался на пути в такую минуту, так он ещё и упомянул его жену, состояние которой в значительной мере определило эту минуту.

- Ах ты быдло! Тебе кто разрешил так разговаривать со мной? Что, надоело здесь, в тепле даром жрать хлеб? Снова в колхоз захотелось? Так я сейчас позвоню (Ион назвал фамилию министра внутренних дел) и завтра же ты будешь чистить хлев!

Старшина обомлел. Его примитивная физиономия стала воплощением растерянности. Все его воспитание заключалось в том, что кричать может только более сильный. Значит?.. Но ведь это уезжающий жид? А кто их знает.

Ведь среди них тоже есть люди из...

И старшина, поджав хвост, вышел из приемной.

За всем происходящим с явным удовольствием наблюдал один из видных киевских отказников, удобно примостившись на стуле в углу возле двери.

Кто-то распахнул окно, чтобы приобщить бурлящую улицу к происходящему в ОВИР'е.

Тут из кабинета явно преждевременно вышла очередная пачка евреев, в том числе, и облаянный Дегеным кандидат в граждане США. Их попросили оставить кабинет, так как из внутренней двери там появился начальник киевского ОВИР'а подполковник милиции Сифоров. А еще через несколько минут к Дегену подошла анемичная секретарша и, заикаясь, пригласила войти в кабинет.

Тамара Андреевна сидела с разбухшими от слез глазами. По комнате нервно вышагивал невысокий мужчина в сером гражданском костюме.

- Вы и есть знаменитый доктор Деген?

Не зная, что он имел в виду, произнося «знаменитый», Ион ответил ему в тон:

- Я и есть. А вы, вероятно, тот самый известный Сифоров?

Он несколько растерялся от такого ответа, но тут же собрался.

- Что это за митинг вы устроили? Может быть, вам нужна еще и трибуна?

- Спасибо. Если понадобится, то через десять минут она появится. И аудитория будет соответствующей - иностранные журналисты, которым я смогу поведать много забавных вещей. Например, рассказать, как ваше начальство даже сейчас пользуется моими услугами, в то время, когда рядовые советские граждане уже около четырех месяцев не могут ко мне попасть. Рассказать, как в киевском ОВИР'е грубо нарушаются советские законы, в том числе, Указ

Президиума Верховного Совета о том, что выездная виза действительна в течение года. Конечно, я понимаю, что не по своей инициативе вы нарушаете советские законы. Но когда большому начальству придется ответить на злобные выпады продажной капиталистической печати, очень удобно будет свалить все на какого-то сукина сына Сифорова, который вообще неизвестно чем занимается в ОВИР'е. (Произнося это, Ион не упрекнул себя в эпигонстве, потому что хорошо работающим методом не следует пренебрегать. Кроме того, «неизвестно чем занимается» прозвучало двусмысленно и явно пришлось не по вкусу начальнику.)

- Хорошо, приходите во вторник.

- Об этом не может быть и речи. В воскресенье сын едет в Москву с визой бабушки.

- Тамара Андреевна, сделайте к субботе.

- Но суббота не приемный день.

- Сделайте! - с раздражением повторил серый подполковник.

В субботу Тамара Андреевна встретила Дегена в коридоре. Ее можно было мазать на хлеб или прикладывать к ране вместо пластыря. Чтобы не затруднять его парой лишних шагов, она вынесла продленные визы в коридор.

Пойди, рассчитай после этого, когда тебе дадут пятнадцать суток за хулиганство, а когда пожалуют, как персону.

Друзья Дегена, приехавшие в Израиль на два года позже, вообще считают, что их отъезд непрерывной цепью везений, своеобразным продолжением его военной биографии. Как знать. Бессмысленно что-либо прогнозировать в такой стране. Даже в самых тривиальных случаях можно столкнуться не просто с неожиданным, но даже с невозможным.

За два дня до отъезда пришел попрощаться с Дегеном министр, который предоставил свою служебную Волгу, здорово облегчившую сбор многочисленных справок.

Он подарил Дегену изящный брелок - компас в виде земного шара.

- Вот вам на память от меня. Эта красная точка показывает север. Смотрите на нее там, в Израиле, и знайте, что в этой точке у вас остался верный друг. И вообще, як кажуть у нас, у запорижських казакив, хай тобі щастить.

Он перешел на смесь украинского с русским.

- И взагали, щось не в порядку с нашей системе, якшо такие, як ты, покидають нас.

В купе вошла представительница Сохнута.

- Здесь одна семья?

- Нет, - ответил Юрий, - здесь две семьи и едем мы в разных направлениях.

- Мы семьи не разделяем, - решительно заявила представительница.

- Так, - Юра продолжил свою речь, - здесь две отдельные семьи. Вот она, - он указал на бабушку, - одна семья, а вот мы - вторая. Мы едем в Израиль. Она едет в Америку.

- Понятно, - пробормотала дама, - вы едете в Америку, она едет в Израиль...

- Повторяю, - сказал Юра, - мы едем в Израиль, она едет в Америку.

На лице остолбеневшей представительницы Сохнута отразились недоверие и недоумение. Уже потом, за чашкой кофе она оправдывалась:

- Понимаете, ваше сообщение просто ошеломило меня своей невероятностью.

Обычно, молодые едут в Америку, а своих беспомощных престарелых родителей отправляют в Израиль. К этому мы уже привыкли. А тут вдруг... Нет, я до сих пор не могу прийти в себя!

Так Деген узнал о еще одной черте «благородных» евреев, - в знак благодарности к стране, извлекшей их на свободу, - они грабят ее бюджет, бюджет Израиля,

вынужденного для своего существования тратить на оборону треть национального дохода.

Перед отъездом из СССР главным врачом 13-й киевской больницы, в которой работал Деген, был только что демобилизованный армейский врач. Служака до мозга костей, просто-напросто этакий старшина роты, действовавший точно по уставу.

Летом 1976 года на имя Дегена пришло письмо-приглашение прочитать лекцию о лечебном действии магнитных полей на семинаре по теме: «Влияние магнитных полей на биологические объекты». Организаторами семинара были Томский медицинский институт, Томский политехнический институт и Томский университет.

Деген показал письмо главврачу и спросил его, сможет ли он поехать в командировку в Томск в ноябре месяце. «Нет денег» – глухо ответил главный врач. Деген даже остался доволен - нечего засвечиваться перед отъездом.

Шло время, и он забыл о приглашении. В один из мрачных дождливых ноябрьских дней Деген только вернулся с работы, как раздался телефонный звонок. Приятный женский голос:

– Здравствуйте, Ион Лазаревич. Сейчас с вами будет говорить министр здравоохранения, академик Петровский.

Щелчок. И уже мужской голос. Без обращения. Без приветствия.

– Вы, почему не в Томске?

Деген вспомнил, что сегодня день открытия школы-семинара.

– Главный врач не дал мне командировки.

– Немедленно вылетайте.

– Не могу лететь. Могу поехать поездом. – Примерно четыре дня езды из Киева до Томска. То есть, прибуду на следующий день после окончания школы-семинара.

– Это почему не можете?

– У меня осколок в мозгу, и я не переношу полётов. – В этой фразе правдой был только осколок в мозгу. На том конце провода минутное молчание. А затем:

– Не дурите. Вылетайте немедленно. – Щелчок. Разговор окончен.

На конгрессе ортопедов в Рио-де-Жанейро японский коллега рассказал Дегену, что за год до того телефонного разговора с министром-академиком он был приглашён на конгресс в Японию, в Киото. Все расходы – полёт, гостиница, взнос участника, содержание и местный транспорт – за счёт японцев. Даже небольшие карманные деньги – подарок императора Японии. Но Деген не имел об этом ни малейшего представления. Так вот именно академик Петровский подписал ответ, что, к сожалению, доктор Деген не может прилететь, так как у него в мозгу осколок, и он не переносит полётов.

Через несколько минут снова раздался телефонный звонок. Теперь звонил заместитель министра здравоохранения Украины, с которым Деген был в дружеских отношениях.

– Ион, иди к своему дурню и получи командировочные. Я заказал билет. До Москвы – сегодня вечером, а из Москвы до Томска завтра утром.

И Деген пошёл к «своему дурню», который сидел за своим столом красный, как варёный рак.

– Что ж вы мне не сказали?

– Сказал. И показал вам письмо из Томска.

– Идите в бухгалтерию и получите командировочные.

– Сколько?

– Как положено. Два шестьдесят в сутки.

– Нет, за такие деньги не поеду. – Впервые в жизни Ион проявил стяжательство и потребовал десять рублей.

– Положено два шестьдесят в сутки. Ничего другого не положено.

– А положено доктору медицинских наук работать рядовым врачом в больнице под вашим руководством? Так что, либо платите, либо сами летите в Томск.

– Ладно, идите в бухгалтерию, – с мучкой выдавил из себя главврач.

На следующий день после лекции, Дегена пригласил к себе ректор Томского медицинского института, академик академии медицинских наук, профессор Иннокентий Васильевич Торопцев. Поглаживая лысину, он без вступления сказал, что вскоре в институте состоится конкурс на замещение должности заведующего кафедрой ортопедии, травматологии и военно-полевой хирургии, и он хотел бы видеть на этом месте Дегена.

Деген за предложение поблагодарил, но сказал, что вынужден от него отказаться.

Академик Торопцев недоумённо глянул на него.

– Ион Лазаревич, я знаю, что вы работаете рядовым врачом. И это при вашем уровне. О вашем характере мне тоже кое-что известно. И, как подтверждение, – ваша лекция с явно антисоветскими закидонами. Кстати, мне, как вы выразились, антисемиту, они весьма понравились. И при этом отказываетесь от предложения, которому обрадовались бы профессора, занимающие кафедры во многих институтах? Ничего не понимаю.

– Дорогой Иннокентий Васильевич! Нет слов, выразить вам мою благодарность. Но я уже одной ногой в Израиле, где, обещаю вам, никогда не забывать о вашем предложении.

Они встали почти одновременно. Академик Торопцев подошёл к нему, молча пожал его руку и, помедлив, обнял.

После всех мучений Дегены, наконец-то, получили разрешение на выезд в Израиль. Из Еревана попрощаться с ними приехала профессор Рипсима Симонян и её сын, главный архитектор Армении Арцвин Григорян. Католикос всех армян Вазген передал с ними подарок - полулитровую бутылку без этикетки, завернутую в станиоль. И только верх горлышка венчала красно-сине-золотая шляпка фирмы «Арарат». За столом двенадцать человек: три супружеских пары, друг Иона без жены, Рипсима, Арцвин, и Деген с женой и сыном. И пол-литра на всю компанию. Незадолго до этого три супружеских пары и Деген с женой выпили три литра марочных коньяков. А тут пол-литра на двенадцать человек.

- Что это? - Спросил Ион.

- Сначала выпьем. Потом я объясню, - сказал Арцвин.

Они выпили. Вы знаете, что пили боги на Олимпе? Никакой ни нектар. Они пили этот напиток. Экстракт, бутылка которого добавляется в бочку «Ахтамар», чтобы получить букет, за который так ценят этот коньяк. Примерно месяц, до самого отъезда они с удовольствием нюхали бутылку, сохранявшую божественный аромат.

Последний день пребывания Дегенов в Советском Союзе. Утром они приехали в Чоп, станцию на границе с Чехословакией. Вымочаленные предотъездными делами, издевательствами властей и чиновников, они с естественной для советских граждан опаской, хоть уже не были советскими гражданами, думали о том, как пройдёт этот день до того счастливого момента, когда они покинут пределы великого и могучего. По их предположениям, таможене не к чему будет придраться. Правда, беспокоила палочка Дегена из стальной нержавеющей трубы, залитой свинцом. Поэтому, увидев утром таможенника с большой звездой на погоне с двумя просветами, Деген обратился к нему с просьбой взять его палочку, на кухне ресторана выплавить свинец, проверить, снова залить свинец и вернуть ему палочку, когда они будут проходить таможеню. Разумеется, вся эта работа будет им оплачена. Таможенник улыбнулся, снисходительно похлопал его по плечу и сказал: «Будьте здоровы, доктор». Деген не понял, что его больше

удивило – доброжелательное отношение таможенника, или то, что он был ему известен, хотя их пути нигде никогда не пересекались.

Успокоившись по поводу палочки, Ион задумался о том, что будет с акварелями его жены. Дело в том, что киевская таможня их не пропустила, посчитав культурной ценностью, которая не может быть вывезена из Советского Союза. Правда, можно было их купить у государства, обратившись в министерство культуры. Люся предложила выбросить их, пообещав, что нарисует ему другие. И лучше этих. Но ему нужны были именно эти. Он их любил. Многие рисовались в его присутствии в ту пору, когда «безмолвно, безнадежно, то робостью, то ревностью томим», он смотрел на любимую девушку, мечтая о том, что она будет его женой. Он и сейчас их любил. Короче, он их не выбросил, а положил в чемодан.

И вот тут с акварелями произошло то, что Люся назвала цирком. Как только таможенник увидел акварели, он сказал, что Киев-то их не пропустил. Всё знал. Деген ответил, что ему предложили обратиться в министерство культуры. Но смешно ведь врачу обращаться в министерство культуры по поводу своих любительских мараний. Кроме того, ему было известно, что в Чопе таможенники более компетентны, чем в Киеве. Порцией лести ему хотелось умаслить таможенников. «А разве это не рисунки вашей жены, архитектора?» - спросил главный из них. «Конечно, нет. Это мои рисунки» - солгал Ион. «Вы рисуете?». «Естественно. Хотите, я сейчас с закрытыми глазами нарисую вам Ленина?»

Перед ним на столе рядом с чемоданом появился листик бумаги. Таможенник дал ему шариковую ручку. У стола скопилась вся бригада таможенников, наблюдавшая за тем, как в течение нескольких секунд Ион, закрыв глаза, нацарапал силуэт бессмертного Ленина. На бригаду это произвело впечатление. Деген великодушно предложил им таким же манером создать портрет гениальнейшего Сталина. Таможенник попросил его оставить произведения ему на память. С царственной щедростью Ион согласился, увидев, как в чемодан возвращаются акварели.

Но этот «цирк» Ион вспомнил только попутно, потому что он предшествовал проверке его правительственных наград старшим лейтенантом - пограничником. Он аккуратно свинтил ордена с гимнастёрки, в которой был ранен Ион в последний раз, и внимательно сличил номера с теми, которые были напечатаны в орденской книжке. Затем так же аккуратно он привинтил всё на место и спросил:

- В каком звании вы были?

- Гвардии лейтенант.

- Лейтенант?! И у лейтенанта такие награды?! Аа-х да, вы же Деген.

Около двух часов ночи поезд пришёл на станцию небольшого словацкого города Кошице. Здесь Дегену должны были передать портфель с его картотекой, нелегально вывезенной за границу. Картотека была самым ценным его капиталом, не капиталом, а сокровищем. Компьютеров тогда у них ещё не было. Поэтому Ион всё реферировал на перфокартах. Не только статьи, но и книги. Поиск нужной карточки занимал у него секунды. Следовало только провести спицу через необходимое отверстие в перфокартах. Это значительно облегчало, а заодно и убыстряло создание научной работы. Тем более что, реферируя статью или книгу, он сразу же красными чернилами вписывал свои замечания или возникшие мысли. Нередко эти красные вписывания без всяких изменений становились частью статьи.

Поезд уже должен был отойти, когда из здания вокзала, пошатываясь, к поезду направились два человека. У одного из них в руках был портфель Дегена. Почему два, а не один? Что делать? Быстро подняться в вагон, пожертвовав картотекой, или подождать? Холод через пальто пробрался к его спине. А может быть, этот холод не имел ничего общего с морозной ночью? Тут тот, который был с портфелем, окликнул

Дегена. Он быстро подошёл, отдал ему портфель, попросил прощения за опоздание, - понимаете, выпили слегка, - и пожелал счастья. На ступеньку Ион поднялся, когда поезд уже тронулся с места. То, что он пережил в течение десятиминутной остановки поезда в Кошице, можно было бы описать только в специальном сочинении под названием «Страх».

На Родине по зову предков

Может быть, ещё в 1947 году Ион Деген впервые услышал этот зов предков, когда ему вдруг напомнили, что он вовсе не гражданин великого и могучего Советского Союза, а безродный космополит. Конечно, прямо никто ему не указал на это, хотя у него даже не было псевдонима, скрывавшего его еврейскую фамилию. Казалось бы, он столько сделал для своей страны, а, тем не менее, ощущал себя неуютно только потому, что его родителями были евреи.

А, может быть, это произошло тогда, когда они с другом, узнав о решении Организации Объединённых Наций в ноябре 1947 года о создании еврейского государства, написали заявление в Центральный комитет коммунистической партии о своей готовности воевать за это государство против английского империализма. Но вскоре вместо защиты этого государства партия и правительство занялись борьбой с безродными космополитами, к которым относились, естественно, Ион с другом.

Он уже знал, сколько крови пролили евреи, защищая свою страну, Советский Союз, в борьбе с германским нацизмом. Как-то ночью Ион, закрыв глаза, построил свой первый взвод, мальчиков из двух девярых классов. С ним тридцать один человек. Двадцать восемь евреев и три украинца. Остались он и Саша Сойферман. А вот какой евреи причинили вред своей стране на идеологическом фронте, ему ещё только предстояло узнать.

На войне ему время от времени приходилось слышать, что он хороший парень, хоть и еврей. И ратные подвиги его постоянно стремились преуменьшить, а воинскими наградами его удостаивали лишь потому, что подвиги его были настолько дерзкими, что о них говорили в бригаде, и совсем замолчать их было невозможно. Однако достоинство этих наград всегда оказывалось заниженным.

Так что же всё-таки, антисемитизм или зов предков повлиял на Иона? Или это зов предков передавался таким образом – через слова и действия антисемитов? Но так было не всегда. В 1944 году новый член экипажа его танка Захарья Загиддуллин представился как доблестный сын татарского народа. Он с гордостью говорил о том, что он мусульманин, и часто зачитывал цитаты из Корана. А что знал Ион о своём еврействе? Ни языка, ни истории, ни религии, ни древнейшей культуры своего народа, - ничего этого он не знал.

Но как он мог восполнить этот пробел? Поэтому и продолжал жить с закрытыми глазами. А ведь некоторые его друзья радовались, когда умер Сталин, значит, уже тогда многое знали и понимали. Ион на всю жизнь запомнил, как пришел с орденами и медалями на груди к своей институтской приятельнице. А её отец, критически посмотрев на Иона и указав на медаль «За победу над Германией» с профилем вождя, сказал: «Спрячь. Не надо, чтобы на тебе видели убийцу», - и перевернул медаль на другую сторону. Иона это просто взбесило: как можно назвать убийцей великого Сталина? Сам он очень печалился, когда умер вождь.

Почему только евреи, думал Ион, позволяют себя унижать? Нет, сам он никогда не давал спуска антисемитам и всегда выходил победителем в стычках с ними, но это не доставляло ему радости. Ему хотелось быть равным среди равных, быть в своей среде, ни в ком не подозревая скрытого антисемита. Из него постепенно стал выветриваться

пролетарский интернационализм. Теперь он с подозрением относился к неевреям, на каждом шагу ожидая от них неприязни.

Поначалу он испытывал стыд за то, что в нем произошла такая метаморфоза, стеснялся самого себя. После создания государства Израиля всё чаще Ион стал задумываться над тем, что еврей должен жить на родине предков, о которой он по-прежнему ничего не знал. И кто-то постоянно создавал условия, под влиянием которых постепенно менялось его мировоззрение.

Вот в ноябре 1956 года после операции резекции коленного сустава 16-ти летнему мальчику Ион пошел к главному врачу ругаться. Ведь такими инструментами работать было просто невозможно - их нужно было выбросить еще при Петре Первом. Главврач объяснила, что ничего сделать не может: нет денег и вообще... Тогда Ион сказал:

- Давайте закроем операционную.

- Идите, доктор Деген, работайте.

Ион разозлился:

- Скажите, а если бы мне вашего сына пришлось оперировать, вы бы хотели, чтобы я работал этими инструментами?

В ответ услышал:

- Беда с вами, евреями: здесь я с вами мучаюсь, на Синае египтяне страдают...

На Иона прямо столбняк напал - какие еврей, какой Синай, при чем здесь он?

Возмущенно хлопнув дверью, он вышел.

Моросил дождь, дворник убирал листья возле крыльца... Они пообщались - в отличие от начальства, младший персонал любил Иона. Откуда-то он узнал, что этот дворник – баптист, и попросил у него Библию. Так вот «вдруг» и был совершен первый шаг на пути от «железобетонного» коммуниста к верующему еврею.

До тридцати одного года Ион был таким же атеистом, как и большинство советских граждан, то есть, одним из адептов религии Атеизм. Потому что атеизм – это религия, отвергающая без всяких доказательств существование Творца. Зато верующего атеисты обвиняют в слепой вере в недоказуемое. Ион стал верующим человеком, хотя и не соблюдал все 613 мицвот.

Он был уверен, что мог бы на основании данных современной науки достоверно показать присутствие Творца, без которого существование, по меньшей мере, органического мира невозможно. У него не было представления, Кто или Что такое Творец, но он знал, что это не дед с бородой, изображённый на миллионах христианских икон. Ему ближе всего было высказывание Эйнштейна о Творце, - это Тот, кто установил и поддерживает порядок во Вселенной.

Первая ночь в Израиле. Ион в анкетах указывал, что у него нет родственников за границей. Но уже через несколько лет после войны его сводный брат, сын старого Дегена от первого брака, рассказал ему, что их сестра Бетя живёт в Израиле. Как брат мечтал о встрече с ней! Как он завидовал тому, что Ион её увидит!

И вот они обнялись и расцеловались! Старая женщина, ей исполнилось восемьдесят лет, но она всё ещё очаровывала красотой. И ещё потрясающим чувством юмора, звучащего артистически и на семи языках. Идиш, французский, немецкий и русский она вывезла, покинув Советский Союз. Прибавив румынский и английский, когда в 1940 году она репатрировалась из Бухареста в Палестину.

Приехали встретить Иона с семьёй его двоюродные сестры и братья, со своими детьми и внуками, друзья-однокурсники, бывшие пациенты. Супружеская пара приехала в аэропорт прямо со своей свадьбы. Молодожёна Ион увидел впервые. А женщина, ставшая его женой, была коллегой и пациенткой Иона, к тому же, сестрой его друга, который тоже вместе с женой был в этой толпе. Иона разрывали на части.

Людей, находившихся там в это время, явно удивил этот внезапно возникший митинг. Они даже задавали вопросы, что за персона прилетела? Время перевалило за полночь.

А неофициальный стихийный митинг не угасал. Более того, даже признаки его угасания не были заметны. Казалось, что многочасовое ожидание совсем не утомило встречавших. Таксист, грузинский еврей, чуть ли не силой извлёк Иона с семьёй из толпы и потащил к автомобилю.

«Приехали» – оповестил таксист. Из второго автомобиля вышли молодожёны и друг Иона с женой. Поднялись на второй этаж в скромно обставленную трёхкомнатную квартиру, в которой им предстояло прожить почти полгода.

Ион проснулся на рассвете и подошёл к окну. И тут же выскочил на балкон. И замер. Дыхание перехватило от проясняющегося зрелища. Там, вдали на юго-востоке, на скопление домов, в отдельности не различимых на таком расстоянии, пролился неопиcуемый свет. Не свет. Свечение! Не свечение. Сияние! Ион стоял околдованный, ощущая, как этот свет, это сияние по мере светления постепенно стекает с холма и добирается до него. И окутывает его, как... Как что? Нет, он не мог сформулировать своих ощущений. Но до чего же хорошо стало ему!

Он позвал жену. Может быть, она объяснит ему, почему в этой, казалось бы, серой, одноцветной неопределённости такая невероятная красота. В отличие от Иона, его жена профессионал, специалист, архитектор. Она отлично рисует. Жена, точно так же, как он, очарованная увиденным, объяснила, что рассвет в горах, действительно, зрелище очень красивое.

И без этого объяснения Ион знал, как выглядят рассветы в горах. Но это сияние никакого отношения к рассвету в горах не имело. Он видел изумительные рассветы в горах Кавказа и на Карпатах. А позднее он увидел рассветы в швейцарских и австрийских Альпах. И на Кордильерах от самой Аризоны до Айдахо. И дальше на север в Канаде, в Британской Колумбии. Он видел рассветы на Гималаях, когда солнце осторожно освещает вершину Джомолунгмы, а затем – вершины соседних восьмитысячников.

Да, всё это восторгает, всё это будит потоки, водопады положительных эмоций. Да, очень красива Земля! Краски, освещение, которое вправе назвать иллюминацией. Волшебные немислимые формы. Да, всё это грандиозно. Но нигде, никогда больше он не видел такого сияния, впервые увиденного в то ноябрьское утро. Нигде больше не видел того сияния, которое обняло северо-западную окраину Иерусалима и оттуда излилось на него.

Чему подобно это сияние? Он не знал. Северного сияния не видел даже тогда, когда они были в Анкоридже. Не повезло. Аляска не пожелала подарить им эту специфическую красоту. Зато однажды повезло увидеть совершенно потрясающее зрелище. Во время подлёта к Бангкоку, в котором их встретил тропический ливень, они увидели яркую радугу в форме огромного идеально правильного кольца, в центр которого влетел самолёт. Незабываемо! Но всё же никакого отношения вся эта красота не имела к сиянию над Иерусалимом.

Через несколько дней из Лондона приехала большая группа английских художников, евреев и неевреев. Все они в один голос заявили, что этюды Иерусалима не получаются. Художники никак не могут уловить какой-то необыкновенный необъяснимый свет. А без этого света иерусалимские этюды примитивнее неталантливых фотографий. Ну, слава Б-гу, не он один заметил этот свет.

В ту же пору, вскоре после приезда в Израиль он, врач, впервые услышал о двух психических заболеваниях, о которых не имел представления! Ни в учебниках, ни на лекциях в институте не было сказано об этом ни слова. Посттравматический синдром и Иерусалимский синдром.

Первое заболевание, неопиcуемый страх после боя, страдание, препятствующее дальнейшему участию в бою. Он, конечно, знал, что такое страх. Для этого ему не нужен был ни учебник, ни лекции. Но, возможно, такой страх он несправедливо считал

обычной трусостью. Ну, как это признать заболеванием? Значит, он тоже болел этим самым синдромом после ранения, или, когда выскакивал из подбитого танка? Здорово бы он выглядел, если бы посчитал свою трусость болезнью.

Что касается второго синдрома, Иерусалимского, он понял, что это какое-то психическое заболевание истерической природы, чаще всего диагностируемое у паломников. Вот однажды христианин из Австралии попытался поджечь мечеть Аль-Акса, сославшись на то, что это повеление Всевышнего. Прочитал ещё несколько прекрасно документированных описаний пациентов, страдавших Иерусалимским синдромом.

На свою голову он рассказал об этом заболевании жене. Ему даже показалось, что она могла заподозрить его приставания с требованием объяснить непонятное свечение симптомами начинающегося у него странного заболевания. Оказалось, опасения его были напрасными и необоснованными. Они даже несколько обидели жену. Хорошо, что у неё отличное чувство юмора. Однако это прекрасное сияние не повлияло на обычный ход времени, не остановило часов. Нужно было начинать жизнь нового израильтянина.

Вскоре в ульпане началось обучение ивриту. Семью Иона определили в начальную группу. Но на следующий день его сына перевели в продвинутую. А вскоре, в высшую, где учились приехавшие в Израиль уже с некоторым знанием иврита. Сын через две недели обратился по поводу поступления в докторантуру к профессору физики в институте Вейцмана, который занимался проблемами, знакомыми Юрию по дипломной работе в университете. Беседовали они по-английски.

– Хорошо, – ответил профессор.

- Ты в ульпане? Хорошо. Учи иврит. Позвони мне, когда уже будешь в состоянии как-то общаться на иврите.

Спустя три месяца Юра позвонил профессору. Ион в тот момент тоже оказался в канцелярии, откуда звонил Юра. На сей раз они говорили на иврите. Юрий напомнил о себе.

– Хорошо, передай ему, что я помню. Я же сказал, когда он начнёт общаться на иврите, пусть позвонит

– Простите, профессор. Мне не надо передавать. Это именно я обращался к вам.

– Ну, юноша, тебе не стыдно меня разыгрывать?

– Я не разыгрываю. Когда можно к вам приехать?

К сожалению, иврит жены Иона и его собственный не был таким продвинутым и совершенным. Учительницей в их группе была молодая милая Мири. Добрая, доброжелательная и добросовестная. В течение пяти часов ни слова не на иврите. В группе Ион был самым старым. Ему шёл пятьдесят третий год.

Мири, отмечая его успехи, поощрительно заметила: «Смотри, в таком возрасте, ты перегоняешь этих юных двойняшек из Ленинграда!» Иона это ввергло в двойное смущение. Домашние задания Ион не делал. Приезжали гости. Вероятно, представляя себе их бюджет, привозили и выпивку, и закуску. А чаще забирали к себе. Увозили показать достопримечательности Израиля. Но основное время занимали книги на русском языке, книги, о которых в Советском Союзе Ион и мечтать не смел.

А Мири и даже Шмуэль, директор ульпана, замечательный педагог, занимавшийся с сыном дополнительно, продолжали хвалить его иврит. Странно. Объяснить это было так же трудно, как объяснить непонятную красоту окраины Иерусалима.

После пяти месяцев изучения иврита в ульпане Иону предложили должность визитинг-профессор в Институте Вейцмана. Что это такое, он не имел представления. Ему объяснили, что научной работой в Институте он может заняться немедленно, как только получит грант. Но он не знал и что такое грант, а главное, где его получают?

Дегену пришлось объяснить, что он врач, что ему нужны только два биохимика для завершения очень интересного исследования.

Да, они поняли, что это действительно революция, и место для него и для его биохимиков обеспечат. Но приборы, реактивы и всё прочее... Короче, ему следует найти грант. Ион не нашёл и не искал этот грант, потому что даже китайские иероглифы, которые он хотя бы видел, были ему понятнее, чем организация научной работы в стране, где магниты, и магнетометр, и реактивы, и приборы, и всё прочее не воруют, а покупают.

Дегену предстояло убедить всех, кого надо было убедить в том, что его врачебный диплом не куплен, а получен на законных основаниях. Более того, эти законные основания позволяют ему получить ещё и диплом израильского специалиста. Но прежде нужно было получить диплом израильского врача, проработав три месяца в больнице.

Симпатичная чиновница, явно смущаясь, осведомилась, согласен ли Ион поработать в больнице не рядом с центром абсорбции, в котором они жили, а в другом городе. Ион немедленно согласился.

- Ну, в таком случае, слава Богу! Поезжайте в Кфар-Саву к профессору Комфорти.

- Комфорти израильтянин? – Удивился Ион. Толстый том «Оперативной ортопедии» профессора Комфорти в Киеве был его настольной книгой.

По солнцепеку Ион ходил по пять километров от своего дома до больницы. Ездить автобусом его капиталов не хватало. Да и своего дома у него, конечно же, не было. И даже своего угла тоже не было. Друзья на три месяца, пока он должен был работать в этой больнице, сняли для него комнату у семьи, которая на время уехала за границу. В квартире была открыта только одна комната, ванная и туалет. А что ещё нужно ему одному? Только переночевать. Жена с сыном были ещё в центре абсорбции под Иерусалимом. Квартира эта располагалась на последнем этаже четырёхэтажного дома. Лифта в доме не было.

Первая встреча с профессором Комфорти оказалась более чем сердечной.

- Деген, у меня не было представления о том, что вы еврей! Я очень внимательно следил за вашими публикациями. Знаете, мы пересеклись с вами в методике лечения болезни Пертеса.

Три месяца работы в отделении профессора Комфорти оказались для Иона компенсацией за все беды и унижения в течение двадцати шести лет его врачебной деятельности.

Пир, устроенный в его честь врачами отделения после завершения трёх месяцев работы, в памяти Иона остался одним из самых ярких праздников. В официальном документе, выданном ему Комфорти, кроме уверения в том, что Деген может возглавить ортопедическое отделение в любой больнице Израиля, была фраза «Деген не раз выступал против мнения отделения и доказывал свою правоту».

Поздравить Иона пришли его друзья-однокурсники, работавшие уже врачами в Израиле. Они не поверили, что в официальном документе может быть такая фраза. Зная твой характер, – говорили они, – мы ведь предупредили тебя, чтобы ты не открывал рта даже в случае, если заведующий отделением чёрное назовёт белым. Заведующему отделением в Израиле не возражают, если не желают быть вышибленными. А уж написать такую фразу! В Израиле подобного не напишут даже родному брату, уверяли они. Пришлось показать. Этот документ Ион хранил, как память о выдающемся враче и дорогом человеке – профессоре Комфорти.

Но был на банкете ещё один заслуживающий особого внимания момент.

Комфорти вдруг обратился к врачам и спросил:

- Рассказать ему?

- Можно, ответили они, он поймёт.

- Почему ты должен был приехать ко мне в Кфар-Саву из пригорода Иерусалима и три месяца жить вдаль от жены, от дома? Почему, не имея ни гроша, следовательно, лишённый возможности пользоваться автобусом, ты должен был пешком ежедневно вышагивать по пять километров в оба конца, так как больница к тому же не предоставила тебе жилища? А ведь причина хоть и подлая, недостойная настоящего врача, но, к сожалению, простая. Чиновница по трудоустройству обратилась к нашему коллеге, заведующему ортопедическим отделением больницы... (Комфорти назвал больницу и фамилию профессора), и сказала, что новый репатриант должен пройти банальную процедуру для получения диплома специалиста. «Пусть приходит» – ответил профессор. «Запиши фамилию врача – сказала чиновница. Деген». «Деген? Из Киева? Он в Израиле? У меня нет места».

Специалист - это не просто определение профессии. Это звание, положение на врачебной лестнице, как, например, в Советском Союзе ортопед высшей категории, кандидат или доктор медицинских наук. Получил Деген и диплом специалиста, мумхе. Он получил в Израиле признание как «внук по ортопедической линии» выдающегося ортопеда, венского врача Лоренца, который был фактически отцом европейской, следовательно, мировой ортопедии. А у Лоренца среди учеников лучшей была Анна Фрумина, ставшая выдающимся профессором-ортопедом. А у профессора Фруминой среди многих учеников любимым учеником был Ион Деген.

Однажды, когда Ион сидел в пустой ординаторской и зубрил медицинские термины на иврите, из пропускника сообщили, что его разыскивает какой-то американец. Ион спустился. Интеллигентного вида мужчина представился, вручив шикарную визитную карточку, в которой Ион успел прочесть только название известнейшей фирмы-гиганта. Русский язык его был каким-то античным, слишком правильным.

- Дорогой доктор Деген, я был бы вам премного обязан, если бы вы сооблаговостили принять моё приглашение пообедать со мной. За обедом мы могли бы обсудить все вопросы, с которыми я прилетел лично к вам из Филадельфии.

Они приехали в гостиницу Хилтон, в которой остановился мистер Даймондберг, так звали представителя американской фирмы.

- Дорогой доктор Деген, — сказал мистер Даймондберг, как только они сели за столик в ресторане.

- Я посмею нарушить ритуал и закажу соответствующее и для вас, так как сегодня ваш праздник. Мы, американцы отмечаем День Победы восьмого мая. Советский Союз празднует День Победы девятого мая. Сегодня ваш праздник.

- Итак, дорогой доктор, я представляю одну из величайших компаний. Имя у неё европейское, но компания американская. Есть у неё предприятия в Европе, есть в Азии и даже в Южной Америке. Руководство компании послало меня за вами. Вы нужны нам, как консультант. Пожалуйста, не перебивайте. Прежде всего, выслушайте меня. Давайте по порядку. Иврита, в отличие от английского, вы не знаете.

- Я и английского не знаю. — Мистер Даймондберг улыбнулся:

- У компании есть сведения о том, что вы вполне приемлемо беседовали по-английски с послом Нидерландов в Москве. Пожалуйста, не перебивайте. В Израиле вы уже пять с половиной месяцев. Жилища у вас нет. Вы в Кфар-Саве, ваша супруга и сын в Мавассерет Ционе. А в Филадельфии вам уже приготовлен вполне приличный дом, который, безусловно, при вашем положении вы смените на более роскошный. Ваша заработная плата в Израиле может рассмешить любого американского врача. У нас в компании вы будете получать всего лишь четыре тысячи долларов в месяц. Как говорят у вас, на семечки. Это примерно за полчаса работы в неделю. Остальное - ваша практика ортопеда, которая обеспечивает ваш эньюэл инком триста-четыреста тысяч

долларов. Я не ошибся. Это годичный доход ортопеда вашего уровня. Никаких проблем с практикой не будет, так как у вас уже есть лицензия американского врача.

- Кстати, каким образом? В Америке я не был, никаких экзаменов нигде не сдавал.

- Дорогой доктор, наша компания вполне состоятельна. Она может позволить себе обеспечивать грантами многие университеты и исследовательские институты. А у вас, кажется, есть пословица: «Кто платит деньги, тот заказывает музыку».

- Выходит, в Америке, как в Советском Союзе, можно купить диплом.

- Дорогой доктор, и ещё у вас, кажется, говорят, что детей всюду делают одним и тем же способом. Но ваши научные работы известны. А главное, известна ваша практическая деятельность. Кстати, привет вам от ваших благодарных пациентов, - он назвал фамилию киевских приятелей Дегена.

- Они довольно близкие мои родственники. Так что никакого обмана не было. Были только незначительные бюрократические нарушения, которыми, по заявлению выдающихся американских ортопедов, можно было пренебречь. Так что не переживайте. Никто вас ни в чём не сможет упрекнуть. Многие не поверят, но Деген, поблагодарив, отказался от столь заманчивого предложения. Он, еврей, уехал из Советского Союза, где материально был вполне обеспечен, потому что хотел жить в своей стране.

Прошло несколько лет. В Иерусалиме под квартирой замечательного врача-терапевта, однокурсницы Иона, произошёл взрыв. С тяжёлой травмой она поступила именно в то ортопедическое отделение, в котором для него не оказалось места. Ион с женой, услышав о взрыве, немедленно поехали навестить его однокурсницу. Один из переломов оказался обработанным ниже критики. Причём, перелом, при котором отломки кости легко и просто сопоставляются даже начинающим ортопедом. Оказалось, что отломки сопоставлял вовсе не начинающий ортопед, а сам заведующий отделением. Так он продемонстрировал своё особое отношение к популярной в городе коллеге, к тому же ещё – к врачу, обладающей третьей академической степенью. Реакция Иона, которого трудно обвинить в особой деликатности, была соответствующей.

Он тут же предложил свои услуги. Второй профессор улыбнулся и сказал, что читал статью Иона о новом способе сопоставления отломков при таком переломе. Но сейчас он сам исправит. Исправил. Прощаясь с Ионом, прошептал: «Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему бос не нашёл для тебя места в нашем отделении?».

Да, второй профессор, безусловно, был профессором. А заведующий отделением не может быть не профессором. Так почему же отделением не заведует второй профессор, а профессор, приехавший из Америки? Впрочем, в ту пору Ион уже кое-что слышал о сомнительных назначениях.

Прошло ещё несколько лет. К Дегену на костылях пришла женщина пятидесяти восьми лет с просьбой дать ей врачебное заключение, фактически – юридический документ, необходимый для подачи требования профессору-ортопеду о компенсации по поводу произведенной им операции, ставшей причиной тяжёлой инвалидности. Разумеется, это не из его кармана. У профессора есть страховка, которая оплатит причинённый им вред.

Оказалось, что женщина работала старшей операционной сестрой в том же самом ортопедическом отделении, шеф которого отказался взять Дегена. И оперировал её тот же профессор, заведующий отделением. До этого момента ничего необычного. Но, когда Ион услышал, что пятидесятивосьмилетней женщине сделана операция Чиари, которая показана только ребенку, максимальный возраст которого восемь лет, а не пятьдесят восемь, Ион осторожно спросил:

- Но вы ведь опытная операционная сестра. Неужели вам не было известно, что вы несколько старше восьми лет?

- Знала. И спросила боса. Но он уверил меня в том, что небольшая модификация позволит получить положительный эффект и в моём возрасте.

У Дегена не было ни малейшего сомнения в том, что профессор, репатриировавшийся из Америки, окончивший американский университет и американскую врачебную школу, не мог не знать, что такое операция Чиари, какие для неё показания и противопоказания. Как же он мог совершить подобное?

Женщина, к тому же медицинский работник, нуждалась всего лишь в медицинском заключении, без которого она не могла на бюрократических путях получить причитающуюся ей компенсацию по инвалидности. В медицинском заключении не будет даже приближающегося к нулю нарушения истины. Правда. Одна только, правда. Ничего, кроме правды. К тому же, в этот момент Ион отчётливо представил себе, почему профессор не пожелал его в своём отделении. Несмотря на это, Деген попросил прощения у обратившейся к нему пациентки и сказал, что медицинского заключения дать не может, - соблюдение коллегиальности. К тому же, в этом случае служба национального страхования может обойтись и без медицинского заключения. Но были у Дегена случаи, когда он обязан был официально выступить против коллеги. Как-то к нему обратилась медицинская сестра той же больничной кассы, к которой относился и Деген, но увидел он её впервые, так как работала она в другом городе. Несколько лет назад её сын, молодой танкист, прыгнув с танка, ушиб коленный сустав. В течение нескольких дней он терпел боль, не придав этому серьёзного значения. Но боль не прекращалась, и он обратился к армейскому врачу. Врач, ничего не обнаружив, посчитал солдата симулянтom.

Через полгода после травмы боли попытались ликвидировать физиотерапией.

Состояние молодого человека резко ухудшалось. Больного направили на консультацию опытного ортопеда. А примерно через полтора-два года после травмы диагностировали злокачественную синовиому, и ногу ампутировали на уровне средней трети бедра. Бывший танкист потребовал, чтобы его признали инвалидом Армии Обороны Израиля. Ему отказали на основании представленного Армией врачебных заключений двух профессоров-ортопедов.

Мать посчитала заключения Армии необъективными и подала в суд. По поводу беспристрастного объективного врачебного заключения она обратилась к Дегену. Он тщательнейшим образом изучил историю болезни и медицинские заключения профессоров.

Медицинское заключение, составленное Ионом, состояло из трёх пунктов. В первом он представился, обратив внимание на основное доказательство профессоров, что травма не является причиной синовиомы. Далее, не без лёгкого ехидства подчеркнув, что имел возможность наблюдать большее количество травм, чем наблюдали его уважаемые коллеги. Поэтому наблюдал синовиомы именно в результате травм. Кроме того, существует около тридцати видов синовиом. Какая именно из этих тридцати синовиом была у солдата? Уважаемые коллеги не знают. Не та ли, в этиологии которой именно травма?

Во втором пункте Ион подчеркнул, что не может обвинить врачей в том, что так поздно был поставлен диагноз. Ранняя диагностика синовиомы представляет большие трудности даже для опытного ортопеда. Но физиотерапия злокачественного новообразования причинили несомненный вред, что, безусловно, известно уважаемым коллегам. Они же, увидев причинённый больному вред, дали врачебное заключение против него?

И, наконец, моральный аспект. Злокачественное новообразование послужило причиной высокой ампутации ноги. Могут ли уважаемые коллеги предположить, сколько ещё,

несмотря на ампутацию, остаётся жить пациенту? И после всего этого отказать молодому человеку в минимальной компенсации, в признании инвалидом Армии Обороны Израиля?

Седовласый интеллигентного вида судья три врачебных заключения выслушал бесстрастно. Ни один мускул не дрогнул на его окаменевшем лице. Потом неторопливо прочёл всё написанное. Потом посмотрел на сидящих рядом авторов врачебного заключения, представленного Армией, и промолвил:

- Ваши имена, уважаемые профессора, мне известны. Вы справедливо популярны в Израиле. Профессора Дегена я увидел впервые. И, признаюсь, не слышал о нём ничего. Что касается иврита, то у вас он значительно лучше, чем у профессора Дегена. Но что касается врачебных заключений, то у профессора Дегена оно более убедительное, да и вступительная часть о его опыте, производит сильное впечатление. Это специалист. Поэтому суд вынес решение, что (судья назвал фамилию больного) является инвалидом Армии Обороны Израиля.

Подобное врачебное заключение стоило минимум две тысячи долларов. Но, поскольку заключение было дано инвалиду АОИ и по просьбе коллеги, Деген от гонорара отказался. Мать бывшего солдата-танкиста примчалась к нему, пытаясь уплатить гонорар. Ион отчитал её, сказав, что это позор, когда врач берёт гонорар у своих коллег или у членов семьи коллег.

- Да, - ответила медсестра, – но ведь в Израиле это принято.

Много лет спустя почти такое же Ион услышал от замечательного человека, профессора Арье Эльдада:

- По-моему, к сожалению, мы с тобой единственные в Израиле профессора, которые не берут гонорара у своих пациентов.

Ну, что же, печально.

Дегену приходилось время от времени обращаться к врачу-окулисту для проверки внутриглазного давления, чтобы продлить права на вождение автомобиля. Врач потребовала у него плату. Ион напомнил ей о клятве Гиппократата, хотя сумма была ничтожной для его бюджета. Окулист возмутилась и ответила, что Гиппократ жил две тысячи лет назад, а сейчас конец двадцатого века.

С осуждением, как и другие серьезные врачи, относился Ион и к медицинской рекламе в Израиле. Вообще, Израиль во многом оказался непохожим на тот идеальный Израиль, о котором мечтал Ион в Киеве. Тем не менее, он не готов был променять его на самое благополучное, на самое цивилизованное государство, понимая, что действительность нечасто совпадает с идеалом.

Но в чем он был абсолютно уверен, так это в отсутствии антисемитов в Израиле. В его «Молитве» есть даже такие слова: «За всё, Господь, благодарю, //... За то, что я живу в стране//Единственной, где нет фашистов». И вот оказалось, что и среди евреев, всяких там бейлиных, и среди 250 тыс. русских много антисемитов. Антисемиты в Израиле! В Израиле, куда он удрал от них, - они просто вызывали у него лютую ненависть.

А в то же время, когда слышал от украинских националистов, что Украина должна быть самостийной: москалей – к чертовой матери в Россию, а всех жидов без исключения – в Израиль, возражал:

– Но ведь евреи в Израиле не делают этого с арабами.

– Ну и говнюки, что не делают.

Размышляя о, так называемых, левых, Ион пытался представить себе, сколько среди них приехавших в Израиль бывших стукачей? Или сколько среди них людей, которых обстоятельства могли бы сделать стукачами? Обстоятельства, которые нельзя причислить к оправдываемым. Людей без «запрещающего реле», по выражению Иона.

Когда Дегены приехали в Израиль, лидером крайне левой партии был Яков Хазан. Умница. Благороднейшая светлая личность. Иона удивляло, как же такой умный человек не понимал, чему он служит? Ион тоже служил этому. Но когда? Это ведь было ещё в детстве. Гордился даже, считая себя чекистом, не зная даже элементарнейших вещей. Но Яков Хазан! Не ребёнок. Не юноша.

А Меир Вильнер, платный агент КГБ, «заработавший» в этой конторе 600000 (шестьсот тысяч) долларов. После развала Советского Союза по израильскому Телевидению был показан документ, подтверждающий этот факт. Так почему же Меир Вильнер не в тюрьме, а продолжает получать пенсию, как бывший депутат Кнессета? Следователь службы безопасности объяснил, что ТВ-картинку нельзя приобщить к делу. Так запросите, достаньте этот документ. Нет, видно, они не заинтересованы в этом.

Дегена возмущало, почему Кнессетом не принят закон, требующий у всех этих, так называемых, левых правозащитных и прочих подобных организаций, существующих в Израиле, документа о том, кто их содержит, кто снабжает их грязными, преступными деньгами, выплачиваемыми для уничтожения Израиля? Почему израильтяне - члены этих организаций, среди которых, безусловно, есть люди, не желающие гибели Израиля, почему они ведут себя как самоубийцы?

На лице Дегена, наверняка, не было врачебного благодушия, когда он смотрел по телевизору демонстрацию в Тель-Авиве защитников несчастных арабов Газы от израильских агрессоров. Напротив, у него вызывали ненависть женские лица с несмываемой печатью сексуальной неудовлетворённости и ущербные физиономии молодых мужчин, пытающихся скрыть сою патологическую трусость под покровом ПОЦефизма.

Вместо деления на правых и левых, для Дегена существовали правые, то есть, рассуждающие правильно, и неправые, т. е. рассуждающие ошибочно. Среди них могли быть благородные личности, ошибающиеся в связи с недостатком информации, или с полученной ошибочной информацией. Среди них могли быть замечательные люди, неспособные стряхнуть с себя полученное воспитание или мнение окружающей среды. Но есть неправые, отлично осведомлённые в своей неправоте. Это категория от подонков до не имеющего названия отребья.

Они обвиняют правых в том, что те не представляют себе будущего. Что, мол, было бы, если войска оставались в Газе, хотя они отлично знают, что за все годы пребывания израильтян в Газе потери там были значительно меньше, чем после их вывода. Можно было проследить причинно-следственную связь между действием Шимона Переса с Бейлином и прочими пуделями, импортированными из Туниса околевающего там Арафата, и тысячами погибших израильтян. Надо ли перечислять всю последующую цепь преступлений их единомышленников?

Когда арабы забрасывают еврейские автомобили камнями и бутылками с зажигательной смесью, в Иерусалиме проходит митинг пацифистского проарабского движения «Мир сейчас». Это скопище прекрасодушных гуманитариев, не умеющих думать. Они считают фашизмом желание угнетать полтора миллиона арабов, лишенных гражданских прав. Фашизм – это не дать возможности палестинским арабам свободно жить на своей земле, в своем государстве. У полутора миллионов арабов, если они действительно считают себя угнетенными, есть неограниченная возможность воссоединения с более чем ста миллионами неугнетенных арабов в двадцати двух странах с колоссальной территорией. Кстати, евреи Сирии и самого демократического друга левых, Советского Союза, были лишены возможности соединиться с евреями Израиля.

Допустим невероятное, что они – правы. И что же они предлагают? – Отступить до границ 1967 года и предоставить палестинцам право создать свое государство. Еще одно арабское государство. Почему же с 1948 года по июнь 1967 года, когда Израиль

стоял на тех самых границах, до которых теперь левые предлагают отступить, так называемые, палестинцы ничего не создали? Единственным их требованием было и остаётся, чтобы евреи убрались с их, как они считают, земли. И это останется их требованием, даже если Израиль оставит себе на память только Тель–Авив.

Дегена возмущало использование термина Западный берег. Он понимал англичан, придумавших этот термин и организовавших несчастья на земле Израйля. Он понимал врагов Израйля, с удовольствием пользующихся этим термином. Но когда израильяне, повторяют «Западный берег» вслед за врагами евреев, он переставал понимать, считая это либо аморальностью, либо вопиющим невежеством. Он спрашивал, что такое берег? Какова его ширина? Какое это понятие?

Географическое? Геологическое? Может ли берег реки Иордан, ширина которой около двадцати метров, простирается на десятки километров? Если пользоваться таким масштабом, то Китай – это восточный берег Средиземного моря. Он понимал, что термин «Западный берег» придумали, чтобы скрыть древние, но не забытые евреями географические названия: Иудея и Самария. Названия, которые говорят о том, кому принадлежит эта земля.

Тогда, говорят, Израйлю придется постоянно воевать, а люди хотят жить в мире сейчас. Но арабы отказываются жить в мире с евреями. К тому же, во все времена были деятели, лозунгом которых было «Сейчас!». Завтра их не интересовало. Людовик XIV провозгласил: «После меня хоть потоп». Иону горько было видеть, как евреи, такими жертвами и муками обретшие свой дом, свое единственное место на земле, где они могут защитить себя, выжить, кричат «Сейчас!», что равносильно «После меня хоть потоп».

Неужели левые не понимают, что уподобляются аморальным юнцам, требующим немедленно незаслуженные ими материальные блага, юнцам, низведшим любовь до уровня совокупления, девочкам–подросткам, разрушающим свой организм гормональными противозачаточными средствами, потому что они торопятся сейчас. Левые уподобляются стяжателям, старающимся побольше урвать сейчас, не думая о будущем. Уподобляются тем, кто уничтожает окружающую среду, кто нарушает экологическое равновесие, не думая о завтрашнем дне, хочет всего именно сейчас. Где движение «Мир сейчас» достает деньги для своей обширной пропагандистской работы, для изданий, листовок, стикеров, для многих сотен плакатов на митингах, для экскурсий с одуроченными новыми репатриантами.

Он не сомневался в том, что некоторые заинтересованные в их успешной деятельности иностранные организации, такие, скажем, как КГБ и даже ЦРУ, находят возможность подбросить им немного денег? Что уж говорить о не очень бедных арабских правителях.

Левые считают еврейских поселенцев религиозными фанатиками, которые признают только Танах и грубую силу. Они обвиняют поселенцев в том, что те препятствуют установлению мира на Ближнем Востоке. Деген же видел, что в быту это неплохие ребята, а в бою – лучших танкистов не сыщешь. Большинство из них из ешивот – религиозных учебных заведений, учащиеся которых сочетают занятия со службой в армии, причем, пять лет вместо трех обычных.

В сравнении с такими «фанатиками», Ион мог считать себя просто прогрессивным либералом. Хотя порой в нём просыпался израильский агрессор, и ему хотелось, услышав молитву муэдзина, тысячекратно усиленную громкоговорителями, взять в руки винтовку и расстрелять все репродукторы, все до единого.

Иону захотелось хоть чем-нибудь помочь поселенцам – жителям Иудеи, Самарии и сектора Газы. Раз в неделю он стал ездить в Ариэль и в Гинот Шомрон безвозмездно оказывать ортопедическую помощь поселенцам. Однажды по дороге из Ариэля в Гинот Шомрон на участке, который проходит по узкой глубокой лощине, где так просто

сверху забросать автомобиль камнями, поэтому Ион всегда старался проехать его на максимальной скорости, ему не дали сделать этого.

Впереди медленно плёлся арабский форд-минибус. В зеркале заднего вида он увидел точно такой же автомобиль, прижимающийся к его машине. Ион открыл окно, взял свой «Ругер» в левую руку и прицелился в идущий впереди автомобиль. Тот припустил и скрылся за поворотом. Ион остановил свою машину посреди дороги. Объехать её было невозможно. Не выключая мотора, он вышел из автомобиля. С «Ругером» уже в правой руке подошел к форду, стоявшему метрах в пяти позади его «вольво». За баранкой сидел араб лет двадцати пяти. Увидев «Ругер» в руке Дегена, он перестал дышать и стал блее мела. У Иона не было уверенности в том, что он окончил университет Патриса Лумумбы, или некое нерекламируемое закрытое учебное заведение в системе КГБ. Тем не менее, обратиться к нему он решил не на иврите, а на русском.

- В этом пистолете пятнадцать патронов. Если я увижу тебя за мной, пятнадцать пуль будут в твоей башке. Моё идиотское правительство, конечно, посадит меня в тюрьму. Но в тюрьме я буду живым. А ты будешь трупом. Понятно?

Потом в арабских сёлах рассказывали, что здесь на «вольво» разъезжает хромой доктор, Руси, совершеннейший бандит. У него не пистолет, а настоящая пушка. Но здесь же кто-то пустил слух, что надо соблюдать пропорции. Потому что этот хромой доктор Руси друг арабов. Рассказывают, как в больничной кассе, куда не мог попасть араб, он отмывал от говна арабского младенца и лечил его.

А левые не понимают, что еврею нельзя здесь без оружия, у него должно быть право на самооборону, в отличие от араба, которому никто не угрожает не только действием, но даже словом. А ещё у них кружилась голова от странного сочетания у Дегена какого-то патологического желания оказывать помощь арабам и одновременного убеждения о единственном способе разрешить арабо-израильский конфликт трансфером арабов с территории Израиля в арабские страны.

В конце восьмидесятых годов на территории Иудеи, Самарии и сектора Газы начались арабские беспорядки - интифада. Израильские автомобили забрасывались камнями и бутылками с зажигательной смесью. Министр обороны Ицхак Рабин заявил, что бросающим камни следует ломать руки и ноги. Иона возмущало, почему же тех израильских военнослужащих, которые не ломали руки и ноги, а всего лишь применяли силу, задерживая бандитов, отдавали под суд. Что за странное противоречие между словами и действиями министра обороны?

Деген считал преступным поведение правительства Меир-Даяна, стоившее народу Израиля стольких жертв в первые дни войны Судного дня. Он возмущало и удивлялся, неужели евреи так глупы, что ничему не научились? Линия Бар-Лева на Синае. Забор на сирийской границе - обычный сетчатый забор. На некоторых участках - противотанковые рвы и минные поля. А чего стоят противотанковые препятствия, не охраняемые огнем пехоты и артиллерии? Сколько на этом заработали подрядчики? Сколько денег это стоило налогоплательщикам? И сколько крови - народу Израиля?! Неужели снова надо совершить те же ошибки?

На Синае хоть была стратегическая глубина, на Синае можно было позволить себе отступить при необходимости. На Голанских высотах такой возможности не было, и сегодня нет, и в будущем не будет. Сегодня приходится снова защищать Голанские высоты. На сей раз не от сирийцев, а от недалёковидных евреев, что ещё труднее. В начале восьмидесятых годов Дегена избрали заместителем председателя Израильского Союза ветеранов отечественной войны. Но вскоре он увидел, что политики небезуспешно пытаются привлечь Союз для своих целей. Деньги у политиков были. Желающих получить эти деньги в Союзе тоже хватало. Воевать со своими бывшими соотечественниками ему было противно. Кроме того, все они такие герои и

чуть ли не полководцы, а он всего-навсего был лейтенантом. Короче, он ушёл, отгородился от этого. Остался в Союзе воинов и партизан, инвалидов войны против нацизма. Странно, но почему-то в Израиле они не числятся ветеранами. И, кроме того, почти всё население Израиля судит о героизме советских ветеранов не по достоинству наград, а по их количеству.

К сожалению, не обходится в Израиле без интриг. Дегена возмущал обычный израильский бардак, когда создают до двухсот партий до выборов, беспринципность и идиотизм, но не нарушение демократии. Создание же партии Кадима, по его мнению, не имело к этому ни малейшего отношения. Было устойчивое правительство и выборами даже не пахло. Шарон был главой правительства, так как Ликуд во главе с Шароном победил на выборах. Но на съезде Ликуда Шарон не получил разрешения на уход из Газы и поселений Северной Самарии. Точка. Оставались две возможности: подчиниться большинству, которое выбрало его главой партии, или, если он не согласен с большинством, отдать ему мандат уйти в отставку, объявить выборы в Кнессет и создать новую партию под своим руководством. Что сделал Шарон? Не уходя в отставку, он расколол победившую на выборах партию, получившую мандат от народа Израиля. Он плюнул на волю народа, на большинство. Это был пучк. И всё же Деген считал Израиль со всеми его недостатками своей единственной страной, гордился своим внуком, офицером самого элитного подразделения, превосходящего знаменитых американских «морских котиков». Эти чувства он отразил в своём стихотворении.

Подлая ложь, что к стране моей скопом,
У либералов симпатии нет.
Это меня ненавидит Европа,
Как ненавидела тысячи лет.
Это меня, не убитого газом,
В лапы убийцы араба вручить,
Чтоб окончательно, главное – сразу
Незавершённый вопрос разрешить.
Антисемитов фальшивые байки.
Снова навет в европейском хлеву.
Но, пережив королевства и райхи,
И «демократов» я переживу.

Деген был убежден, что его стремление в Израиль не было случайным. Он считал, что рождён для этой страны, и страна оценила его. В 2014 году он был признан в Израиле Героем года, а в России в том же году – человеком-легендой. Израильские танкисты, по собственной инициативе выкопав сведения о нем в архиве Министерства обороны СССР, зачислили его в свою высшую лигу, как он это шутя называл. Работал в организованной им Лиге национально ориентированных профессоров. В Израиле родились его две внучки и внук (о внуке уже сказал), а внучки, отслужив в армии, окончили университет. Старшая – биологический факультете, младшая – физический. «Союз воинов и партизан - инвалидов войны с нацистами» по инициативе Дегена организовал лечение инвалидов - «Афганцев», а также безвозмездно обеспечил их протезами и колясками. Их потрясло отношение к инвалидам Армии Обороны Израиля, и уж совсем они не могли поверить в то, что здесь у генералов почти нет преимуществ перед солдатами, они едят в одной столовой, носят одинаковую форму. Кроме них они также организовали лечение в Израиле легендарного вратаря Льва Ивановича Яшина. Став на протез, Лев Иванович заплакал: «Почему в своем родном СССР, для которого я

столько сделал, мне не могли дать нормальный протез, а здесь, еврей, которым я совсем чужой, соорудили мне такое чудо?».

Пора публиковаться

Писал Деген всегда. Продолжая сочинять стихи, в конце 1945 года начал писать прозу. Но после устроенного ему разноса в Доме писателей он боялся, что об этом узнают в институте. Поэтому в институте он писал только эпиграммы и пародии, которые пользовались большим успехом. На четвёртом курсе настолько прославился своей поэмой «Эмбрионада», что даже в виде гонорара за неё получил пятёрку по акушерству и гинекологии фактически без сдачи экзамена.

В начале 1948 года Ион завершил повесть о войне. Пишущей машинки у него не было. Рукопись была в одном экземпляре. Человек десять-пятнадцать прочитали книгу. Все сказали, что это его Эверест, что ничего лучшего он не написал и не напишет. Вывезти свой архив, уезжая в Израиль, Ион не смог. Рукопись оставил у кого-то из друзей, но не помнил, у кого именно. Каждый из них уверял, что не у него. Так и пропала рукопись. И ещё одна рукопись его книги тоже пропала в 1956 году. Это была научно-фантастическая книга о протезах рук, с помощью которых можно сыграть на рояле даже самые сложные фуги, о протезах глаз, возвращающих ослепшим почти стопроцентное зрение, о чудесах инженерной генетики, что не было в ту пору ещё даже мечтой фантастов, и о других медицинских чудесах. Эту книгу Ион дал Дмитруку, редактору журнала «Знание и труд». Не для публикации в его журнале, - просто хотел услышать квалифицированную критику.

Спустя несколько дней Всеволод Дмитрук с виноватым лицом сообщил, что он потерял рукопись - единственный экземпляр. В мае 1978 года, начав работать в израильской больнице, Ион увидел воплощение многих своих придуманных тогда идей. Он верил, что и другие его фантазии будут когда-нибудь осуществлены.

Наверное, с войны, а может быть, ещё и раньше берет начало процесс постепенного прозрения ортодоксального коммуниста Иона Дегена. Этот процесс нашел отражение и в его стихах, и в прозе, которые писались в стол. О публикации таких произведений в Советском Союзе не могло быть и речи. В статье к пятидесятилетию со дня Победы Юрий Шанин и Яков Михлин писали: «Лейтенант еще пятьдесят лет назад все понял. Нет, не сдался, стихи продолжал писать. Хотя относился к ним с меньшим пиететом, чем к научным трудам. Но попытки опубликовать их никогда не предпринимал». Не совсем так. Была одна попытка. В 1961-м году друг Иона, Юрий Лидский, литератор, автор многочисленных работ об американской литературе и нескольких монографий об американских писателях, стал уверять его в том, что обстановка в стране изменилась и, что его фронтовые стихи должны быть опубликованы. Юрий отобрал пятнадцать стихотворений и послал их в журнал «Юность». Через какое-то время стихи вернули, с письмом литконсультанта, в котором содержалась рекомендация, - больше читать Пушкина, хотя и отмечалось наличие некоторых задатков у автора. Юрий бушевал, а Ион воспринял это с юмором. Но до самого отъезда в Израиль в 1977 году он попыток опубликовать свои стихи больше не предпринимал.

Вскоре после переезда в Израиль Ион получил предложение Еврейского университета в Иерусалиме описать, каким образом человек с биографией «советского ангела» стал сионистом. Он согласился написать, как до мозга костей советский человек постепенно стал осознавать себя евреем и дошел до понимания того, что еврей должен жить в Израиле.

Раз в месяц Ион отдавал в университет очередную главу. В течение одиннадцати месяцев была написана книга «Из дома рабства». Написал он её и забыл, потому что с увлечением стал писать книгу о жизни и творчестве Иммануила Великовского, личности необыкновенной, Леонардо да Винчи XX века. Рассказал Ион в своей книге и о подлости американского научного истеблишмента по отношению к этому великому человеку, что вошло в историю науки под названием «дело Великовского».

Писал Ион, естественно, в свободное от работы время. Он проштудировал все восемь книг Великовского на английском языке, десятки его научных статей, в основном, на немецком, переписку с отцом - на иврите, сорок девять публицистических статей в газете «Нью-Йорк пост». А ещё книги и статьи о Великовском, против Великовского, его стихи - на русском языке. С большим трудом удалось организовать просмотр видеозаписей его лекций в американских университетах, так как записи были сделаны старой аппаратурой, давно вышедшей из употребления.

Иону эта работа, доставила огромное удовольствие. Ему очень хотелось рассказать о Великовском русскоязычному читателю, у которого об этом гиганте не было ни малейшего представления. Книги Великовского были переведены на испанский, итальянский, немецкий, французский, японский языки и даже на африкаанс. Но не было в то время ни одного перевода на русский и на иврит тоже. Два года интенсивной любительской работы после работы профессиональной. Книгу Ион написал, но не имел представления, как ее опубликовать.

Машинопись книги «Из дома рабства» оказалась похороненной в Еврейском университете в отделе профессора - социалиста Этингера, усмотревшего в ней факты, порочащие дорогие ему идеи социализма. Лишь в 1986 году книга вышла в издательстве «Мория». Вслед за этим социалистическое издательство «Кибуц меюхад» без ведома и участия Дегена, решило издать ее в переводе на иврит. Но половина редакционной коллегии воспротивилась этому по соображениям, которыми руководствовался и профессор Этингер.

«Иммануил Великовский» вышел в свет в Израиле в 1990 году. Второе издание - в России, в издательстве «Феникс» в 1997 году. В 1992 году была опубликована книга Иона «Портреты учителей», в которую вошли шестнадцать очерков, написанных в период с 1985 по 1991 годы. В 1995 году вышла книга военной прозы и стихов «Война никогда не кончается». В 1996 году - книга маленьких рассказов «Голограммы».

Первый из этих рассказов был написан ещё в 1946 году.

В 1997 году вышла книга «Невыдуманные рассказы о невероятном». В 1998 году – книга «Четыре года». В этих книгах собраны рассказы разных лет. Это был год, когда Ион, проработав врачом сорок семь лет, написав девяносто научных статей, защитив две своих диссертации, подготовив восемь кандидатов и двух докторов медицинских наук, стал пенсионером.

Но это не означало, что он перестал быть врачом и ученым. Жизнь продолжалась.

Летом 1999 года во время их с Люсей поездки в Швейцарские Альпы, Карловы Вары и в Эйлат Ион в течение двух месяцев написал книгу «Наследники Асклепия» - о врачах и врачевании.

Часто случалось так, что текст вырывался из него, по выражению самого же Иона, как лава из кратера вулкана. Он едва успевал записывать. Метафоры, сравнения, эпитеты вываливались на бумагу. Ирония извергалась из него уже готовой и обкатанной. Он даже не задумывался над нею, не искал образы в глубинах сознания. Впечатление было такое, словно он давно знал наизусть этот текст. Только бы успеть записать его.

В 1994 году, опять же по выражению Иона, из него буквально «посыпались стихи». По два - три в день. Никогда раньше такого не было. Поводом, спусковым крючком стал полученный им необычный подарок. Его друг Аркадий Тимор, бывший советский танкист, бывший советский зек, бывший подполковник Армии Оборона Израиля,

талантливый журналист, подарил Иону его наградные листы. Их прислал ему из Москвы полковник, профессор Ф.Д. Свердлов, военный историк. Мог ли Ион, солдат-пехотинец, разведчик в дивизионе бронепоездов, командир танка, командир танкового взвода, командир танковой роты иметь представление о том, как его там, в далёком от реальной войны штабе, практически в другой галактике представляют к награде? И вдруг он получает свои наградные листы. Они потрясли Иона. Он был просто в шоке, увидев, как в каждом листе, в котором его превозносили до небес, все же умудрялись «своровать» существенную часть, сделанного его танком. Вот тогда ему стало ясно, почему каждая награда была значительно меньше положенной по статусу. Впрочем, она была даже меньше положенной и за то, что описано в наградном листе. И все эти стихи тоже пропали. С детства Ион любил технику и верил ей. Когда сын подарил ему компьютер, он перенес в него все свои стихи. Бумаги за ненужностью выбросил. Вера Иона в новую технику была настолько велика, что он даже не скопировал файлы. И надо же - в компьютере отказал жёсткий диск. С него невозможно было снять записанную информацию. Незначительную часть стихов потом Ион восстановил по памяти, кое-что случайно нашлось в бумагах. Попробовал себя Ион и в переводах. Очень хотелось ему перевести два стихотворения Юлиана Тувима – «Хлеб и нож» и «Жидек». Он знал четыре перевода «Жидека». Все они озаглавлены «Еврейский мальчик». Свой перевод он назвал «Жидёнок».

Путаясь в лохмотьях, не щадя силёнок,
Во дворе поёт помешанный жидёнок.
Люди его выгнали. Бог затмил сознание.
Языка родного он лишён в изгнание.
Он поёт и пляшет, чешется и плачет,
Что себя сгубил из-за людских подачек.
Пан из бельэтажа смотрит на жидёнка.
Я узнал, парнишка, голос твой не звонкий.
Где мы очутились? Как себя сгубили?
Миру мы чужие. Людям мы не милы.
Пан из бельэтажа сделался поэтом.
Завернёт он сердце, как медяк в газету
И швырнёт на землю, чтоб оно разбилось,
Чтобы растоптали, чтоб скорей не билось.
И пойдём бродяжить разными путями.
Ты – с шальной песней. Я же – со стихами.
Только в мире нету ласки и привету
Ни жидам-безумцам, ни жидам-поэтам.

Писал он и художественные произведения. Это как бы романизированные эпизоды его собственной жизни. Примером может служить «Стереоскопическая история» Несмотря на то, что Деген столь активно работал в самых разных литературных жанрах, ему не нравилось, когда его называли поэтом, писателем. Говорил: - Я не литератор. Не учился этому. Учился двум профессиям. Профессии танкиста, для чего окончил танковое училище и вроде был профессионалом. Окончил медицинский институт и стал неплохим врачом. На самом деле он стал не только большим Врачом, но крупным ученым в области медицины, новатором, основоположником нового направления. Деген, думаю, единственный из коллег по ремеслу, которые предпочли писательский труд работе врача, овладел искусством врачевания. А вот писательство не стало его профессией. Не

было у него ни своего редактора, - он сам успешно справлялся с этой работой, ни литагента, о роли которого он, возможно, даже не имел представления.

Подтверждением могла бы служить, наверное, судьба современницы, землячки и коллеги Дегена, ставшей популярной в последнее время израильской писательницы, пишущей по-русски, Елены Тайчер-Минкиной. Ей как-то задали вопрос:

- Каким одним словом вы могли бы себя охарактеризовать: врач, писатель, мать, дочь?

Со вздохом, после долгой паузы она ответила:

- Я – писатель.

Интересно, как Ион чисто случайно узнал о суете вокруг его стихотворения «Мой товарищ в смертельной агонии». Двадцать первого января восемьдесят девятого года Дегены были на именинах у своей приятельницы, и друг Иона, доктор Тверской, вручил ему «Огонек» с дарственной надписью: «Моему — как выяснилось — гениальному другу». В журнале были его стихотворение и легенда, сочиненная Евгением Евтушенко. «Эти стихи нашли в планшете лейтенанта, погибшего под Сталинградом». Его действительно считали погибшим, но - под Кенигсбергом. Позже Ион слышал еще один миф - будто бы Вера Инбер услышала это самое стихотворение от врача, а ему, якобы, прочитал его раненый офицер, и расчувствовалась настолько, что под влиянием этих стихов сочинила свой «Ленинградский дневник». Ион действительно в госпитале в Кирове читал стихи стоматологу, который по кусочкам собирал его челюсть.

В 1995 году после презентации его книги «Война никогда не кончается» Дегену предложили вступить в Союз писателей Израиля. Для этого ему достаточно было всего лишь дать свою фотографию и написать на обороте номер его удостоверения личности. Ион поблагодарил за оказанную честь, но отказался, объяснив отказ тем, что не считает себя писателем.

Это он не писатель! Да, одной его книги «Иммануил Великовский» - лучшей из написанных в жанре романизированной биографии – достаточно было бы для признания автора писателем. Но Деген никогда не зарабатывал себе на жизнь литературным трудом. Никогда не пользовался путевками в дома творчества, талонами на дефицитные товары, пособием от Литфонда.

Один знакомый в шутку как-то сказал: «Если бы я умел писать ТАК, как Деген, то мне не надо было бы «еще немножко шить». А вот Ион, в отличие от многих врачей, начиная, наверное, с Чехова, продолжал «латать» человеческие тела. Литературная же деятельность, причем, очень плодотворная, оставалась для него всего лишь хобби. До последнего дня он оставался верен своей единственной профессии врача.

А ещё он очень гордился тем, что не была забыта его первая профессия. Объединение танкистов Израиля, в котором состоят героические воины от подполковника и выше, и считанные танкисты с меньшими званиями, отмеченные воинскими наградами, по своей инициативе зачислило Дегена, всего лишь советского лейтенанта, своим членом. Объяснили принятое ими решение тем, что, получив данные о нём из архива Советской армии, посчитали его достойным быть в их рядах.

Но если бы он учился писательскому ремеслу, говорил Ион, то считал бы своим учителем Виктора Некрасова. Он не стал его учителем лишь потому, что не литература, а врачевание стало делом жизни Дегена. Ион никогда не называл Некрасова по имени и отчеству, как называл всех своих учителей. Тем не менее, Ион считал Некрасова одним из тех, кто повлиял на его становление в медицине. Потому что врач, в этом он был убежден, в первую очередь, человек с повышенной чувствительностью к чужой боли. А именно у Виктора Некрасова следовало учиться этой чувствительности.

Когда через год после окончания войны Ион лежал в госпитале по поводу недолеченного последнего ранения, библиотекарь принесла ему журнал с повестью «Сталинград» никому тогда ещё не известного Виктора Некрасова. С первых страниц

Ион почувствовал себя соучастником описываемых событий. Нет, он не воевал в Сталинграде. Но зато хорошо знал, что такое война. Никто до Некрасова не описал ее так правдиво, так честно, так ощутимо и зримо.

В ту пору Иону только исполнился двадцать один год. В его офицерском планшете были стихи, написанные между боями. Он был стопроцентным ура-патриотом. Но в стихах, как ни странно, почему-то не проглядывались ни пафос, ни ура-патриотизм. Словно написал их не Ион, а другой человек. У него получались грустные стихи о войне. А ему хотелось, чтобы стихи были такими, как у настоящих советских поэтов - героическими, призывающими, гневными. Но в стихах было то, что он так тщательно пытался скрыть от всех: кровь, грязь, и страх. В стихах он обнажался, как ребенок. И поэтому он стеснялся своих стихов. Знал, что советские поэты и писатели, настоящие коммунисты и патриоты, пишут о войне совершенно иначе. И вот он встретил Виктора Некрасова - писателя, который пишет о войне так же, как он.

К сожалению, произведения Иона Дегена опубликованы, в основном, на русском языке. Лишь одна из 20 книг прозы и поэзии Дегена, - «Набальзамированный войной» - переведена на иврит. В бывшем Советском Союзе его не издавали. В Израиле в распоряжении поколения его внуков, совершенно не владеющих русским языком, существует только одна упомянутая выше книга. Увы... Кстати, необходимая сумма для оплаты её перевода на иврит была выделена московским Институтом перевода, а издание книги было оплачено сыном Иона Дегена, Ури Дегеном.

От атеиста до верующего еврея

Деген, который, по его собственному признанию, до тридцати одного года исповедовал Атеизм - религию, отвергающую существование Творца, пришел к убеждению, что многие вещи нельзя объяснить обычными земными категориями, в частности, гениальные открытия. Или облака, написанные Эль Греко в церкви Санта Мария Бланка в Толедо. Такими их можно увидеть только с борта реактивного самолёта, летящего над ними, но не с земли.

Деген рассказывал, что, бывало, он едва успевал записывать фразы, которые будто бы кто-то диктовал, а он должен был лишь успеть записать. Подобное произошло с ним, например, летом 1945 года. В московском Доме литераторов Ион читал свои фронтовые стихи, за которые ему устроили страшный разнос. Пока его топтали, у него написались стихотворение «Товарищам фронтовым поэтам».

Именно так он и сказал: не я сочинил стихотворение, а «у меня написались стихотворение». Он прочёл его там же вместо заключительного слова. Кто продиктовал ему это стихотворение? Возможно ли, написать стихотворение с такой скоростью, да ещё в такой обстановке?

Похожий случай описал один художник, который в течение двух суток сделал 400 листов монотипии (монотипия - это механизм мгновенного рисунка). При этом у него было ощущение, что это делал не он. Когда он потом стал рассматривать эти листы, то обнаружил на них абсолютно четкие ивритские буквы, которых он не знал, и вообще, не совсем понимал, что именно на них изображено.

Есть в биографии Дегена события, которые, если не привлечь трансцендентальное, вообще не поддаются объяснению. Вот как сам Деген описал одно из таких событий (привожу с сокращениями). «21 января 1945 года в Восточной Пруссии, где у немцев была невероятная оборона, командир батальона отдал мне приказ на атаку без артиллерийской подготовки, без поддержки пехоты. Шел девятый день наступления без минуты отдыха. Колоссальные потери. Страх, который в таких условиях трудно преодолеть. Но ведь приказ. Перемахнули через первую немецкую траншею. Всё внимание на второй, откуда по нам открыли огонь. За боем наблюдал в перископ из командирской башенки. Поле зрения очень ограничено, видно только то, что впереди

танка. И вдруг, не видя ничего, кроме траншеи впереди себя, чуть ли не в панике закричал: «Башню вправо!» и тут же «Бронебойный!». Башня немедленно повернулась вправо и звякнул клин затвора орудия. Я успел увидеть немецкий танк. И ещё успел подумать, что это - наш выстрел, или в казённом своей же пушки разорвался наш снаряд? Что я почувствовал? Почему успел отдать две команды? Стреляющему и башнёру. Я ведь не видел немецкого артиллера. Не мог его видеть! Кто через меня отдал команды? Я сам не мог отдать этих команд, не видя цели. Я был железобетонным атеистом, когда снова и снова в течение долгих лет задавал себе этот вопрос. И, разумеется, не находил ответа».

О подобных себе атеистах есть у Дегена пара четверостиший.

Есть у моих товарищей танкистов,
Не верящих в святую мощь брони,
Беззвучная молитва атеистов:
- Помилуй, пронеси и сохрани.

Стыдись друг друга и себя немного,
Пред боем, как и прежде на Руси,
Безбожники покорно просят Бога:
- Помилуй, сохрани и пронеси.

Другой случай уже из врачебной его практики, положивший начало созданию магнитотерапии. После обычного операционного дня в больнице амбулаторный приём в поликлинике. Интенсивность такая, что нельзя было позволить себе встать и выйти для опорожнения мочевого пузыря.

Зашёл очередной пациент. И вдруг во время его осмотра Ион почувствовал необходимость зайти в кабинет физиотерапии, который посещал крайне редко и то по самой острой необходимости. В тот раз не было никакой срочности. Случилось необычное. Он прервал осмотр больного и быстро пошёл в кабинет физиотерапии. Вошёл в него в тот момент, когда сестра выключила аппарат индуктотермии и начала разматывать кабель волновода, спиралью обматывавший предплечье больного. Не отдавая себе отчёта, зачем он пришёл сюда, внимательно посмотрел на руку и подумал: ведь это же соленоид. Но если это соленоид, то, значит, индуцируется магнитное поле. При чём же здесь термия? Тепловая процедура, осуществляемая током высокой частоты? Надо ли забивать гвозди микроскопом? Ведь нагреть тело можно более эффективно с помощью соллюкса, кварца, грелкой, и т.п. Но ему были известны случаи, когда именно индуктотермия действительно производила лечебный эффект. Следовательно, это не тепло, а магнитное поле. Но тогда, зачем высокая частота, если достаточно обычных пятидесяти герц, или даже постоянного тока?

Так и не поняв, почему он зашёл в кабинет физиотерапии, извинившись, вышел и продолжил прерванное лечение пациента. После него вошла молодая девушка, которую Ион два года назад прооперировал по поводу гигромы (шишкообразное скопление жидкости – М.А.) у основания правой кисти. Операция действительно пустяковая, и девушка у него больше не появлялась. Зачем нужен врач после такой операции? Оказывается, возникла другая причина. После операции возник уродливый келоидный рубец. Откуда было знать девушке, что это свойство её организма? Она решила, что прооперировал её сапожник и пошла к другому хирургу.

Уже в этом был один элемент необычного. Хирург, к которому она обратилась, блестящий врач, отлично знавший, что келоиды ни при каких условиях нельзя оперировать. Потом, когда Ион обсуждал с ним этот случай, он сказал ему, что его чёрт попутал, что он сейчас представить себе не может, как решился на эту операцию, после

которой появился келоид раза в два больше предыдущего. Но главное, девушка сказала, что первый келоидный рубец был безболезненным, а сейчас она по ночам не спит от боли.

Что делать? Возможно потому, что в кабинете физиотерапии он подумал о магнитном поле, сейчас вспомнил, что в ящике его стола лежат двенадцать небольших цилиндрических магнетиков, которыми любил играть, перебирая их, как чётки. Всё это прокрутилось в сознании Иона, пока он извлекал из ящика магнетики, и как браслетом окружил нижнюю часть предплечья девушки у самого основания кисти. Келоид оказался между полюсами первого и двенадцатого магнетика.

С сияющим лицом девушка пришла к нему через два дня. Причина сияния - полностью прекратилась болезненность. Ион внимательно осмотрел келоид. За два дня почти исчезла багрово-синяя окраска, к тому же, рубец стал плоским.

Ион начал, чуть ли не, ежедневно посещать Центральную медицинскую библиотеку, просматривая зарубежные журналы, которые не выдавали на дом. Стала появляться аппаратура, электромагниты, генерирующие переменное и постоянное магнитное поле. Тут же начались эксперименты на животных и – о! Ужас! На людях! Это то, в чем его потом обвинили «доброжелатели», хотя эксперименты на людях были абсолютно безвредными. Проводились они исключительно на добровольцах, на родных, на друзьях, на врачах, на студентах.

Начались клинические испытания, результаты которых превосходили все предполагаемые надежды. Так появилась магнитотерапия в ортопедии и травматологии, постепенно переключившаяся в другие области медицины.

Причина же, по которой Ион срочно ринулся в кабинет физиотерапии, осталась необъяснимой. Озарение? Внезапное видение того, что стало объектом открытия? Как оно произносилось это слово – озарение! Ион рассказывал, когда он слушал концерт уже абсолютно глухого Бетховена для фортепиано, хора и оркестра, то слышал и послание Всевышнего.

Ион называл себя верующим евреем «без кипы», считая очень многих израильтян такими же, как и он, то есть, ещё не доросших до выполнения всех шестисот тринадцати заповедей. Поэтому кипу он не носил, а надевал её только, входя в синагогу.

О еврействе Дегена и о его отношении к левым

Ион рассказывал, что ощущал свое еврейство инстинктивно, не имея о нем никакого представления. Ощущал антисемитское выталкивание из окружающей среды, хотя абсолютно ничем не отличался от большинства окружавших его людей, и в первую очередь – своим мировоззрением. Впоследствии это стало причиной его фронды: чем больше его ущемляли как еврея, тем громче он гордился своим еврейством.

Притом что Ион родился и до шестнадцати лет прожил в городке, в котором половину населения, если не больше, составляли евреи, он до восемнадцатилетнего возраста даже не слышал слова талмуд. Хотя примерно до восьми лет при всякой okazji умудрялся заскочить в синагогу, которая находилась недалеко от его дома.

Ему очень нравилось пение кантора. Но однажды кто-то донёс в партийную организацию больницы, где работала его мама, что видели её сына в синагоге.

Неизвестно, наказала ли партийная организация маму, но Ион всю жизнь помнил, как мама наказала его. Она безжалостно била его и при каждом ударе приговаривала: «Я тебе покажу синагогу».

Вскоре закрыли синагогу, превратив её в какой-то склад. Единственным словом, которое тогда Ион вынес из синагоги, было красивое слово Адонай, но значение его он узнал много-много лет спустя. Слово же талмуд услышал он не в синагоге, а в танковом училище, о чем рассказано в главе «Война».

А спустя много десятков лет, когда Деген уже жил в Израиле и его командировали в Лондон на годовое поминование воинов, погибших в боях с нацизмом, в синагоге, расположенной в богатом районе на северо-западе Лондона, где проживают многие состоятельные евреи, раввин назвал его талмудистом.

И это вовсе не потому, что к тому времени он года полтора посещал лекции раввина Зильбермана в Бней-Браке, лекции для врачей по теме: врачевание и Галаха – сборник еврейских законов из Торы и из Талмуда.

В одну из суббот Иона с женой пригласили на кидуш, устроенный в его честь. Ещё в Израиле его попросили взять пиджак с орденами и медалями. Пригласившие Дегена в синагогу попросили надеть этот пиджак. Но, сняв куртку, он быстро накинул талит, и весь иконостас оказался скрытым. Молодой раввин рассказал о Дегене публике такие подробности его военной биографии, о которых он никогда никому не рассказывал. Только спустя много лет Ион понял, что все эти подробности были получены в архиве Советской армии в подмосковном Подольске.

Потом его предупредили, что после молебна будет кидуш. Когда закончилась служба, Ион сложил талит и надел куртку. В красивом двухэтажном общинном здании вдоль всего зала на втором этаже был накрыт стол длиной примерно двадцать метров. Деген с женой остановился между входом и торцом стола. Раввин снял с него куртку и пошёл к противоположному торцу стола.

– Ты должен ответить, – сказала ему жена.

– О чём ты говоришь! Я не представляю себе, что мог бы сказать даже по-русски!

И тут раввин пригласил его к себе. Вероятно, по пути к дальнему торцу стола что-то щёлкнуло в его мозгу-инструменте, и кто-то, не он, заговорил.

– Уважаемые дамы и господа! Подозреваю, что среди присутствующих немало людей, которые посещают эту синагогу не чаще двух раз в году. На Йом кипур и на годичное поминование. Действительно, зачем неверующим посещать какую-то синагогу? А как можно верить всем этим сказкам про чудеса? Если когда-то были чудеса, почему их нет сейчас? А кто вам сказал, что сейчас нет чудес? Разве это не чудо, что бывший офицер Красной армии, бывший коммунист, сейчас с кипой на голове выступает в синагоге в Лондоне как представитель Израиля? Разве это не чудо?

Затем он очень кратко сказал о нынешнем положении Израиля и о том, как необходима ему моральная поддержка евреев. А в завершение сказал, что верит в приход Мессии, время прихода которого в значительной мере зависит от поведения и солидарности евреев.

Даже жена, его самый строгий критик, не поскупилась на комплимент:

– Это, пожалуй, самое лучшее твоё выступление.

Раввин, крепко пожимая его руку, улыбнувшись, сказал:

– А вы оказывается талмудист.

Однажды Дегена пригласил его друг доктор Захар Коган на брит-мила, на обрезание своего младшего внука. Впервые в жизни Ион присутствовал на таком торжестве. Он даже представить себе не мог, что по такому поводу устраивается столь роскошный банкет. А количество гостей явно превышало трех сотен.

Когда торжество уже было в полном разгаре, в зал вошел доктор Марк Тверской и подошел к столику, за которым сидел Деген. Он поднял бокал и, попросив у присутствующих минуту внимания, начал:

- Главный хирург Киевского горздравотдела в 1965 году приказал мне обеспечить наркоз во время операции, которую будет делать доктор Деген. Больной из Москвы. Сын большого военачальника. У меня поджилки тряслись. Не из-за больного. Я был наслышан, что доктор Деген - страшный человек, инвалид Отечественной войны, что любое начальство он может послать куда угодно, так как у него в мозгу осколок, что он установил у себя армейскую дисциплину, что он даже может ударить своей увесистой

палкой. И вот операция. Я еще не видел в операционной такой спокойной обстановки, такой атмосферы всеобщего уважения, такой доброжелательности. После операции доктор Деген пригласил меня к себе пообедать. Супруга Иона Лазаревича накормила нас чудесным обедом.

Во время беседы, когда Ион Лазаревич чрезмерно восхищался моим наркозом, я сказал, что, в отличие от него, у меня нет будущего. Доктор Деген возразил мне, сказав, что будущее мое в Израиле. Вот когда я понял, что у него действительно в мозгу осколок. В то время не побояться сказать такое человеку, которого видишь впервые? Да и вообще, кто тогда слышал что-нибудь об Израиле? Более трех лет я уже в Израиле. Счастливых лет. И вот сейчас на этом замечательном торжестве впервые в Израиле я встретил Иона Лазаревича, моего благодетеля, человека, который подал мне мысль о моем будущем. Я произношу тост за его здоровье! Дегену было очень приятно, что он тогда не ошибся, увидев будущее доктора Марка Тверского в Израиле.

Деген был хорошо знаком с персидской, латиноамериканской, турецкой, филиппинской и даже японской поэзией, не говоря уже о русской поэзии. Стихи немецких, испанских, итальянских, английских, французских поэтов он не только читал, но и сопоставлял переводы, сделанные разными авторами. Поэтому с полным правом Ион считал себя знатоком мировой поэзии. И вдруг он обнаружил, что даже понятия не имеет о существовании еврейской поэзии.

Как-то вытащив том Горького, он случайно наткнулся на статью о каком-то еврейском поэте Хаиме Бялике, поэма которого «Сказание о погроме» признана одной из вершин мировой поэзии. Вскоре ему удалось через благодарную пациентку достать книгу стихов Бялика в переводах знаменитых русских поэтов серебряного века: Валерия Брюсова, Вячеслава Иванова, Фёдора Сологуба. Однако переводчиком большинства стихов, в том числе и поэмы «Сказание о погроме», был какой-то Вл. Жаботинский. Эту фамилию он услышал впервые.

С тех пор с именем Жаботинского в жизни Иона было связано всё положительное. Как-то в первый год работы в Израиле у него появился очень пожилой пациент. Дегена удивил его тяжёлый русский акцент и одновременно рафинированный литературный иврит. Он спросил, давно ли тот живет в Израиле?

- Всего шестьдесят лет.

Выяснилось, что господин Бен Ари был секретарём Жаботинского. Он с придыханием произносил «Владимир Евгеньевич», и глаза его озарялись молодым блеском. Бен Ари рассказал, что в 1940 году, когда в Нью-Йорке умер Жаботинский, у Владимира Евгеньевича было пять долларов. «Богатством этого редчайшего из людей, - сказал Бен Ари, - всегда была его гениальность, его исключительная интеллигентность и пророческий дар. А ещё, знаете, мне трудно это произнести, но есть какая-то высшая целесообразность в том, что он умер так рано и не стал создателем еврейского государства. Этот смелый, этот отважный человек не сумел бы бросить на смерть десятки, сотни евреев, как это сделал Бен Гурион. Владимир Евгеньевич был очень человечным».

Так, спустя более сорока лет после того дня, когда Деген случайно (случайно ли?), благодаря Горькому и Бялику, впервые услышал о Вл. Жаботинском, он встретился с человеком, хорошо знавшим его. И если для Горького пророком Исайей стал Бялик, то для Дегена - Зеэв Жаботинский.

Ещё задолго до выезда в Израиль Ион потерял интерес к стране, за которую пошел воевать в шестнадцать лет, обильно пролил за неё кровь, а своими работами принес ей немалый капитал. Он уже ощущал себя евреем и гражданином Израиля, считая, что еврей принадлежит Земле Израиля, а Земля Израиля принадлежит еврею.

Существование левых на земле Израиля он считал наказанием за грехи евреев. Он говорил, что «даже расширенный консилиум самых выдающихся медиков, отчаявшись, не придумав ничего другого, поставит при оценке израильской действительности диагноз шизофрения».

Благополучие и устройство новых репатриантов находилось в руках невежественных чиновников, по протекции усаженных в свои кресла мелкими функционерами-социалистами. Но и потом, когда социалисты на выборах потерпели крах, непотопляемые чиновники оставались на своих местах, защищаемые статусом постоянства.

Всякие формальности не имеют значения, поскольку их утверждение зависит от руководства. Например, больница принадлежит Общей больничной кассе, которая является собственностью Израильских профсоюзов, которые фактически принадлежат Рабочей партии. Деген возмущался, почему правящая партия даже не пыталась разрушить эту нелепую с логической точки зрения систему.

Израиль единственная в мире страна, в которой профсоюзы были владельцами самых больших предприятий, концернов, трестов, банков, Больничной кассы, то есть – эксплуататорами тех самых трудящихся, которых они должны были бы по своему статусу защищать. В руках профсоюзов оказалась большая часть экономики Израиля. Это была суверенная держава в стране. Нужны ли там всякие официальные конкурсы, если надо назначить своего человека?

Многие левые ненавидели всех репатриантов из Советского Союза, видя в них предателей, отвратительных беженцев из социализма, которые променяли социалистическую страну на Израиль. Но была и более существенная причина для ненависти. Много лет до провозглашения независимости Израиля и ещё 30 лет, на протяжении которых безраздельно в стране правили левые, в Израиле было наложено «табу» на тему о лагерях в СССР и евреях в этих лагерях. С приездом «русских» евреев, да ещё «отказников» эта тема стала распространяться.

Однажды Иона с женой пригласила богатая владелица картинной галереи, жена известного архитектора. В роскошном салоне огромной квартиры в северном Тель-Авиве собралась интересная публика, преимущественно профессора-гуманитарии тель-авивского университета. Всё было замечательно, пока беседа шла о литературе и искусстве.

Но тут профессор, зав. кафедрой ивритской литературы, затеял разговор о социализме. Его поддержал профессор-социолог. Деген возражал, преодолевая стеснение из-за своего недостаточного иврита. Хозяйка дома спорила очень эмоционально. Обстановка постепенно накалялась.

В конце концов, Деген спросил, почему бы им, таким убеждённым социалистам, ратующим за равенство, не уравниваться с бедняками, живущими в кварталах бедноты? Почему не сменить дорогой коньяк, которым угощает хозяйка, дорогое виски, которое пьёт уважаемый профессор-социолог, на более дешёвые напитки, с тем, чтобы за отданную беднякам разницу в стоимости те тоже могли купить напитки? Почему бы милой хозяйке не сменить свою огромную квартиру, явно великоватую для двух человек, на более скромную, а за оставшиеся деньги купить несколько квартир для бездомных? Больше социалисты их не приглашали.

Среди университетских профессоров, особенно, гуманитариев, много немецких евреев. Именно среди них почему-то самые злобные враги Израиля, так называемые, «правозащитники», которым даже врачу-ортопеду очень хотелось переломать руки. Деген пытался понять, что это – элементарная глупость, или диверсия против своей страны? Может быть, даже оплаченная диверсия. Тем более, что некоторые источники оплаты уже назывались. Но ведь в стране, которая находится в состоянии войны, диверсанты подлежат суду военного трибунала со всеми вытекающими последствиями.

До него не доходило, почему воюющая страна не предпринимает карательных мер к диверсантам, находящимся на содержании противника?
Об этом у него есть даже стихотворение.

В путаны поддаются девы.
Преступникам юнцы сданы.
Но что рождает крайне левых?
Откуда рать врагов страны?

Вопрос тревожит неизменно,
В ответе же пока ни зги.
То ли у них чужие гены?
То ль набок сдвинуты мозги?

То ли оплата им по чину?
(Откуда – не дано мне знать).
То ль нет ни шанса, ни причины
Средь знаменитых фигурять?

Стране они вредят неслабо.
Враждебный мир их приласкал.
Я б на дивизию арабов
Всех крайне левых обменял.

Когда Деген говорил своим новым знакомым об агрессивности арабов, которые, поблагодарив за помощь, воспользовавшись ею, не остановятся перед тем, чтобы зарезать того, кто им эту помощь оказал, ему говорили, что он всё ещё пропитан советским империалистическим мировоззрением. Евреи не имеют права властвовать над арабами, живущими на захваченных территориях. Деген возражал, утверждая, что эти территории являются не захваченными, а освобождёнными в результате арабской агрессии.

Он быстро понял, пока относишься к арабам по-человечески, они думают, что ты фраер. А если дашь ему лопатой по спине, они понимают, на чьей стороне сила. Как относился Деген к террористам, можно предположить из этих строчек его стихотворения «Все у меня не по уставу»: «Не забавляемся плененьем//Убитый враг - оно верней».

Поэтому, когда друзья порекомендовали ему проголосовать за крайне левую партию, он ответил им, что они ведь ничем не отличаются от бывших советских партайгеноссе. Ты просто ещё не разобрался в израильской действительности, - возразили ему - они типичные западные либералы. Именно они могут разрубить гордиев узел наших внутренних и внешних противоречий.

Друг упорно продолжал агитацию. Ион отмалчивался до самого дня выборов и проголосовал за правых, и был рад, что именно они пришли к власти. Странно, несмотря на доходившие до криков споры, когда дело касалось вопросов политики, сердечная дружба семьями продолжалась.

Ион был убежден в том, что гнилые либералы - причина всех несчастий Израиля. Единственное, чего он не мог понять, как его друг, блестящий диагност, распознающий заболевание по микросимптомам, не в состоянии по самым очевидным признакам поставить диагноз убийственной для Израиля политике.

Деген возмущался тем, что даже не верящий в совесть мировую премьер-министр подчинился преступным Ословским соглашениям и отдал Хеврон в полную

собственность так называемой Палестинской автономии. В арабский Хеврон евреи не могут попасть. Путь туда преграждён постами Армии Обороны Израиля. Для арабов же путь в еврейские кварталы свободен.

Он не понимал, что является источником ненависти жителей Северного Тель-Авива к поселенцам? Ведь не поселенцы же – препятствие к миру с арабами. Возможно, в основе этой ненависти, думал он, гнездится грызущая их зависть. Их деды и отцы были такими же поселенцами в Палестине. Потом и кровью они осваивали эту Богом данную евреям землю. Шло время, и они увидели, осознали несбыточность их прекрасной утопии. Именно они, поселенцы того времени создали Государство Израиля. А их разжиревшие потомки? Многие из них за границей. Их дети и внуки отказываются от службы в армии. В элитных подразделениях теперь служат нынешние поселенцы. Возможно ли, им не завидовать?

Но почему в числе этих фактических врагов Израиля оказались русскоязычные евреи? Скорее всего, тут сказывается психология советского гражданина. Они не читали, не видели, но знают. За долгие годы пребывания в стране, не овладев языком, они не оторвали своих задниц от прибрежных городов, в которых живут, и не видели ни одного поселения в Иудее и Самарии.

Иону было очень обидно, когда ветераны, его товарищи по войне вскакивали и вытягивались по стойке смирно при звуках песни «День Победы», но лениво поднимались и стояли молча, как бараны, когда исполнялся гимн «Атиква». Какими чужими они виделись в этот миг израильтянам, которые с гордостью пели такой красивый гимн Израиля.

Деген считал, что под прикрытием «Ликуда» нечистоплотные людишки, не имея ни малейшего представления о ревизионизме и основателе движения «Бейтар», делают карьеру, которая губит Израиль. Он критиковал израильских политиков, создавших культ Жаботинского, но на деле, ставших ликвидаторами его концепции. Поэтому даже старым бейтаровцам, истинным последователям Жаботинского, на иврите Ион читал лекции о Жаботинском. А ещё не знающим русского языка он пытался рассказывать о месте замечательного писателя и поэта в русской литературе, о том, что можно, например, перевести на иврит прозу Жаботинского, но как перевести «вся в трепете предутренней травы»?

Ион рассказывал, как однажды его свояк Саша - не только талантливый инженер-электронщик, но и пилот-любитель, - взял в Израиле самолёт напрокат, и они вместе полетели из Тель-Авива в Иерусалим. Там они совершили три круга над Храмовой горой (ни одному полицейскому не удалось запретить Иону даже помолиться над нашей святыней). Потом он продолжил полёт до Рош Пиана над Кинеретом, над Тверией, над красотами Северной Галилеи. Оттуда они вернулись в Тель-Авив. Ион много раз ехал по этому пути - через Афулу, Назарет, Хедеру, Нетанию, Герцлию. Но, только увидев эти места с высоты, можно убедиться в том, что под тобой, действительно, Священная Земля.

И тогда Ион подумал: «моя маленькая красивая страна! Почему ты так многотерпима? Почему ты без разбора принимаешь всякое дерьмо на том основании, что все евреи имеют право вернуться в свой дом? Почему ты не закрываешь двери перед недостойными? Маленький мой Израиль! Как много своего собственного дерьма ты вмещаешь! Зачем же тебе еще привозное? Американцы в Риме, прежде, чем впустить в свою обетованную Америку проезжающих мимо Израиля евреев, заглядывают им в зубы и в задний проход. И евреи раболепно ржут, перебирают копытами и помахивают хвостами. Так, может быть, и в Вене стоит проверить, кто направляется в нашу страну?».

Нет, он не считал себя потомком рабовладельцев. Он против осмотра зубов. Но таких, как прокурорша, еврейка, которая в Львовском оркестре травли евреев играла первую скрипку, он бы в Израиль не впускал. И вот прошло семь лет и эта прокурорша, шельмовавшая сиониста Дубнова и прочих «недостойных» евреев, прикатила в Израиль, на свою, как она говорила, историческую родину. И доит эту родину, потому что ничего не способна ей дать. И качает права.

Запоздалое признание

Есть все основания утверждать, что на бывшей своей родине – в Советском Союзе – Деген не получил должного признания ни как солдат, ни как поэт, ни как ученый-исследователь.

Начнём с его ратных подвигов. Он – танковый ас, вошедший в десятку лучших советских танкистов, уничтожил 16 единиц тяжелой немецкой техники. Звание Героя Советского Союза присваивали, начиная с шести уничтоженных танков. Всем, вошедшим в десятку лучших танкистов, кроме Дегена, было присвоено это высокое звание.

На Дегена тоже дважды подавали представление на присвоение ему звания Героя. Но это было, вопреки указанию начальника Главного политического управления Красной армии генерал-полковника Щербакова: не представлять евреев к присвоению звания Героя Советского Союза. Поэтому в наградном отделе руководствовались указаниями Щербакова, а не представлениями командиров Дегена, и ограничивались орденом, а то и медалью «За отвагу».

В той атаке, за которую Ион получил медаль «За отвагу», он впервые стрелял картечью. Немцы, обезумев от страха, вместо того, чтобы залечь, укрыться, удирали от танка вверх по пригорку. Картечь, изрыгаемая из ствола пушки, скосила несколько десятков немецких солдат.

Затем они настигли колонну из пяти грузовиков с боеприпасами. Болванка, выпущенная из его орудия, попала в последний грузовик, и прошив его, – ещё в предпоследний. А взорвались все пять машин. А потом ночной бой с «пантерами». Это же чудо, что ему удалось зайти им в тыл и поджечь две «пантеры». Его удача в ту ночь спасла батальон от разгрома. Но на следующий день, когда бригаду уже вывели из боя, когда три танка его взвода стояли в фольварке под старыми грушами, на артиллерийскую позицию стрелковой дивизии из леса пошли тридцать «пантер». Но это было не в их полосе.

Несчастные артиллеристы бросили свои куцые полковые пушки, и командир дивизии, не на «виллисе», а на тачанке прискакал к танкистам Дегена и взмолился: «Братцы, остановите танки! Всех к Герою представлю!». Но это же смех – три «тридцатьчетверки» против тридцати «пантер»! Но «тридцатьчетверки» за массивным каменным забором остались не замеченными немцами. И «пантеры» подставили им свои бока. Взвод Дегена уничтожил восемнадцать «пантер». А когда уцелевшие танки развернулись, чтобы скрыться в лесу, к пушкам вернулись артиллеристы и подбили ещё шесть машин. Слабая кормовая броня была по зубам их снарядам.

Ион не знал, к какой награде его представили за эти бои. Но когда через три недели в бригаду вручать награды приехал сам командующий фронтом, прошёл слух, что генерал армии прибыл потому, что Счастливику будут вручать Золотую звезду Героя. И вот построение награжденных. Командование бригады. Каких-то два чужих генерал-майора.

Красивый генерал армии Черняховский вручил ему орден «Отечественная война» за прошлое наступление. Продолжалось вручение. Вот уже вызываются награжденные орденом «Красной звезды». Вот уже медалью «За отвагу». И вдруг Ион услышал свою

фамилию. Какое-то неуставное подобие ропота прошло по построению награждённых. Это и ошарашенный вид лейтенанта, который только что так чётко печатал строевой шаг, получая орден, а сейчас шагавший неуверенно, словно сомневаясь, его ли назвали, объяснило командующему, что произошло нечто неожиданное, непредусмотренное. Он вручил медаль и, пожимая руку, улыбнувшись, сказал: «Ну, гвардии лейтенант, вы сегодня решили забрать у меня все награды».

Построение расходилось без обычного в таких случаях оживления, без шуток, без взаимных поздравлений. Даже танкисты из первого и третьего батальона, которые никогда не видели лейтенанта и, как он считал, не имели о нём представления, были подавлены полученной им пощёчиной. Тогда, после третьего своего наступления в бригаде, он ещё не знал, что стал личностью легендарной. О нём говорили: «Заговоренный». Кто-то сказал: «Счастливчик». Так и прилипла к нему эта кличка. Еще бы не счастливчик!

Отдельная гвардейская танковая бригада прорыва. Бывало, что бригаду уничтожали полностью ещё до того, как она успевала осуществить прорыв. Случалось, что несколько танков оставались до следующего наступления. Ребята, которые оставались в живых, считались невероятно везучими. В фольварке под старыми грушами Ион воевал уже на четвертой машине. Первую подбили. Две сгорели. Он отделялся только лёгкими ожогами и пустяковыми ранениями. Даже не обращался в санвзвод. Лечился у батальонного фельдшера. Отсюда и прозвище. Он шёл к своему танку, и обида давила на его плечи тяжелее ящика со снарядами.

И тут окликнул его командир батальона,

- Счастливчик, покажи-ка мне медаль. Красивая вполне. И главное – совсем танкистская.

Комбат ткнул пальцем в изображение танка на лицевой стороне медали.

– Вот так, Счастливчик. Это тебе мой бывший заместитель подгадил. Ну, и мне заодно.

Комбат прикинулся больным и не пошёл на построение. Его тоже выкликнули среди награждённых медалью «За отвагу». Медаль эта почетная, но всё же солдатская.

Батальон же свою задачу не только выполнил, но даже перевыполнил благодаря тем самым восемнадцати «пантерам». Ну, пусть не орден «Александра Невского», но хоть «Красную звезду» гвардии майор мог получить.

- Далёко пойдёт эта мразь. Его уже назначили заместителем командира отдельного танкового полка по политчасти. Но ты не тужи. Медалью можешь гордиться.

Такую медаль может получить только воин, только отважный.

Замполит же не только нагадил перед уходом на повышение своему командиру и Дегену, но и осмелился поставить в неловкое положение командующего фронтом.

Знать была у него поддержка в высших эшелонах власти.

Восьмого сентября 1948 года друг Иона Семен Резник, с которым они учились в одной группе, рассказал в институте, что утром по московскому радио передавали воспоминания танкистов о погибшем однополчанине гвардии лейтенанте, Герое Советского Союза Ионе Дегене. Добавили еще, будто бы к этой награде его представил сам генерал армии Черняховский. Ион решил, что это очередной розыгрыш друга. (Израильский профессор Семен Резник до сих пор обожает розыгрыши).

Но дома Иона ждала телеграмма - вызов на переговорный пункт. Пришел на переговорный пункт. Звонил его племянник, физик-теоретик.

- Слушай, дядюшка, - сказал ему племянник, который был на семь лет старше Иона, - скромность, конечно, украшает человека, но скрыть от родного брата, что ты Герой Советского Союза?

Дегену пришлось долго убеждать его, что не имел об этом представления. На следующий день он пришёл к областному военкому, который уже знал, о чём речь.

Военком сказал, что направил запрос в наградотдел Верховного Совета СССР. Пришёл ответ: «Ждите Указа Президиума Верховного Совета».

К двадцатилетию со дня победы стали вспоминать о бывших представленных к наградам и не получивших их. Киевский областной военкомат направил запрос в наградотдел. Смысл ответа был такой: так как у Дегена достаточное количество наград, есть мнение, что нет необходимости присваивать ему звание Героя Советского Союза.

Запашок у этого ответа был, как говорится, спиисссфисский.

Лишь в 1994 году до Дегена, наконец, дошла истина. Он вспомнил, как однажды, когда он лежал в госпитале после последнего ранения, в палату вошёл начальник госпиталя и поздравил его с награждением орденом Красного знамени. Не проследил генерал армии Черняховский, как пообещал, подумал Ион? Забыл, или не захотел, или не успел? Кто знает? Ион об этом случае, забыл. И не вспоминал о нем больше.

Но если гуляли по свету сведения московского радио, наград-отдела Верховного Совета, Киевского облвоенкомата, значит, представление генерала армии Черняховского всё-таки было каким-то образом оформлено, иначе не последовала бы такая реакция. Даже у Мирры Железновой – Айзенштадт есть такие слова:

«...Но у них ведь, у исчадий Ада,
Правда – это истинная ложь,

Ведь Герой Советского Союза –
Звания нет партии родней –
Только для героя, не для труса:
Ну а трус, конечно же, еврей.

Мир узнал Смушкевича и Маца,
Дегена, умевших воевать,
А всего их было полтораста,
И отдавших жизнь не сосчитать.

Мир с ума, потомки, сходит снова,
Подлость правит бал и тут, и там...».

Рассказывал Деген ещё об одном случае, когда даже улицу назвали его именем. Но, когда узнали, что он жив, улицу переименовали. Вспомнил Ион при этом Пушкина: «Они любить умеют только мертвых».

А в 1994 году Аркадий Тимор, друг Иона подарил ему его наградные листы. И вот перед Ионом его наградные листы. В каждом из них ошибка: «призван Могилёв-Подольским горвоенкоматом». Ну, как в 1941 году мог быть призван шестнадцатилетний мальчик? Между прочим, Ион не только не был призван, но и присяги тоже не принимал. О какой присяге могла идти речь в 130-й стрелковой дивизии во время её бегства? А в 1942 году, когда снова добровольно пришёл уже в 42-й отдельный дивизион бронепоездов, мог ли командир дивизиона предположить, что воевавший красноармеец, вернувшийся из госпиталя после ранения, не принимал присяги? А уж после второго ранения – тем более. Так и провоевал, вроде бы не нарушив присяги, которую не принимал. Но ведь писарь должен был что-то написать. В наградном листе предлагается конкретная награда. Но окончательно решение принималось в далеких штабах (в зависимости от ранга ордена). И не только истинные военные заслуги, не только храбрость, не только военное мастерство решали, какую награду получит человек, на которого написан наградной лист. Командование Красной армии оценило подвиги Дегена четырьмя орденами, высшим из которых был орден Боевого Красного Знамени.

А вот Польша за помощь в освобождении Вильно наградила Дегена высшим военным орденом *Virtuti Militari* (Грюнвальдский крест 1-ой степени), который носят на шее на специальной орденской ленте. Это произошло много лет спустя. Когда военный атташе Польши в Израиле вручил этот орден Дегену, он искренне изумился: «За что? Он считал, что ничего героического не совершил». Подавил танком огневые расчеты фашистов на одной из улиц - крошечный эпизод боёв в Вильнюсе. Но атташе объяснил, что одно дело, когда воюешь, выполняя приказ командира, и совсем другое, если действуешь по зову сердца. Ион согласился. Ведь его запросто могли загрести в Смерш и даже поставить к стенке. Вольно или невольно он ведь пошел вразрез с общей установкой. За такое самовольство по головке не гладили. Но Ион тогда не думал о политике, лишь хотел спасти товарищей по оружию, которые, как и они, воевали с немцами. Как не вступить? Не по-мужски, не по-офицерски...

О том, как «генералы от поэзии» оценили стихи Дегена, рассказано в главе «А мы ещё живы». Топтали так, что напрочь отбили у него охоту публиковать свои литературные произведения. Публиковал он только научные статьи и монографии. Но и научная его деятельность не получила ни должного признания, ни широкого внедрения, как того заслуживала. Нет, конечно, его диссертации – и кандидатская, и докторская – были признаны и не где-нибудь, а в Москве, причем, самыми авторитетными учеными советами.

Но можно ли считать признанием ученого, который вынужден был проводить свои исследования чуть ли не подпольно, содержа лабораторных крыс у себя в квартире, используя примитивное самодельное оборудование и пр. А после защиты кандидатской и даже докторской диссертаций продолжал работать рядовым врачом. Лишь уже почти перед самым выездом в Израиль Иона Дегена пригласил ректор Томского медицинского института, академик академии медицинских наук, профессор Иннокентий Васильевич Торопцев на должность заведующего кафедрой ортопедии, травматологии и военно-полевой хирургии.

Конечно, как практикующего врача Дегена знали далеко за пределами Киева и не только рядовые граждане. Узнав о решении Дегена уехать в Израиль, секретарь ЦК КПСС Долгих прислал к нему своего посланца с целью уговорить Иона остаться. Был среди его пациентов зам. министра ГБ, который неоднократно защищал Дегена от партийного руководства республики. Приезжал в командировку на лечение к Дегену начальник областного управления КГБ с разрешения Андропова, который, оказывается, знал о Дегене.

Почему же не воспользоваться уникальными способностями хирурга-виртуоза? Так и на фронте использовали его, пока оставался он годным к службе в армии. А вот с присвоением ему звания Героя обошли – хватило в одном случае ордена, а в другом – и вовсе медали.

Было отвергнуто и первое сделанное им ещё в госпитале изобретение, подобное дистракционно-компрессионное устройство, которое много позже изобрел врач Гавриил Илизаров, и за которое при защите кандидатской диссертации ему присвоили степень доктора медицинских наук. (Подробнее этот эпизод описан в главе «Снова учеба»)

В Израиле Дегену предложили продолжить его научные исследования в институте Вейцмана, но при условии получения им гранта. Ион впервые услышал слово «грант» и понятия не имел, как и где получают эти гранты. Поэтому Деген пошел по другому и более понятному ему пути – подтвердил свою квалификацию хирурга-ортопеда и двадцать лет проработал практикующим врачом в больницах Израиля.

Разработанный же им метод магнитотерапии в Израиле тоже практически не применяли. Уже незадолго до своего конца Ион вылечил у себя рожистое воспаление несколькими сеансами переменного магнитного поля без применения антибиотиков.

Это привело его друга, старого опытного терапевта в изумление. На вопрос, почему же не применяют этого лечения, Деген ответил, что сделал максимум возможного: защитил докторскую диссертацию на эту тему, написал монографию. Врачам оставалось только прочитать, познакомиться и применять. Но, увы...

Во многом прав был профессор Московского университета Вилли Иванович Классен, который приехал из Москвы попрощаться с Дегеном.

- В Израиле у вас такого не будет. И, хотя вы называете себя кустарём-одиночкой, не связанным ни с институтами, ни с кафедрами, хотя вы, по-видимому, единственный доктор медицинских наук, работающий только практическим врачом, условия для научной работы у вас такие, о каких в Израиле вы и мечтать не сможете. Я знаю. Я встречаюсь с учёными за рубежом. Тут вам стоит только чихнуть, и любой директор завода разбивается в лепёшку, чтобы сказать вам «Будьте здоровы». Чтобы за счёт завода соорудить вам без единого гроша все, что пришло вам в голову.

- Это так. Вы правы. Я знаю, что всё сказанное вами святая правда. Знаю. Но это не имеет никакого отношения к твёрдо принятому решению. Никто из моих коллег, и вы в их числе, представления не имеете о том, что я делал для страны, едва выбравшись из детского возраста. Я никогда об этом не рассказывал. Зачем? Несмотря на это, в лучшем случае я оставался в стране человеком второго сорта. Кроме того, мне очень неуютно быть каплей масла на поверхности воды. Я хочу быть в однородной среде. А ведь профессор Классен приезжал не только как друг, но и в качестве официального представителя секретаря ЦК товарища Долгих, который хотел знать, чего хочет Деген, чтобы не покидать Советский Союз?

Конечно, о нём знали и его ценили, но при этом всю жизнь гнобили от секретаря райкома до «дурня», главврача больницы. И в Израиле признание было запоздалым. Первыми его признали израильские танкисты, по собственной инициативе выкопав сведения о нем в архиве Министерства обороны СССР, зачислили его в свою высшую лигу, как это в шутку называл Ион. Дело в том, что израильский Клуб танкистов объединяет ветеранов АОИ от подполковника и выше, а Деген был в Красной армии всего лишь лейтенантом.

Встречались с ним и министр обороны Эхуд Барак, и премьер-министры Шарон и Нетаньяху. Был он среди почетных гостей на церемонии открытия в Нетании мемориала, посвященного Красной армии.

Российский еврейский конгресс (РЕК) при поддержке правительства Москвы организовал поездку Дегена в Москву с 17 по 21 октября 2013 года. Ион встречался с президентом РЕК Юрием Каннером, представителями московского правительства, посольства Израиля в России, руководством ряда столичных музеев. А также посетил Центральный музей Великой Отечественной войны, Мемориальную синагогу РЕК на Поклонной горе, Музейный комплекс «История танка Т-34» в Подмосковье, Московскую хоральную синагогу, встретился со студентами московского «Гилеля» и посетителями Еврейского музея.

В следующем 2014 году ему была вручена премия «Скрипач на крыше» в номинации «Человек-легенда». «Скрипач на крыше» - это символ того, что в любых обстоятельствах человек должен оставаться скрипачом духа и быть на высоте.

9-го сентября 2014 года в Танковом музее в Латруне состоялась премьера документального фильма «Деген». Режиссеры - Михаил Дегтярь и Юлия Меламед. А в 2015 году вышел фильм Вениамина Смехова «Последний поэт великой войны. Ион Деген». Но Ион был уже неизлечимо болен и знал об этом. Принимать все эти почести было ему приятно, но уже тяжело.

Последний диагноз

Исход без паники приемлю.
Как часто я бывал к нему готов.
Солдата долг — хоть на земле,
хоть в землю.
Без пафоса и без высоких слов.

Однажды Ион заметил на левой голени маленькое круглое выступающее образование, напоминающее родимое пятно. Он не обратил на него никакого внимания, и поэтому точно не запомнил момента его обнаружения. Однако, спустя какое-то время заметил, что пятно увеличилось. Но по-прежнему оно не вызывало ни болезненности, ни вообще никаких ощущений. Но образование продолжало увеличиваться и стало уже заметно выступать над кожей. Вспомнив, что он всё-таки врач, поставил диагноз: опухоль, меланома, злокачественная.

Теперь надо было подумать о лечении. Рядом был большой рубец от осколочного ранения. На него можно не обращать внимания. Лечение такой опухоли оперативное с последующей химиотерапией и облучением. Но после операции, которую пришлось бы сделать точно над большими сосудами голени, наверняка возникнет осложнение - нарушение кровообращения и нарушенный отток лимфы.

Положение осложнялось тем, что левая нога была единственной опорной ногой у Иона. Его правая нога после ранения была только вспомогательной с резко ограниченной функцией, а левая, хоть тоже тяжело ранена, но опорная с нормально работающими суставами.

Опухоль же продолжала увеличиваться и уже превратилась в выпуклую язву. Ион как старый опытный хирург понимал, что ждёт его после операции, и поэтому, исключив традиционный метод лечения, занялся поисками альтернативы. Поиски увенчались успехом. Ион нашёл убедительную, хорошо документированную статью одного врача из Вены. В статье на основании очень большого количества наблюдений описывалось, как усиление иммунитета простым ежедневным приёмом сыра-котеджа с чайной ложкой льняного масла и чайной ложкой корицы с мёдом действует именно против меланомы.

Что может быть проще? Примерно в течение года Ион на себе убедился в результатах этого лечения. Опухоль больше не увеличивалась, а временами даже уменьшалась, почти не болела, а если изредка болела, то совсем незначительно. Единственное неудобство доставляли ежедневные перевязки. Но это не смертельно. Так в течение нескольких лет Ион мирно сосуществовал с меланомой.

У Иона был приятель, отличный врач-терапевт. Грамотный, знающий, умный, прочно усвоивший основы русской земской медицины - все для больного человека, не требуя ничего взамен. Ион ставил его в пример большинству известных ему израильских терапевтов.

Девять лет назад, когда исполнилась годовщина его вступления в девятый десяток существования, он пополнил ряды страдающих тяжёлым заболеванием сердца. Его приятель терапевт проявил не просто профессионализм, а мастерство и вылечил его введением катера в артерии сердца! Настоящий врач! Ион выздоровел.

Так вот он узнал, что в Израиле есть профессор-онколог, успешно лечащий меланому новыми препаратами, созданными на основе инженерной генетики, потрясающе излечивающими меланому. Ион счел неразумным менять уже испытанное эффективное лечение на что-либо новое, статистически пока несравнимое с применяемым им, к тому же, неподтверждённое ещё другими авторами.

Однако это не только не нашло одобрения у приятеля, но даже обидело, как он считал, неразумное поведение Иона. Конвенциональная медицина это всё-таки не какие-то сырки с корицей. Никуда не денешься, старому врачу трудно отделаться от усвоенного за десятилетия.

Как-то, услышав от жены Иона, что тот лежит с температурой сорок градусов, он немедленно примчался к нему. На правой ноге большое болезненное красное пятно с чёткими границами, как на географической карте. Диагноз, который без труда мог бы поставить и студент-медик старшего курса, не вызывал сомнения у такого опытного врача. Рожистое воспаление. Тут же он назначил Иону сильные антибиотики. Стандарт. Конвенциональная медицина.

Ион улыбнулся и показал приятелю на стоявший рядом с постелью аппарат, - электромагнит: «Дружище, не надо антибиотиков. Несколько сеансов переменного магнитного поля, и максимум через неделю я буду здоров».

Приятель знал, что у Иона в мозгу осколок. Поэтому смотрел на него, как на пациента, нуждающегося в срочной помощи психиатра. От антибиотиков Ион всё-таки отказался. Приятель ушёл возмущённый и обиженный. Через четыре дня, навестив Иона, он увидел здорового человека. Температура тридцать шесть и восемь. Никакой красноты. Трудно описать его изумление.

- Почему же не применяют этого лечения?

- Во-первых, потому, что вы, старый опытный врач, назначаете лекарства. Заодно, не задумываясь об этом, увеличивая количество штаммов микроорганизмов, нечувствительных к антибиотикам. Во-вторых, потому, что фармакологические компании, эти кровопийцы, не хотят потерять свои многомиллиардные доходы. Я сделал максимум возможного: защитил докторскую диссертацию на эту тему не где-нибудь, а в самом авторитетном учёном совете, в хирургическом учёном совете Второго Московского медицинского института. Написал монографию. Врачам оставалось только прочитать, познакомиться и применить.

Ион сказал это, чтобы у его приятеля было представление, что перед ним не просто старый склеротик, нежелающий поменять уже испытанное лечение на новейшее, что его консерватизм основан на знании и опыте.

Однако атаки приятеля не прекратились. Он выяснил, что профессор-онколог согласен принять Иона только после биопсии. Убедить его в том, что на основании увиденного даже студент-медик безошибочно поставит диагноз, что и простой мазок может подтвердить диагноз, не удалось. Приятелю Ион объяснил почему отказывается от биопсии, от нарушения многолетнего взаимодействия с болезнью и от нарушения выработанного у него иммунитета.

А что профессор? Ведь для него Ион был всего лишь ещё одной единицей, ещё одним экспериментальным кроликом. Ему нужны правильно и тщательно оформленные документы до и после лечения. Отступить и просто помочь пусть даже очень занудному пациенту? Тем более коллеге? Тем более профессору, кое-что сделавшему в медицине? Нет! Хотя Ион не видел и не общался с этим профессором. Но он ему был предельно ясен. Может быть, он и неплохой специалист. Но он не врач. У него отсутствует самое необходимое врачу качество — сострадание. Без этого качества и гений не может быть врачом. Точно, так как человек без таланта не может стать, например, художником.

А приятель не прекращал попыток убедить Иона обратиться к этому самому профессору. Ну, в конце концов, чего вам стоит? - всего лишь только контрастная рентгенография. Нашёл слабое место в обороне Иона. Обидную и позорную медицинскую безграмотность. Для него, долгие годы не имевшего ничего общего с контрастной рентгенографией, она всё ещё оставалась на уровне того чем была, чему учили в медицинском институте, несмотря на то, что лет сорок с лишним назад он сам

подвергся такому исследованию. Принял бариевую кашу и всё. Барий нигде и никак не вступает в реакцию с организмом. Ничем он не может повредить. Согласился. Приятель на своём автомобиле отвёз Иона в больницу. Сам в приёмной озабоченно оформлял все многочисленные бумаги. Сел в приёмной ожидать его после исследования.

Но, как только оно началось, Ион с ужасом понял свою дикую непростительную ошибку. Ему не предложили глотать знакомый безвредный барий. Врач ввела иглу в вену.

- Из чего состоит контраст? — спросил он у врача.

- В основном йод».

Ион тут же решил отказаться от обследования. Йод наиболее сильный элемент, взаимодействующий с иммунной системой, угнетающий её. Но затем он представил себе реакцию своего приятеля на такое бегство, его разочарование. Обиду. Гори всё огнём! Остался. Полностью прошёл исследование. Глядя, как приятель в паркинге расплачивается за продолжительную стоянку, не промолвил ни слова. А что говорить? Он ведь хотел как лучше. Но, если Ион вообще не знал, что контраст не безводный барий, он-то должен был знать, что это йод, так влияющий на иммунную систему.

На следующий день проснулся уже не Ион, в течение многих лет мирно сосуществовавший с меланомой, а другой, ещё незнакомый ему человек. За грудиной, в самом её низу его давило нечто тошнотворное. На завтрак все эти годы у него был сыр-котедж с льняным маслом, который съедал с удовольствием. Надо было принять эту вкусную еду — лекарство. Но даже мысль о еде стала позывом к рвоте. Хорошо ещё, что нечем было рвать. В опухоли появилась более интенсивная боль. Но это пустячок. Зато в двух малюсеньких подкожных опухолях на бедре боль была совершенно невыносимой.

Ион часто удивлял медиков своей переносимостью болей, терпеливостью. Он говорил: «Знаешь, с 21 января 45-го — дня, когда меня убили, моего главного дня рождения — у меня не было ни одного дня без боли». А тут он понял, что переносить такую боль не во власти человека. Счастье, что она была непродолжительной и периодической. Он отчетливо понял, что йод уничтожил его иммунитет. Состояние, на которое накатывалось ещё что-то, что ему, хоть и врачу, было трудно описать однозначно. А он собирался написать не рассказ, а научную статью. Хорошая получилась бы статья... Во всём случившемся винил только себя. Мог ведь, должен был убедить своего приятеля в том, что он не чужак, а точно оценивающий ничью между ним и меланомой, беспартийным арбитром в которой служит иммунитет. При случайном уколе мы рефлекторно отдёргиваем руку. Кто знает, как отреагирует опухоль на пустяковый случайный укол? Что в этом случае скажет арбитр - иммунитет?

Самоуверенные врачи в спорах с гомеопатами, издеваются над микроскопическими дозами их лечебных средств, думал теперь Ион. А ведь немедленно после оплодотворения яйцеклетки сперматозоидом выделяется лютеин. Сколько? Несколько молекул! В тысячи раз меньше лечебных доз гомеопатов! А результат? Невероятные анатомические и физиологические изменения у забеременевшей женщины! Следовало рассказать всё это моему приятелю терапевту, отличному врачу.

Ну, что ж, сейчас ему уже девяносто второй год. Ещё юношей научился он встречать смерть без паники. Главное теперь - приучить внуков к тому, что всё идёт своим чередом, как и должно идти. Юмор в таких случаях большое подспорье.

Во мне нахально хулиганит тумор.

И так, как я, пока, ещё не умер,

Сильнее тумора еврейский юмор.

Он даже обезболить умеет.

Открытым текстом сказано еврею
О том, что срочно ожидаем там.
Чтоб облегчить труды гробовщикам,
Сейчас катастрофически хUDEЮ.
Одно лишь не могу исправить жлобство,
Любимым причину я неудобство.
Понятно, что стишки такого сорта
Позволено публиковать post mortem.

Прошло четыре месяца. Ион ещё был жив. Состояние, которое не мог описать, почти не изменилось. Он заставлял себя есть, хотя даже любимая пища больше не доставляла ему удовольствия на фоне постоянной тошноты. Он очень похудел. Общее состояние было таким же, как и сразу после исследования.

Ион полагал, что столь подробное описание своего состояния, возможно, окажется полезным молодым врачам и студентам медикам. Он верил, что именно для этого Он в дополнение к подаренным ему годам совершил еще одно чудо, продлив его дни болезни.

Вскоре после ухода Иона появилось сообщение о том, что уроженец Хайфы Нир Хакоэн и его жена-китаянка впервые создали прививку от рака. Профессор Нир Хакоэн и его супруга профессор Кэтрин Ву провели исследование, которое может - впервые в истории человечества - стать ступенькой к созданию эффективной вакцины против рака кожи - меланомы. На следующем этапе ожидается управление иммунной системой человека для противодействия другим видам рака и прочим болезням. Значит, Ион шел правильным путем. Если бы не вмешательство его друга ...

Заключение

В этом не типично большом по размеру стихотворении, мне кажется, Дегену удалось отразить всю свою жизнь, «хорошую, хотя и трудную», как когда-то предсказала ему цыганка.

ЧИСТЫЕ РУКИ

Надо мной много лет колуном-топором
Груз висит. И не сдвинуть руками.
Эта тема бикфордовым длинным шнуром
Подбиралась взорваться стихами.
От неё, непосильной, увиливал так,
Что порой было горько и стыдно.
Но попробуй сложи гимн о чистых руках,
Если рук этих чистых не видно.

Я на фронте о чистых руках тосковал.
Лоб в тавоте, в газойле колени.
В сон валился бессильный, как в смерть, наповал,
Не мечтая о мыле и пене.
Чистота!
Только даже во время еды
Мы о ней размышляли едва ли.
Временами дрожали над каплей воды,

А порой над секундой дрожали.
И шутили солдаты, мол, грязь – не беда,
Вымыть руки не худо оно бы,
Но важнее, что есть у солдата еда,
А от грязи – подохнут микробы.
Невзначай я копнул неприятный завал,
И немедля возникла дилемма.
Сам голодный, еду иногда воровал...
С чистотой согласуется тема?
Не в запас воровал боевой лейтенант
Чтобы только не сдохнуть до боя.

А в тылу прибирал всё к рукам интендант,
Смелый на руку, знал, как присвоить.
Он с быка получать умудрялся отёл,
Он ворочал едой и вещами.
А какими руками влезал он в котёл
С водянисто-солдатскими щами!
В штабе закусь и водка – широкой рекой.
И «герою» с расплывшейся мордой
Полупьяный начальник нечистой рукой
Императорски жаловал орден.
Приписали ему моё место в бою,
Подчинённых моих достижения...
И опять своровали награду мою,
Соблюдая закон сохраненья.
Не страшились большого начальства пинка
Под прикрытием взаимной поруки.
Хоть рука руку моет, но наверняка
Оставались нечистыми руки.

Грязь нетрудно заметить на чистом полу.
Но останешься в схватке с фашистом
Чист в окопной грязи. Ну а тех, кто в тылу
Как разделим на чистых-нечистых?
Я не знаю, как выжил в смертельном бою.
Помню лишь госпитальные муки.
Перебитые руки в крови и в гною,
Разве это не чистые руки?

Было ясно на фронте, кто свой, кто не свой.
Было ясно, где чисто, где грязно.
А в гражданском житье я ходил, как слепой,
Подвергаясь нечистым соблазнам.
Как-то в частную лавку втащил меня друг.
Цены дикие в лавке. Но было
Бакалейных товаров обилье. И вдруг,
Как мираж – туалетное мыло.
Совершали мы в баню повзводный бросок,
Я смывал с себя грязи избыток.
Дурно пахнувший ржавого мыла брусок

Был нам дорог, как золота слиток.
Этим мылились мылом во время войны
И сейчас, в первый год невоенный.
Туалетное мыло! Мы были вольны
Только грезить о нём, незабвенном.
Положил на прилавок пахучий пакет
Сам хозяин, предельно учтивый.
Но увидел я вдруг: «Reines jüdisches Fett»*
На обёртке блестящей красивой.
Онемел. Задохнулся. Проклятья и мат,
Изрыгал я, от боли зверея.
Где-то в Пруссии мне показал наш комбат
Абазуры из кожи евреев.
Но, громя эту лавку, был верен себе:
Я, воспитанник подлой науки,
Не пошёл, не донёс, как учили, в ГБ,
Не запачкал стукачеством руки.

Юдофобская банда нагрянула в зал.
И конфликт нарастал постепенно.
Мой знакомый был рядом. Он видел, он знал,
Что я в драку вяжусь непременно.
Джентльменством своим окруженье плена,
Сливший в части морали красавцем,
Рук решил не марать. И оставил меня
Одного против банды мерзавцев.

Со студенческих лет, как священный обряд,
Медицинских законов зачаток:
В анатомке с перчаток смывал трупный яд,
А потом руки мыл без перчаток.
Редко сытый студент, фронтовые влача
Гимнастёрку в заплатках и брюки,
Восходил постепенно к высотам врача,
Сохраняя в стерильности руки.
Светлый образ целителя, образ врача
Ярче титульных великолепий.
Из библейских времён к нам пришёл Элиша,
Из элинской легенды – Асклепий.
Летописцы, владыки, века не сотрут
Врачевателей славу бессмертных,
Кто больным отдавал ум, умение и труд,
И себя – как последнюю жертву.
Мозг и сердце настроить на их частоту!
Ну, а руки?
Усвоил я чётко:
Невозможно создать этих рук чистоту
Только спиртом, и мылом, и щёткой.
Эти руки врача! Щуп найдите другой.
Кто способен всё снова, и снова
Сострадающей и осторожной рукой

Осознать ощущение больного?
Пусть известно, что врач бескорыстен и свят, –
Как без денег прожить человеку?
Только грустно, что деньги порою грязнят
Даже без прикосновения к чеку.
Но когда нечистот мы касаемся вдруг,
Повторяется истина вечно:
Экскременты больного не пачкают рук,
Если совесть врача безупречна

Клевету на меня друг, услышав, застыл...
Оглушили его эти звуки,
Но смолчал малодушно. Он руки умыл,
Только стали ли чистыми руки?

Чистота... Как и прежде, тоскую о ней.
Что есть проще простой этой штуки?
Но пойдя, подсчитай, сколько раз, сколько дней
Пожимали мы чистые руки?

Не по мне эта тема.
Умерил размах.
Говорил про дела, про усталость,
Подбираясь к стихам.
И о чистых руках
Не сумел написать, как мечталось...

За ранения, за искажённую плоть,
За лишенья, потери, разлуки
До конца моих дней помоги мне, Господь,
Пожимать только чистые руки!